

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ
ХАЙНЛАЙН

Небесный фермер • Среди планет
Космическое семейство Стоун

Звезды мировой фантастики (Азбука)

Роберт Хайнлайн

**Небесный фермер. Среди
планет. Космическое
семейство Стоун (сборник)**

«Азбука-Аттикус»

1950, 1951, 1952

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Хайнлайн Р. Э.

Небесный фермер. Среди планет. Космическое семейство Стоун (сборник) / Р. Э. Хайнлайн — «Азбука-Аттикус», 1950, 1951, 1952 — (Звезды мировой фантастики (Азбука))

ISBN 978-5-389-15396-7

Действие романов, составивших этот том, происходит в сложный период истории будущего по Хайнлайну. По всей Солнечной системе вспыхивают восстания против диктатуры Земли. Колыбель человечества лишается радиоактивных материалов и биоресурсов Венеры, продукции лунной гидропоники и возможности контролировать марсианский проект. Но луны Юпитера продолжали снабжать Землю продовольствием, а промежуточная база на Церере стала новым форпостом земной цивилизации, откуда началось освоение и разработка ресурсов в поясе астероидов. Вскоре эти проблемы потеряют актуальность – на Земле грядет Третья мировая война, но пока... Билл Лермер, молодой герой космического фронта из романа «Небесный фермер», отправляется вместе с семьей на спутник Юпитера Ганимед, чтобы превратить маленькую планету в цветущий сад. Ганимед оказывается стойким орешком, впрочем и у новых его хозяев крепкие зубы и характер бывших фронтисменов Дикого Запада. В романе «Среди планет» юный бедолага Дон Харви попадает в водоворот событий, от которых зависит возможный исход войны между Землей и колониями Венеры. В «Космическом семействе Стоун» читатель вместе с братьями-близнецами и непредсказуемым их семейством путешествуют на корабле «Роллинг Стоун» по просторам планетным. Предприятие это небезопасно, потому что путешествующая компания вечно вляпывается в какую-нибудь неприятность. Перевод романа «Небесный фермер» выполнен заново. Переводы других романов публикуются в новой редакции. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-15396-7

© Хайнлайн Р. Э., 1950, 1951, 1952

© Азбука-Аттикус, 1950, 1951, 1952

Содержание

Смещение фронта	8
Небесный фермер	10
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Роберт Хайнлайн

Небесный фермер; Среди планет; Космическое семейство Стоун (сборник)

Robert A. Heinlein

FARMER IN THE SKY

Copyright © 1950 by Robert A. Heinlein

BETWEEN PLANETS

Copyright © 1951 by McCall Corporation and Robert A. Heinlein

THE ROLLING STONES

Copyright © 1952 by Robert A. Heinlein

All rights reserved

Иллюстрация на обложке Сергея Григорьева

Издательство выражает благодарность С. В. Голд (swgold) за активную помощь при подготовке книги.

© К. Плешков, перевод, 2018

© А. Шаров (наследники), перевод, 2018

© Н. Виленская, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

Роберт Энсон Хайнлайн (1907–1988)

Наряду с Айзеком Азимовым и Артуром Кларком входит в большую тройку писателей-фантастов и носит титул гранд-мастера. Автор знаменитых романов «Двойная звезда», «Звездный десант», «Кукловоды», «Чужак в стране чужой» и многих других, писатель – рекордсмен по числу литературных наград, включая такие престижные, как премия «Хьюго», «Небьюла» и т. д. По опросам, проводимым журналом «Локус» среди читателей, Роберт Хайнлайн признан лучшим писателем-фантастом всех времен и народов.

Уже после первого опубликованного рассказа Хайнлайна признали лучшим среди писателей-фантастов, и он сохранил этот титул до конца жизни.

Айзек Азимов

Что бы не говорили плохого об идеологии этого автора, его нельзя обвинить в фарисействе, разве только в простодушной наивности.

Станислав Лем

Хайнлайн верил, что фантастический рассказ имеет смысл только в том случае, если его корни уходят в самую настоящую действительность, в то же время проникая в мир воображения. Он был убежден, что выдуманная действительность не может быть опрокинута на читателя в первых же абзацах произведения, а должна проявляться постепенно, прорастая сквозь реальность.

Роберт Сильверберг

Полвека не покладая рук он работал в фантастике, выпустил в свет 54 книги – романы, сборники рассказов и т. д. – общим тиражом 40 миллионов экземпляров. За три первых года работы он, на взлете таланта, создал несколько книг, которые живы и сегодня не просто как любопытные опыты довоенной фантастики, а как совершенно современные произведения. И когда я говорю о том, что Хайнлайн – создатель современной американской фантастики, я имею ввиду именно свежесть, актуальность его работы – каждая из его повестей могла быть опубликована сегодня, и мы бы восприняли ее как сегодня написанную.

Кир Булычев

Смещение фронта

Если каравеллы Колумба гнала через океаны жажда золота и пряностей, то первопроходцев космоса отправляли в черную бездну куда более приземленные нужды – голод и потребность в энергии. Население Терры неуклонно росло, качество жизни неуклонно падало, но люди, как и любой другой биологический вид, отвечали на ухудшение условий жизни ускоренным размножением. Колонии Луны и Венеры не могли снизить величину демографического давления, они лишь поглощали излишек социально активного населения, что позволяло властям хоть как-то контролировать оставшихся. Но даже пассивное большинство представляло угрозу для человечества и земной цивилизации – просто потому, что все эти люди хотели есть.

Ни Луна, что была безжизненным каменным шаром, ни ее антипод, обильная жизнью Венера, не могли насытить постоянно растущие аппетиты Земли. Освоение Луны было довольно затратным предприятием, а джунгли Венеры неохотно что-либо выпускали из своих зеленых объятий. И когда с третьей попытки люди сумели закрепиться на Марсе, там немедленно заработал атмосферный проект. Во многом он был чисто политическим шоу – истинные затраты на полный комплект оборудования и реальные сроки восстановления кислорода из древних осадочных пород были несоразмерны с циклами политической жизни. Куда более реальной и привлекательной представлялась задача терраформирования малых планет, покрытых водной и метановой оболочкой. Производство кислорода электролизом из такого сырья было на порядок более эффективно, чем его термическое восстановление из оксидов кремния и железа в марсианских песках. Проблема была в том, что ледяные шары Европы, Каллисто и Ганимеда находились от Земли на расстоянии шестисот миллионов километров – на орбите вокруг планеты-гиганта Юпитера.

Древние атомные ракеты, с помощью которых шло освоение Венеры и Марса, тратили годы на полет к Юпитеру и обратно, что превращало терраформинг его спутников в довольно долгое и дорогостоящее предприятие. И тем не менее человечество расходовало на эти экспедиции тонны урана и железа, потому что эффективная отдача планет-колоний продолжала падать. На них зарождались собственные социальные структуры и складывались нации – со всеми вытекающими обстоятельствами.

Восстания вспыхнули в последней четверти XXI века, практически одновременно на всей периферии. Земля лишилась радиоактивных материалов и биоресурсов Венеры, продукции лунной гидропоники и возможности контролировать марсианский проект. Но луны Юпитера продолжали снабжать Землю продовольствием, а промежуточная база на Церере стала новым форпостом земной цивилизации, откуда началось освоение и разработка ресурсов в поясе астероидов.

По иронии судьбы национальные революции стали последним проявлением пассионарности в колониях: в условиях полной изоляции и отсутствия внешнего давления там быстро сформировались национальные бюрократические структуры, перенявшие и отчасти скопировавшие функции земной колониальной администрации. К концу века колонии превратились в экономически и политически самодостаточные государства, медленно, но неуклонно дрейфующие обратно в объятия земной метрополии. Вчерашние революционеры и их потомки отправились на новую периферию Ойкумены – в Пояс астероидов, к спутникам Юпитера и Сатурна.

К этому времени окраины Солнечной системы стали действительно доступны. Появлению нового фронта было бы невозможно без масс-конвертора Томпсона в качестве источника энергии и факела Ортеги в качестве движителя космических кораблей. Новая техника полностью изменила прежние расчеты эффективности и доступности космических проектов. Спутники планет-гигантов и астероиды внезапно оказались совсем рядом, и то, что вчера казалось неэффективной бессмыслицей, теперь обрело вполне реальный смысл.

Пояс способен был насытить энергетический голод, луны Юпитера исправно поставляли продовольствие, а новые корабли легко справлялись с потоками переселенцев. Но в начале XXII века эти проблемы внезапно потеряли актуальность – Третья мировая война резко снизила демографическое давление, масс-конвертор доказал свою эффективность в качестве источника энергии на любом доступном сырье, а промышленное производство синтетической пищи навсегда отправило голод в область древних страхов.

Однако, решая эти задачи, человечество сдвинуло фронт с внутренних планет к границам Системы, и теперь любая внутренняя проблема, любой побудительный импульс мог отправить его только дальше – к звездам.

С. В. Голд

Небесный фермер

Посвящается Сэнди

1. Земля

В тот день наш отряд был в горах Сьерра-Невада, и мы припозднились с возвращением. Из лагеря стартовали вовремя, но служба управления движением развернула нас далеко на восток из-за непогоды. Меня это не обрадовало – отец обычно не садился ужинать один.

К тому же мне подсунули в качестве второго пилота какого-то нового мальчишку – мой обычный второй пилот и заместитель командира патруля заболел, поэтому скаутмастер мистер Кински дал вместо него этого балбеса. Сам мистер Кински летел на другом вертолете с патрулем кугуаров.

– Почему не прибавишь скорость? – поинтересовался балбес.

– Никогда не слышал о правилах воздушного движения? – спросил я.

Вертолет управлялся дистанционно с земли и медленно летел по заданному курсу вдоль выделенного нам транспортного коридора.

– Всегда можно сочинить что-нибудь непредвиденное, – рассмеялся балбес. – Сейчас увидишь.

Он включил микрофон:

– Лис восемьдесят третий вызывает службу...

Я отключил связь, а потом, когда диспетчер ответил, включил снова и сказал, что их вызвали по ошибке. Балбес не скрывал своего недовольства.

– Маленький сыночек! – приторно-сладким голосом произнес он.

Вот этого говорить точно не стоило.

– Иди назад, – велел я ему, – и скажи Слэтсу Кейферу, чтобы шел сюда.

– Зачем? Он не пилот.

– Ты, как мне кажется, тоже. Но он весит столько же, сколько и ты, а я не хочу нарушать баланс этого драндулета.

Он откинулся на спинку сиденья:

– Старик Кински назначил меня вторым пилотом, так что никуда я отсюда не уйду.

Я досчитал до десяти и промолчал. Пилотская кабина летящего вертолета – не самое подходящее место для драки. Больше мы не произнесли ни слова, пока я не посадил машину на площадке Северный Сан-Диего и не выключил сопла на роторе.

Вышел я, естественно, последним. Мистер Кински ждал нас, но я его не видел – все мое поле зрения занимал тот балбес.

– Может, повторишь, что ты тогда сказал? – Я схватил его за плечо.

Между нами встал появившийся словно ниоткуда мистер Кински:

– Билл, Билл! Что это значит?

– Я... – Я собирался заявить, что намерен выбить этому балбесу все зубы, но передумал.

Мистер Кински повернулся к нему:

– В чем дело, Джонс?

– Я ничего не сделал! Спросите кого угодно.

Я уже намеревался сказать, что он может повторить то же самое перед пилотской комиссией – нарушение субординации в воздухе всегда считалось серьезным проступком. Но его фраза «спросите кого угодно» меня остановила. Никто, кроме нас двоих, ничего не видел и не слышал.

– Билл, проводи перекличку патруля и отпусти их, – сказал мистер Кински, посмотрев на нас обоих.

Так я и сделал, а потом отправился домой.

В общем, добрался я уже весь вымотанный и на нервах. По дороге послушал новости, которые ничем меня не порадовали. Пакет урезали на очередные десять калорий, отчего я ощутил еще больший голод, вспомнив, что не успеваю к ужину с отцом. Дальше в новостях сообщали, что космический корабль «Мэйфлауэр» наконец введен в строй и открыт прием заявлений от потенциальных эмигрантов.

«Что ж, кому-то повезет, – подумал я. – Никаких урезанных пайков, никаких балбесов вроде Джонса...»

И новенькая, с иголки, планета.

Джордж – то есть мой отец – сидел в гостиной, просматривая какие-то бумаги.

– Привет, Джордж, – сказал я. – Ты ужинал?

– Привет, Билл. Нет.

– Сейчас приготовлю.

Войдя в кухню, я понял, что он не только не ужинал, но и не обедал. Надо соорудить ему двойную порцию.

Достав из холодильника два синтестейка, я бросил их в размораживатель, добавил большой пакет картофеля «айдахо» для отца и пакет поменьше для себя, затем вынул упаковку салата и оставил ее греться естественным путем.

К тому времени, когда я залил кипятком два суповых кубика и порошковый кофе, стейки уже были готовы для жарки. Я перенес их в гриль, установил средний режим и прибавил температуру размораживателя, чтобы картошка подоспела к стейкам, после чего вернулся к холодильнику за парой кусков торта с мороженым на десерт.

Гарнир разогрелся. Быстро взглянув на сводку продовольственных расходов, я решил, что мы можем себе позволить чуть больше, и отрезал к картошке пару кусочков маргарина. Звякнул гриль; я извлек из него стейки, поставил все на стол и включил свечи, как это всегда делала Энн.

– Иди, все готово! – крикнул я.

Переписав с упаковок данные о калориях и количестве баллов, я бросил их в мусоросжигатель. Так никогда не запутаешься в расходах.

Едва я закончил, отец сел за стол. Прошло всего две минуты двадцать секунд – в готовке на самом деле нет ничего сложного. Не понимаю, почему женщины устраивают из-за этого такую кутерьму. Вероятно, в их действиях просто нет системы.

– Господи! – отец понюхал стейки и широко улыбнулся. – Билл, ты нас разоришь.

– Это уже моя проблема, – ответил я. – У меня пока остались излишки за этот квартал. – Я нахмурился. – Вот только в следующем их уже не будет, если не перестанут урезать пайки.

Отец замер, не донеся кусок стейка до рта.

– Опять?

– Опять. Послушай, Джордж, я никак не пойму. В этом году был хороший урожай, к тому же в Монтане заработал завод по выращиванию дрожжей...

– Билл, ты ведь следишь за всеми новостями о продовольственном снабжении?

– Естественно.

– Обратил заодно внимание на результаты переписи населения в Китае? Попробуй посчитать на логарифмической линейке.

Я понял, что он имеет в виду, и стейк вдруг показался мне похожим по вкусу на старую резину. Какой смысл пытаться экономить, если кто-то на другой стороне планеты намерен обратить в прах все твои усилия?

– Этим чертовым китайцам стоило бы перестать плодиться и начать выращивать еду!

– Все, Билл, должно делиться поровну.

– Но...

Я замолчал. Джордж, как обычно, был прав, но отчего-то мне это показалось не вполне честным.

– Слышал про «Мэйфлауэр»? – спросил я, чтобы сменить тему.

– А что там с «Мэйфлауэром»?

Голос отца вдруг стал настороженным, что меня удивило. С тех пор как умерла Энн – моя мать, – мы с Джорджем сблизились настолько, насколько только могут сблизиться двое мужчин.

– Ну... он введен в строй, только и всего. Начался отбор эмигрантов.

– И что? – столь же настороженно спросил отец. – Чем вы сегодня занимались?

– Ничем особенным. Прошли пешком около пяти миль к северу от лагеря, и мистер Кински принял у некоторых ребят зачеты. И я видел горного льва.

– Что, правда? Я думал, их больше не осталось.

– Ну... мне показалось, будто я его видел.

– Значит, скорее всего, так оно и было. Что еще?

Поколебавшись, я рассказал ему о том балбесе, Джонсе.

– Он даже не из нашего отряда. Как он смеет вмешиваться в мою работу пилота?

– Ты правильно поступил. Похоже, Билл, этот балбес Джонс, как ты его называешь, слишком молод, чтобы доверить ему пилотскую лицензию.

– Собственно, он на год старше меня.

– В мое время даже подавать на лицензию можно было лишь после того, как тебе исполнится шестнадцать.

– Времена меняются, Джордж.

– Это точно. Это точно...

Отец внезапно погрузился, и я понял, что он думает об Энн.

– Неважно, сколько ему лет, – поспешно сказал я, – но как этот червяк Джонс смог бы пройти тест на психологическую устойчивость?

– Психологические тесты несовершенны. Как и люди.

Отец откинулся в кресле и, закулив трубку, спросил:

– Хочешь, Билл, я сам приберусь сегодня?

– Нет, спасибо.

Он всегда об этом спрашивал, и я всегда отказывал. Отец слишком рассеян и отправляет продовольственные баллы в мусоросжигатель. Зато от моего внимания ничто не ускользает.

– Сыграем в криббедж? – предложил я.

– Я тебя наголову разгромлю.

– Кто же еще, кроме тебя?

Я собрал мусор, сжег посуду и последовал за отцом в гостиную. Он уже доставал доску и карты.

Похоже, мысли его были заняты вовсе не игрой. Я уже был близок к выигрышу, прежде чем он успел всерьез начать партию. Наконец он положил карты и посмотрел прямо на меня:

– Сынок...

– Гм? – В смысле: «Да, Джордж?»

– Я решил эмигрировать на «Мэйфлауэре».

Я опрокинул доску для криббеджа, но тут же поднял ее, сбавил обороты и попытался выровнять полет.

– Круто! Когда отбываем?

Отец яростно затянулся трубкой:

– В том-то и суть, Билл. Ты никуда не летишь.

Я лишился дара речи. Отец никогда прежде так со мной не поступал. Несколько мгновений я лишь сидел, шевеля губами, словно рыба, и лишь затем сумел проговорить:

– Папа, ты шутишь.

– Нет, сынок, не шучу.

– Но почему? Ответь мне на единственный вопрос: почему?

– Понимаешь, сынок...

– Называй меня Билл.

– Хорошо, Билл. Одно дело – когда я сам решаю рискнуть, начав жизнь колониста, но у меня нет никакого права ломать жизнь тебе. Ты должен завершить образование. На Ганимеде нет приличных учебных заведений. Выучись, станешь взрослым – и если уже тогда захочешь эмигрировать, дело твое.

– И это единственная причина? Потому что я должен учиться?

– Да. Ты останешься здесь и получишь диплом. Мне бы хотелось видеть тебя и с докторской степенью. А потом, если пожелаешь, можешь ко мне присоединиться. Своего шанса ты не упустишь – кандидаты, имеющие там близких родственников, рассматриваются в первую очередь.

– Нет!

Отец, похоже, оставался непоколебим. Впрочем, и я, пожалуй, тоже.

– Джордж, послушай меня. Если ты меня здесь бросишь, никакой пользы от этого не будет. Я не стану учиться. Я уже сейчас могу сдать экзамены на гражданство третьего класса. А потом получу разрешение на работу, и...

– Разрешение на работу тебе не потребуется, – оборвал он меня. – Я оставлю тебе хорошее содержание. Билл, ты...

– Хорошее содержание? Думаешь, я притронусь хоть к одному твоему кредиту, если ты улетишь и бросишь меня? Буду жить на стипендию, пока не сдам экзамены и не получу рабочую карточку.

– Не так громко, сынок! Ты ведь гордишься тем, что ты скаут?

– Ну... да.

– Кажется, припоминаю, что скаутам положено слушаться старших. И быть с ними вежливыми.

Меня словно обдало жаром. Следовало сообщить, что он это скажет.

– Джордж...

– Да, Билл?

– Если я был с тобой груб – извини. Но законы скаутов придуманы не для того, чтобы скаутами легче было командовать. Пока я живу в твоём доме – буду делать все, что скажешь. Но если ты меня бросишь, у тебя больше не будет на меня никаких прав. Разве это нечестно?

– Будь благоразумен, сынок. Я поступаю так ради твоего же блага.

– Не соскакивай с темы, Джордж. Честно или нечестно? Если ты улетишь за миллионы миль отсюда, как ты можешь рассчитывать, что сумеешь влиять на мою жизнь? Я буду сам по себе.

– Я все равно останусь твоим отцом.

– Отцы и сыновья должны держаться вместе. Насколько я помню, отцы, приплывшие на том, первом «Мэйфлауэре» взяли с собой своих детей.

– Это другое дело.

– Почему?

– Речь идет о намного более далеком путешествии. И весьма опасном.

– И тогда было опасно – все знают, что половина колонии в Плимуте умерла в первую же зиму. И расстояние ничего не значит – важно то, сколько времени занимает путешествие. Если бы сегодня мне пришлось идти назад пешком, мой поход затянулся бы и на следующий

месяц. Пилигримам потребовалось шестьдесят три дня, чтобы пересечь Атлантику, – по крайней мере, так учили в школе. Но сегодня в новостях сказали, что «Мэйфлауэр» – нынешний «Мэйфлауэр» – доберется до Ганимеда за шестьдесят дней. То есть получается, что до Ганимеда ближе, чем от Лондона до Плимут-Рока.

Отец встал и выбил трубку.

– Я не собираюсь с тобой спорить, сынок.

– И я тоже...

Я глубоко вздохнул. Возможно, продолжать не следовало, но меня охватила злость. Ко мне никогда прежде не относились подобным образом, и, вероятно, я хотел причинить ответную боль.

– ...но вот что я тебе скажу: ты не единственный, кого тошнит от урезанных пайков. Если ты думаешь, что я собираюсь тут оставаться, пока ты будешь жрать от пуза в своих колониях, то советую подумать еще раз. А я-то считал, будто мы – партнеры...

О последних своих словах я тут же пожалел. Именно это сказал он мне на следующий день после смерти Энн, и так с тех пор оставалось всегда.

Еще не успев договорить, я понял, почему Джордж хотел эмигрировать и что продовольственные баллы тут вовсе ни при чем. Но я не знал, как взять собственные слова назад.

Отец уставился на меня, затем медленно проговорил:

– Думаешь, в этом все дело? Что я хочу улететь, чтобы больше не пропускать обед, экономя продовольственные баллы?

– А в чем еще? – спросил я, не зная, что ответить.

– Гм... хочешь – верь, хочешь – нет, Билл, но больше мне сказать нечего. Пойду, пожалуй, спать.

В смешанных чувствах я отправился к себе в комнату. Мне настолько хотелось, чтобы рядом была мама, что я в буквальном смысле ощущал это желание на языке, зная, что то же самое чувствует и Джордж. Она никогда не допустила бы, чтобы наш спор дошел до той точки, когда мы начали бы кричать друг на друга – или, по крайней мере, я на него. К тому же наши партнерские отношения разрушились и никогда уже не могли бы стать прежними.

После душа и долгого массажа я почувствовал себя лучше. Я понял, что на самом деле наше партнерство не так-то просто разрушить. В конечном счете Джордж все равно бы понял, что я должен лететь с ним, и не позволил бы колледжу встать на моем пути. В этом я несколько не сомневался – или почти не сомневался.

Я начал думать о Ганимеде.

Ганимед!

Да что там – я даже на Луне никогда не бывал!

У нас в классе был мальчик, который родился на Луне. Его родители остались там, а его отправили домой учиться. Он строил из себя покорителя глубокого космоса, но расстояние до Луны составляло меньше четверти миллиона миль – в нее практически можно было швыряться камнями. Лунная колония не могла обеспечивать сама себя, и там действовали те же нормы пайков, что и на Земле. По сути, это была часть Земли. Но – Ганимед!

Я вспомнил, что до Юпитера примерно полмиллиарда миль, плюс-минус в зависимости от времени года. Как могло мизерное расстояние до Луны сравниться с подобным прыжком?

Внезапно я понял, что забыл, каким по счету спутником Юпитера является Ганимед – третьим или четвертым. Но знать мне это было обязательно нужно. В гостиной лежала книга, которая могла сообщить и эту информацию, и много другой, – «Путешествие по колониям Земли» Элсуорта Смита. Я направился за ней.

Отец так и не ложился – сидел в кресле и что-то читал.

– О... привет, – сказал я и принялся искать книгу.

Он кивнул и продолжал читать.

Книги на обычном месте не оказалось. Я огляделся вокруг.

– Что ищешь, Билл? – спросил отец.

И тут я увидел, что он держит именно ее.

– Гм... ничего, – ответил я. – Не знал, что книга у тебя.

– Эта? – показал отец.

– Неважно. Найду что-нибудь еще.

– Бери. Я уже просмотрел.

– Ну... ладно, спасибо.

Взяв книгу, я направился к двери.

– погоди, Билл.

Я остановился.

– Решено, – сказал он. – Я никуда не лечу.

– Гм?!

– Ты был прав насчет того, что мы партнеры. Мое место здесь.

– Да, но... Послушай, Джордж... извини за то, что я наговорил насчет пайков. Я знаю, что дело не в этом. Просто... ты должен лететь.

Мне хотелось сказать ему: я знаю, все дело в Энн. Но я боялся, что если произнесу имя Энн вслух, то тут же разрыдаюсь.

– Другими словами, ты согласен остаться – и учиться дальше?

– Ну... – К ответу я был не вполне готов, будучи полон решимости лететь сам. – Я не совсем это имел в виду. Я имел в виду, что знаю, почему ты хочешь лететь... почему ты должен лететь.

– Гм... – Он долго раскуривал трубку. – Понимаю. А может, и нет. – Он помолчал. – Давай так, Билл. Наше партнерство остается в силе. Либо мы оба летим, либо оба остаемся – если только ты добровольно не останешься, чтобы получить степень и присоединиться ко мне потом. Так честно?

– Ну... да, конечно!

– Тогда поговорим позже.

Я пожелал ему доброй ночи и поспешно нырнул в свою комнату.

«Вильям, малыш, – сказал я себе, – все уже практически решено, – если только не окажешься чересчур мягкосердечным и не согласишься остаться».

Забравшись в постель, я раскрыл книгу.

Ганимед был третьим спутником Юпитера – удивительно, что я об этом забыл. Размерами он превосходил Меркурий и еще больше Луну – вполне приличная планета, пусть даже и спутник. Сила тяжести на поверхности составляла одну треть земной – там я весил бы примерно фунтов сорок пять. Первый контакт состоялся в тысяча девятьсот восемьдесят пятом году – об этом я знал, – а проект по созданию атмосферы начался в тысяча девятьсот девяносто восьмом и продолжался до сих пор.

В книге имелось стереоизображение Юпитера, каким он был виден с Ганимеда, – круглый, словно яблоко, красно-оранжевый и приплюснутый на обоих полюсах. И еще он был невероятно огромен и прекрасен. Глядя на него, я заснул.

В последующие три дня у нас с отцом не нашлось возможности поговорить, поскольку все это время я провел вместе с классом в Антарктике, откуда вернулся с обмороженным носом и шикарными фото пингвинов. У меня было время подумать.

Отец, как обычно, забыл записать расходы, но сохранил упаковки от продуктов, так что я быстро привел всю бухгалтерию в порядок.

После ужина я позволил ему выиграть у меня две партии, а потом сказал:

– Слушай, Джордж...

– Да?

– Помнишь, о чем мы говорили?

– Ну... да.

– В общем, так. Я несовершеннолетний и не могу полететь, если ты мне не разрешишь. Мне кажется, тебе стоило бы так и сделать, но если нет – учебу я не брошу. В любом случае ты должен лететь – сам знаешь почему. Прошу тебя: подумай еще раз и возьми меня с собой. Но и вести себя словно капризный младенец я тоже не стану.

Отец в замешательстве посмотрел на меня:

– Вполне достойная речь, сынок. Имеешь в виду, что готов отпустить меня, а сам остаться здесь, продолжать учебу и не устраивать по этому поводу истерик?

– Ну, не то чтобы готов... но буду вынужден смириться.

– Спасибо. – Отец пошарил в кармане и достал фотографию. – Можешь взглянуть.

– Что это?

– Фотокопия твоего заявления на эмиграцию. Я подал его два дня назад.

2. Зеленоглазое чудовище

В последующие несколько дней мои дела в школе шли не лучшим образом.

Отец предупредил, чтобы я не особо настраивался, – наши заявления пока не одобрили.

– Знаешь, Билл, заявок поступило вдесятеро больше, чем реально может полететь.

– Но большинство хотят на Венеру или Марс. Ганимед слишком далеко, и это отпугивает неженков.

– Я не имел в виду заявки на все колонии, а только на Ганимед, конкретно на первый рейс «Мэйфлауэра».

– Даже при всем при этом тебе меня не напугать. Всегда было так, что достойным оказывался лишь один из десяти.

Отец со мной согласился, сказав, что впервые в истории были приложены некоторые усилия, чтобы отобрать для колонизации лучших, вместо того чтобы использовать колонии в качестве свалки для неудачников и криминальных элементов.

– Но, Билл, с чего ты решил, что мы с тобой обязательно подойдем? – добавил он. – Ни ты, ни я не супермены.

Слова его потрясли меня до глубины души. Мысль, что мы можем оказаться не вполне достойными, даже не приходила мне в голову.

– Джордж, они просто не могут нам отказать!

– Вполне могут.

– Но как? Там нужны инженеры, а ты крутой спец. Я, конечно, не гений, но делаю успехи в школе. Мы оба здоровы, у нас нет никаких вредных мутаций – мы не дальтоники, не больны гемофилией и все такое прочее.

– Никаких вредных мутаций, о которых мы знаем, – поправил отец. – Однако соглашусь с тем, что мы, похоже, удачно выбрали себе прародителей. Собственно, ни о чем столь очевидном я даже не думал.

– Тогда что? Что может нам помешать?

Отец повозился с трубкой, как всегда бывало, когда ему не хотелось отвечать сразу.

– Билл, когда я выбираю для работы стальной сплав, мало сказать: «Что ж, неплохой блестящий кусок металла – вот его и возьмем». Нет, мне приходится принимать в расчет длинный список испытаний, которые расскажут мне все про этот сплав, на что он годен и чего я могу от него ожидать в конкретных обстоятельствах, в которых собираюсь его использовать. Если бы тебе пришлось отбирать людей для тяжелой работы в колониях, кого бы ты искал?

– Ну... не знаю.

– Вот и я не знаю. Я не социальный психометрист. Но говорить, будто им нужны здоровые люди с приличным образованием, примерно то же самое, что говорить, будто мне нужна для работы сталь, а не древесина. Важен как минимум сорт стали. А может, нужна вообще не сталь, а титановый сплав. Так что не особо надейся.

– Но... слушай, а мы-то что можем сделать?

– Ничего. Если нас не выберут, можешь убеждать себя, что ты чертовски качественный сорт стали и не твоя вина, что им нужен был магний.

Все это, конечно, было очень хорошо, но меня нисколько не радовало. В школе я, однако, не показывал виду. Я уже рассказал всем, что мы подали заявление на Ганимед, и, если бы нам отказали, я попал бы в довольно дурацкое положение.

Мой лучший друг Дак Миллер не находил себе места от волнения и тоже был полон решимости лететь.

– Но как? – спросил я. – Твои родители собираются туда?

– Я об этом уже подумал, – ответил Дак. – Все, что мне нужно, – кто-то из взрослых в качестве спонсора, опекуна. Если сумеешь уболтать своего старика за меня вписаться – все на мази.

– Но что скажет твой отец?

– Ему все равно. Он постоянно твердит, что, когда ему было столько же, сколько мне сейчас, он уже зарабатывал себе на жизнь. Мол, мальчик не должен ни от кого зависеть. Ну так как? Поговоришь сегодня вечером со своим стариком?

Я заверил его в этом, что и сделал.

Отец немного помолчал, затем спросил:

– Ты в самом деле хочешь, чтобы Дак полетел с тобой?

– Конечно. Он мой лучший друг.

– Что скажет по этому поводу его отец?

– Дак пока не спрашивал, – ответил я, а затем объяснил, как к подобному отнесся бы мистер Миллер.

– Вот как? – заметил отец. – Тогда давай подождем и посмотрим, что скажет мистер Миллер.

– Ладно... слушай, Джордж, то есть ты имеешь в виду, что вступишься за Дака, если его отец согласится?

– Я имею в виду то, что сказал, Билл. Подождем. Проблема может решиться сама собой.

– Ну, может, мистер и миссис Миллер тоже решат подать заявления, после того как Дак их слегка подстегнет?

Отец слегка изогнул бровь:

– У мистера Миллера, скажем так, здесь множество деловых интересов. Думаю, легче приподнять плотину Гувера, чем убедить его от них отказаться.

– Но ты же отказываешься от своего бизнеса?

– Это не бизнес, а моя профессиональная практика. Но я не отказываюсь от своей профессии – я беру ее с собой.

На следующий день, встретившись в школе с Даком, я спросил, что сказал его отец.

– Забудь, – ответил он. – Вопрос закрыт.

– То есть?

– Мой старик утверждает, что только у последнего идиота может возникнуть мысль отправиться на Ганимед. Мол, Земля – единственная планета в системе, пригодная для жизни, и если бы некая компания мечтателей не запудрила мозги правительству, мы давно бы перестали спускать деньги в унитаз, пытаясь превратить в зеленые пастбища несколько голых каменных глыб в небе. Он говорит, будто все это предприятие обречено.

– Вчера ты так не считал.

– Это было до того, как я узнал, что и как. Оказывается, мой старик намерен сделать меня своим партнером. Как только я окончу колледж, он собирается начать вводить меня в курс всех дел. Раньше он об этом не говорил, потому что хотел, чтобы я научился быть самостоятельным и инициативным, но решил, что пора мне об этом узнать. Что скажешь?

– Что ж, пожалуй, не так уж и плохо. Но что там насчет того, что «предприятие обречено»?

– «Не так уж и плохо» – скажешь тоже! В общем, мой старик говорит, что содержать постоянную колонию на Ганимеде нет никакой возможности. Это очень опасное место, и жизнь там приходится поддерживать искусственно – его точные слова. Когда-нибудь техника откажет, и вся колония погибнет до последнего человека. И тогда мы наконец перестанем поступать вопреки природе.

Больше мы не разговаривали – пора было идти в класс.

Вечером я рассказал обо всем отцу.

– Что думаешь, Джордж?

– Ну... что-то в этом есть...

– Гм?!

– Не спеши. Если бы на Ганимеде все сразу пошло не так и у нас не было бы средств это исправить, он вернулся бы к тому состоянию, в котором мы его обнаружили. Но это не весь ответ. У людей есть странное свойство считать «естественным» все, к чему они привыкли. Но никакой «естественной» природной среды, с тех пор как люди слезли с деревьев, давно не осталось. Билл, каково население Калифорнии?

– Пятьдесят пять – шестьдесят миллионов.

– Известно ли тебе, что первые четыре здешние колонии вымерли от голода? Истинная правда! Каким же образом здесь могут жить пятьдесят с лишним миллионов и не голодать? Не считая, естественно, урезания пайков? – Он сам ответил на собственный вопрос. – У нас четыре атомные станции на побережье только для того, чтобы превращать морскую воду в пресную. Мы используем каждую каплю из реки Колорадо и каждый фут снежного покрова, выпадающего в горах Сьерра-Невада. И мы применяем миллион других технических устройств. Если эта техника откажет – допустим, по-настоящему крупное землетрясение выведет из строя все четыре атомные станции, – страна вновь превратится в пустыню. Сомневаюсь, что нам удалось бы эвакуировать столько людей до того, как большинство из них умерло бы от жажды. Но вряд ли мистер Миллер не спит ночами, тревожась по этому поводу. Для него Южная Калифорния – вполне «естественная» среда. Все относительно, Билл. Когда у человека есть в распоряжении масса и энергия и хватает сообразительности понять, как с ними обращаться, он может создать любую среду, какая ему нужна.

После этого я почти не видел Дака. Примерно тогда же мы получили предварительные извещения о необходимости пройти тесты на пригодность к жизни в колонии на Ганимеде, и свободного времени у нас оставалось мало. К тому же Дак, похоже, изменился, а может, изменился я сам. Все мои мысли были заняты предстоящим путешествием, а ему не хотелось говорить на эту тему. Или, может быть, он просто боялся сболтнуть что-нибудь такое, что мне бы не понравилось.

Отец не позволял мне бросать школу, пока оставалось неясным, подходим мы или нет, но из-за тестов мне все равно пришлось немало пропустить. Естественно, сначала была обычная медкомиссия с некоторыми дополнениями. Например, тест на перегрузку – я смог выдержать восьмикратную, прежде чем потерял сознание. Или тест на переносимость низкого давления и кровоточивость – не годились те, у кого шла кровь из носа или были расширены вены. И многое другое.

Но все эти тесты мы прошли. Затем последовали психологические проверки, которые оказались намного хуже, поскольку невозможно было понять, чего от тебя ждут, а зачастую ты

вообще даже не знал, что тебя тестируют. Началось с гипноанализа, ставившего испытуемого в неравное положение, – кто знает, какую чушь ты нес, погруженный в сон?

Как-то раз мне пришлось долго дожидаться, когда придет психиатр, чтобы со мной побеседовать. В кабинете сидели двое клерков; когда я вошел, один из них достал из папки мою медико-психологическую карту и положил на стол.

– Ладно, коротышка, – сказал второй, рыжеволосый парень с приклеенной улыбкой. – Садись на скамейку и жди.

Какое-то время спустя рыжий взял мою папку и начал ее читать. В конце концов он фыркнул и повернулся к первому клерку:

– Эй, Нед, ты только глянь!

Тот прочитал указанное место, и, похоже, ему это тоже показалось забавным. Я заметил, что они наблюдают за мной, и сделал вид, что не обращаю на них никакого внимания.

Первый клерк вернулся за свой стол, но рыжий подошел к нему, держа в руках мою папку, и начал читать вслух столь тихо, что большинства слов я не смог разобрать. Услышанное, однако, заставило меня поежиться.

Закончив, рыжий посмотрел прямо на меня и рассмеялся.

– Что смешного? – встав, спросил я.

– Не твое дело, коротышка, – ответил он. – Сядь.

Я подошел к ним:

– Покажите.

Первый клерк сунул папку в ящик стола.

– Нед, маменькиному сыночку хочется глянуть, – сказал рыжий. – Почему бы ему не дать?

– Вряд ли ему понравится, – заметил первый.

– Да, пожалуй, – снова рассмеялся рыжий. – Кто бы мог подумать, что ему захочется стать отважным колонистом!

Первый взглянул на меня, покусывая ноготь на большом пальце:

– Вряд ли это так уж смешно. Может, сгодится на кухне.

Рыжий, похоже, зашелся в конвульсиях.

– Спорю, он будет симпатично смотреться в фартуке.

Год назад я бы его стукнул, хотя он превосходил меня весом и ростом. При словах про «маменькиного сыночка» я позабыл обо всем своем желании отправиться на Ганимед. Мне хотелось только одного: стереть дурацкую ухмылку с его физиономии.

Но я сдержался. Не знаю почему – может, оттого, что сам командовал толпой непослушных сорванцов, патрулем Юкки. Как говорит мистер Кински, тот, кто не в состоянии навести порядок, не прибегая к помощи кулаков, никогда не станет командиром патруля под его началом.

Так или иначе, я просто обошел вокруг стола и попытался открыть ящик. Он оказался заперт. Я посмотрел на клерков; оба улыбались, но я – нет.

– Мне был назначен прием на тринадцать часов, – сказал я. – Поскольку доктор не явился, передайте ему, что я договорюсь с ним по телефону о другом времени.

Повернувшись, я вышел.

Придя домой, рассказал обо всем Джорджу. Он лишь выразил надежду, что я не ухудшил своих шансов.

С врачом я так и не встретился. Оказалось, что это были вовсе не клерки, а психометристы и на меня постоянно были направлены камера и микрофон.

Наконец мы с Джорджем получили извещения, где говорилось, что нас признали годными и включили в список пассажиров «Мэйфлауэра» – «при условии выполнения всех требований».

В тот вечер продовольственные баллы нисколько меня не волновали. Я устроил для нас обоих настоящий пир.

Упомянутые требования перечислялись в присланной брошюре. «Рассчитаться со всеми долгами» – это меня не волновало, поскольку никаких долгов, кроме половины кредита, которые я был должен Слэтсу Кейферу, у меня не имелось. «Прислать письменное обязательство явиться» – об этом должен был позаботиться Джордж. «Завершить любые действия перед судами высшей инстанции» – я никогда не бывал в суде, не считая скаутского Суда чести. Там упоминалось еще несколько пунктов, но с ними все мог решить Джордж.

Однако мне попался текст мелким шрифтом, который меня встревожил.

– Джордж, – сказал я, – тут говорится, что эмиграция ограничивается семьями с детьми.

Отец поднял взгляд:

– Разве мы не такая семья? Если ты, конечно, не против считаться ребенком.

– Ну... да, пожалуй. Я думал, имеются в виду супружеские пары с детьми.

– Не забивай голову.

Я промолчал, хотя и не был уверен, что отец точно знает, что говорит.

Немало времени ушло на прививки, анализы на группу крови и вакцинацию, так что в школу я почти не ходил. Когда меня не кололи или не брали у меня кровь, меня тошнило от последних проделанных надо мной процедур. Наконец нам пришлось вытатуировать на себе все наши медицинские данные: идентификационный номер, резус-фактор, группу крови, время сворачиваемости, перенесенные болезни, естественный иммунитет и прививки. Девочки и женщины обычно делали татуировки прозрачными чернилами, видимыми только в инфракрасном свете, или наносили их на подошвы стоп.

Меня спросили, где я желаю татуировку – на подошвах? Я ответил, что не хочу стать хромым калекой, – у меня еще было немало дел. В конце концов мы пришли к компромиссу, сделав татуировку на седалище, и мне несколько дней пришлось есть стоя. Место выглядело вполне подходящим, – по крайней мере, мало кто мог его обнаружить. Но чтобы увидеть его самому, приходилось пользоваться зеркалом.

Время поджимало – мы должны были прибыть в космопорт Мохаве двадцать шестого июня, всего через две недели. Пора было выбрать, что взять с собой. Каждому позволялось пятьдесят семь и шесть десятых фунта, о чем объявили лишь после того, как взвесили каждого из нас.

В брошюре говорилось: «Завершите все свои земные дела, словно собираетесь умереть». Легко сказать. Но когда умираешь, с собой ничего не возьмешь, а тут такая возможность – пятьдесят семь с небольшим фунтов.

Вот только вопрос: пятьдесят семь фунтов чего?

Своих шелковичных червей я отдал в школьный кабинет биологии, как и змей. Дак хотел забрать мой аквариум, но я ему не позволил – он дважды заводил рыбок, и оба раза они умирали. Я поделил их между двумя товарищами по отряду, у которых уже были рыбки. Птиц я отдал миссис Фишбайн с нашего этажа. Кота или собаки у меня не было; как говорит Джордж, девяностый этаж не слишком подходящее место для младших сограждан – так он их называет.

Я занимался уборкой, когда вошел Джордж.

– Что ж, – заметил он, – впервые могу зайти в твою комнату без противогаса.

Я пропустил его слова мимо ушей – Джордж всегда так говорит.

– Все еще не знаю, как поступить. – Я показал на груды на моей кровати.

– Сделал со всего микрофильмы?

– Да, со всего, кроме этой фотографии.

Это было кабинетное стереофото Энн, весившее около фунта и девяти унций.

– Возьми ее, конечно. Такова жизнь, Билл, – придется путешествовать налегке. Мы перепроходцы.

– Не знаю, что выбросить.

Похоже, вид у меня был мрачный, поскольку отец сказал:

– Хватит себя жалеть. Мне, к примеру, пришлось отказаться от нее – и, поверь, это весьма тяжело. – Он показал свою трубку.

– Почему? – спросил я. – Трубка не так уж много весит.

– Потому что на Ганиমেде не выращивают табак и не импортируют его.

– Ох... Слушай, Джордж, все бы ничего, если бы не мой аккордеон. Не знаю, что и делать.

– Гм... Тебе не приходило в голову включить его в список предметов культурного назначения?

– То есть?

– Прочитай мелкий шрифт. Одобренные предметы культурного назначения не включаются в персональный лимит багажа. За их доставку платит колония.

У меня никогда не возникало мысли, что я могу оказаться владельцем чего-то подобного.

– Никто мне не разрешит, Джордж!

– Попытка не пытка. Зачем сразу сдаваться?

Два дня спустя я предстал перед комиссией по науке и культуре, пытаясь доказать свою ценность. Я сыграл «Индейку в соломе», «Опус 81» Неру и вступление к «Заре XXII века» Моргенштерна в аранжировке для гармоники, а затем выдал на бис «Зеленые холмы Земли».

Меня спросили, люблю ли я играть для других, после чего вежливо проинформировали, что о решении комиссии сообщат позже. Примерно через неделю я получил письмо, в котором мне велели передать аккордеон в службу доставки аэродрома Хэйворд. Меня признали «культурной ценностью»!

За четыре дня до старта отец вернулся домой рано – он закрывал свою контору – и спросил меня, не найдется ли у нас чего-нибудь особенного на обед, поскольку мы ждем гостей. Я ответил, что, скорее всего, да – судя по моим записям, у нас еще оставались пайки, которые нам все равно пришлось бы вернуть.

– Сынок... – Он в замешательстве посмотрел на меня.

– Да, Джордж?

– Помнишь тот пункт в правилах насчет семей?

– Ну... да.

– Так вот, ты был прав, но я кое-что от тебя скрывал и теперь должен признаться. Завтра я женюсь.

В ушах у меня зашумело. Слова отца застigli меня врасплох – даже если бы он дал мне пощечину, я и то удивился бы меньше.

Я стоял, уставившись на него и лишившись дара речи.

– Но, Джордж... как ты можешь? – наконец сумел выговорить я.

– Почему бы и нет, сынок?

– Но как же Энн?

– Энн умерла.

– Но... но...

Не в силах больше произнести ни слова, я нырнул в свою комнату, заперся на замок и лег на кровать, пытаясь привести мысли в порядок.

Какое-то время спустя я услышал, как отец дергает за ручку.

– Билл?

Он постучал в дверь. Я не ответил, и вскоре он ушел. Я продолжал лежать. Кажется, я даже плакал, но вовсе не из-за проблем с отцом. Я плакал, как в тот день, когда умерла Энн и у меня никак не укладывалось в голове, что я никогда ее больше не увижу. Никогда не увижу ее улыбку, не услышу ее слов: «Выше голову, Билли».

И я высоко поднимал голову, а она с гордостью смотрела на меня, поглаживая по руке. Как мог Джордж так поступить? Как он мог привести в дом Энн другую женщину?

Встав, я оглядел себя в зеркале, а потом настроил в ванной контрастный душ и жесткий массаж, после чего почувствовал себя лучше, хотя меня до сих пор слегка тошнило. Сушилка обдула меня горячим воздухом и со вздохом отключилась. Мне показалось, словно сквозь ее шум я слышу голос Энн, но это наверняка было лишь наваждение.

«Выше голову, сынок», – говорила она.

Я оделся и вышел.

Отец мучился с ужином – в буквальном смысле этого слова. Он даже каким-то образом умудрился обжечь в микроволновке большой палец. Мне пришлось выбросить всю его стряпню за исключением салата. Набрав новых продуктов, я занялся готовкой. Мы оба молчали.

Я накрыл стол на троих, и отец наконец подал голос:

– Лучше на четверых, Билл. Сам знаешь – у Молли есть дочь.

Я выронил вилку:

– Молли? В смысле – миссис Кеньон?

– Да. Разве я не говорил? Хотя нет – ты так и не дал мне сказать.

Естественно, я знал секретаршу отца. Знал и ее дочь – двенадцатилетнюю избалованную малявку. Отчего-то при упоминании миссис Кеньон поступок отца показался мне еще более неприличным. Она даже присутствовала на похоронах Энн, и ей хватило наглости расплакаться.

Теперь я понял, почему она была столь общительна со мной, когда я появлялся в конторе отца. Она уже тогда положила глаз на Джорджа.

Я молчал. Что тут скажешь?

Когда прибыли гости, я вежливо поприветствовал их, после чего скрылся, сделав вид, будто вожусь с готовкой. Ужин прошел в достаточно странной обстановке. В основном беседовали отец и миссис Кеньон, а я отвечал, когда ко мне обращались. Я не слушал их, все еще пытаюсь понять, как он мог так поступить. Малявка пару раз заговаривала со мной, но я быстро поставил ее на место.

После ужина отец предложил всем нам сходить в кино. Я отказался под предлогом, что все еще собираю вещи. Они ушли.

Я все думал и думал. И с какой бы стороны ни пытался взглянуть, ничего хорошего не видел.

Сначала я решил, что вообще не полечу на Ганимед, если полетят они. Отец лишил бы меня содержания, но я бы тяжело трудился и выплатил все долги – я не собирался быть им хоть чем-то обязанным!

Потом я в конце концов понял, почему отец так поступил, и почувствовал себя лучше, хоть и ненамного. Слишком высока была цена.

Отец вернулся поздно, один и постучал в мою дверь. Дверь была не заперта, и он вошел в комнату:

– Ну, сынок?

– Что «ну»?

– Билл, я знаю, что это оказалось сюрпризом, но тебе придется пережить.

Я рассмеялся, хотя мне было вовсе не весело. Пережить! Может, он и мог забыть Энн, но я – никогда.

– А пока, – продолжал отец, – мне хотелось бы, чтобы ты вел себя прилично. Надеюсь, ты понимаешь, насколько ты был с ними груб, – разве что не плюнул им в лицо?

– Я? Груб? – возразил я. – Разве я не приготовил для них ужин? И не был вежлив?

– Не более вежлив, чем выносящий приговор судья. И столь же дружелюбен. Стоило бы дать тебе крепкого подзатыльника, чтобы вспомнил о хороших манерах.

Вероятно, вид у меня был чересчур упрямый, поскольку отец сказал:

– Ладно, забудем. Со временем, Билл, ты сам поймешь, что это была не такая уж плохая мысль. Пока же все, о чем я тебя прошу, – прилично себя вести. Я вовсе не требую бросаться им на шею, но настаиваю, чтобы ты оставался таким же вежливым и дружелюбным, как обычно. Попробуешь?

– Ну... наверное. Слушай, пап, зачем надо было устраивать такой сюрприз?

Отец несколько смутился:

– Моя ошибка. Возможно, я предполагал, что ты затеешь скандал, и оттягивал до последнего.

– Но если бы ты просто сказал, я бы все понял. Я же знаю, почему ты хочешь на ней жениться...

– Да?

– Мне следовало догадаться, когда ты упомянул правила. Чтобы мы могли полететь на Ганимед, ты должен быть женат.

– Что?

– Разве нет? – удивился я. – Ты же сам говорил, что...

– Ничего я такого не говорил!

Отец замолчал, глубоко вздохнул и медленно продолжил:

– Билл, возможно, у тебя и впрямь возникло такое впечатление – хотя меня это вовсе не радует. А теперь объясняю ситуацию, как она есть: мы с Молли женимся вовсе не для того, чтобы эмигрировать. Мы эмигрируем потому, что женимся. Возможно, ты еще слишком юн, чтобы понять, но я люблю Молли, и Молли любит меня. Если бы я захотел остаться, осталась бы и она. Но поскольку я хочу лететь, она тоже хочет. Ей вполне хватает ума сообразить, что мне нужно полностью порвать с прошлым. Понимаешь?

Я ответил, что, пожалуй, да.

– Тогда спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – отозвался я.

Отец повернулся, собираясь уйти, но я позвал его:

– Джордж...

Он остановился.

– Значит, Энн ты больше не любишь? – вырвалось у меня.

Отец побелел, сделал шаг и снова остановился.

– Билл, – медленно проговорил он, – я уже несколько лет не поднимал на тебя руку, но сейчас впервые хочется задать тебе хорошую трепку.

Мне показалось, что он так и поступит, и я решил, что, если он попробует меня тронуть, его ждет сюрприз, какого еще ни разу не бывало в его жизни. Но он даже не подошел ко мне, лишь закрыл за собой дверь.

Я снова принял душ, в чем на самом деле не нуждался, и лег в постель. Вероятно, пролежал целый час, думая о том, что отец хотел меня ударить, и жалея, что рядом нет Энн, которая могла бы подсказать, что делать. Наконец я включил пляшущие огоньки и таращился на них, пока не отрубился.

За завтраком мы оба молчали и почти ничего не ели.

– Билл, – наконец произнес отец, – хочу попросить у тебя прощения за свои слова вчера вечером. Ты не сделал и не сказал ничего такого, за что я мог бы поднять на тебя руку, и я не имел права так говорить или даже думать.

– Ладно, все в порядке, – ответил я и, помолчав, добавил: – Мне тоже не стоило говорить того, что я тогда сказал.

– Ты имел на это полное право. Мне просто грустно оттого, что у тебя возникла подобная мысль. Билл, я никогда не переставал любить Энн и никогда не буду любить ее меньше.

– Но ты же... – Я не договорил. – Не понимаю.

– Вряд ли стоило рассчитывать, что поймешь. – Отец встал. – Билл, церемония в пятнадцать часов. Можешь одеться и быть готовым за час до этого времени?

– Я не смогу, Джордж, – поколебавшись, ответил я. – Слишком много дел.

Выражение его лица несколько не изменилось, как и голос.

– Ясно, – сказал он и вышел.

Вскоре за ним закрылась дверь квартиры. Немного позднее я попытался позвонить ему в контору, но услышал лишь скрежещущий голос автоответчика: «Оставьте, пожалуйста, сообщение», чего я делать не стал. Решив, что Джордж вернется до пятнадцати часов, я оделся как на парад, даже воспользовался отцовским кремом после бритья.

Но он так и не появился. Я попробовал еще раз позвонить в контору, потом еще, но получал в ответ все ту же просьбу оставить сообщение. Собравшись с духом, я нашел номер миссис Кеньон, но отца там не оказалось – там вообще никто не ответил. Где-то в пятнадцать тридцать я вышел на улицу и отправился в кино.

Когда я вернулся, на телефоне мигал красный огонек. Нажав кнопку воспроизведения, я услышал голос отца: «Билл, я пытался тебе звонить, но тебя не было дома, а ждать я не могу. Мы с Молли отправляемся в небольшое путешествие. Если потребуется со мной связаться, звони в Контактную службу в Чикаго – мы будем где-то в Канаде. Вернемся в четверг вечером. Пока». На этом запись заканчивалась.

В четверг вечером... Старт был назначен на утро пятницы.

3. Космический корабль «Биврёст»¹

В четверг вечером отец позвонил мне из квартиры миссис Кеньон – то есть Молли. Мы были вежливы друг с другом, но разговор не клеился. Я сказал, что полностью собрался и надеюсь, что они хорошо провели время. Отец ответил утвердительно и спросил, не могу ли я приехать к ним, чтобы всем вместе отправиться оттуда утром.

Я сказал, что не знал их планов и потому купил себе билет до порта Мохаве и забронировал номер в отеле «Ланкастер». И как мне теперь поступать?

– Похоже, Билл, ты вполне можешь позаботиться о себе сам, – немного подумав, ответил отец.

– Конечно могу.

– Ладно. Увидимся в порту. Хочешь поговорить с Молли?

– Ну... нет, просто передай ей от меня привет.

– Спасибо, передам. – Он отключился.

Я пошел к себе в комнату за чемоданом, весившим пятьдесят семь и пятьдесят девять сотых фунта, – к нему и лягушачьей волосинки было не добавить. Комната была пуста, не считая моей скаутской формы.

Взять ее в полет я позволить себе не мог, но пока не выкинул.

Хотел бросить в мусоросжигатель, однако помедлил. На медкомиссии мне записали вес сто тридцать один и две десятых фунта, вместе с одеждой, в которой я должен был лететь.

Но в последние несколько дней я не так уж много ел.

Я шагнул на весы в ванной – сто двадцать девять и восемь десятых. Взяв форму, я снова встал на весы – сто тридцать два и пять десятых.

«Вильям, – сказал я себе, – тебе придется не ужинать, не завтракать и не пить воды завтра утром».

¹ *Биврёст* – в германо-скандинавской мифологии радужный мост, соединяющий Асгард с другими мирами, аналог Млечного Пути.

Свернув форму, я взял ее с собой.

Квартира полностью опустела. В качестве сюрприза для следующих жильцов я оставил в холодильнике мой ужин, затем выключил всю технику, кроме холодильника, и запер за собой дверь. Странное чувство – мы с Энн и Джорджем жили здесь с тех пор, как я себя помнил.

Спустившись в подземку, я сел в шедший в сторону от побережья поезд. Двадцать минут спустя уже был в отеле «Ланкастер» в пустыне Мохаве.

Вскоре выяснилось, что забронированный мной «номер» – на самом деле раскладушка в бильярдной. Я рысью направился вниз, чтобы разобраться, в чем дело.

Когда показал клерку свою бронь, тот лишь взглянул на нее и сказал:

– Молодой человек, вы когда-нибудь пытались разместить на ночлег шесть тысяч человек одновременно?

Я ответил, что нет.

– В таком случае радуйтесь, что у вас есть хотя бы раскладушка. Номер, который вы забронировали, занимает семья с девятью детьми.

Я ушел.

Отель напоминал сумасшедший дом. Я не сумел бы ничего поесть, даже если бы не пообещал себе не брать ни крошки в рот, – к обеденному залу было не пробиться за двадцать ярдов. Под ногами повсюду крутились вопящие дети. Часть семей эмигрантов сидела на корточках в танцевальном зале. Я окинул их взглядом, и мне стало интересно, по какому принципу их отбирали – просто вытаскивая наугад из мешка?

Наконец я лег спать. Меня мучил голод, и я уже начал жалеть, что создал себе столько проблем из-за скаутской формы, которая мне явно не пригодится.

Будь у меня продовольственная книжка, я мог бы встать и занять очередь в обеденный зал, но мы с отцом свои сдали. У меня еще оставались деньги, и мне пришла в голову мысль попытаться найти какого-нибудь свободного торговца – вроде бы они бывают в отелях. Но отец говорит, что «свободный торговец» – неправильное слово, на самом деле они торговцы с черного рынка и ни один порядочный джентльмен не станет ничего у них покупать.

К тому же я понятия не имел, где их вообще искать.

Встав, я выпил воды, а потом снова лег и попытался расслабиться. Наконец я заснул, и мне снилось клубничное печенье с настоящими сливками из-под коровы.

Проснулся я голодным, но внезапно вспомнил, что сегодня мой последний день на Земле, и волнение тут же заглушило голод. Я поднялся и надел скаутскую форму, а поверх нее свой корабельный комбинезон.

Я думал, что мы отправимся прямо на борт, но ошибался.

Нас собрали под навесами, тянувшимися перед отелем возле посадочных туннелей. Кондиционеров на улице, естественно, не было, но ранним утром пустыня еще не успела нагреться. Найдя букву «Л», я сел под ней, устроившись на чемодане. Отец и его новая семья пока не появились, и я уже начал думать, не придется ли мне отправиться на Ганимед одному. Впрочем, мне было все равно.

За воротами примерно в пяти милях от нас виднелись стоящие на летном поле корабли – «Дедал» и «Икар», снятые для этого единственного полета с трассы Земля – Луна, и старый «Биврёст», на моей памяти всегда использовавшийся в качестве челнока до космической станции Супра-Нью-Йорк.

«Дедал» и «Икар» были больше, но я надеялся попасть на «Биврёст» – первый корабль, старт которого я видел в своей жизни.

Рядом со мной поставила свой багаж какая-то семья. Мать взглянула через поле и спросила:

– Джозеф, который из них «Мэйфлауэр»?

Муж попытался объяснить, но озадаченное выражение ее лица никуда не делось. Я с трудом удерживался от смеха – как можно собираться в путешествие на Ганимед и при этом даже не знать, что корабль, на котором ей предстоит лететь, построен в космосе и не может нигде приземлиться?

Толпа эмигрантов и пришедших их проводить родственников становилась все гуще, но отца я пока не видел. Услышав, как меня позвали по имени, я обернулся и обнаружил перед собой Дака Миллера.

– Здорово, Билл, – сказал он. – Думал, разминемся.

– Привет, Дак. Нет, я пока тут.

– Я пытался тебе звонить вчера вечером, но по телефону ответили, что номер не обслуживается, так что я плюнул на школу и явился сюда.

– Ох... да зачем?

– Хотел принести тебе вот это.

Он протянул мне пакет – целый фунт шоколадных конфет в коробке. Я не знал даже, что сказать.

Поблагодарив его, я добавил:

– Дак, мне в самом деле очень приятно, но придется вернуть их тебе.

– Почему?

– Вес. В смысле, масса. Любая лишняя унция на счету.

– Можешь нести в руках.

– Не поможет. Все равно считается.

– Тогда давай откроем, – немного подумав, сказал Дак.

– Ладно, – кивнул я и, открыв коробку, протянул ему конфету.

Только когда я взглянул на них сам, я понял, насколько проголодался, – мой желудок буквально умолял хотя бы о крошке еды.

Сдавшись, я съел одну конфету, решив, что лишний вес все равно выйдет с потом, – становилось все жарче, а на мне под комбинезоном была скаутская форма. Не самая лучшая одежда для пустыни Мохаве в июне! А потом, естественно, я почувствовал, что страшно хочу пить, – одно влечет за собой другое.

Подойдя к питьевому фонтанчику, я сделал крошечный глоток. Вернувшись, я закрыл коробку с конфетами и вернул ее Даку, велел раздать их на следующем скаутском сборе и сказать ребятам, что я был бы рад, если бы они полетели вместе со мной.

Он заверил, что так и поступит, а потом добавил:

– Знаешь, Билл, я тоже с радостью бы полетел. В самом деле.

Я ответил, что сам был бы этому рад, но... когда он успел передумать? Он явно смутился, но тут появился мистер Кински, а за ним отец вместе с Молли, малявкой Пегги и сестрой Молли, миссис ван Метер. Все начали пожимать друг другу руки, миссис ван Метер расплакалась, а малявка тут же поинтересовалась, почему на мне такая толстая одежда и почему я потею.

Джордж не сводил с меня глаз, но тут назвали наши имена, и мы двинулись через ворота.

После того как взвесили Джорджа, Молли и Пегги, подошла моя очередь. Вес моего багажа, естественно, сошелся в точности, а потом на весы встал я сам. Они показали сто тридцать один и одну десятую фунта – я вполне мог съесть еще одну конфету.

– Порядок! – объявил весовщик, а затем, подняв взгляд, добавил: – Что это ты на себя напялил, сынок?

Из-под короткого рукава комбинезона торчал вылезший левый рукав моей формы. Нашивки на нем сияли, словно сигнальные огни.

Я промолчал. Весовщик начал ощупывать бугры на месте закатанных рукавов формы.

– Парень, – сказал он, – ты оделся словно полярник – не удивительно, что ты весь обливаешься потом. Разве ты не знал, что на тебе не должно быть ничего, кроме предписанной одежды?

Подошел отец и спросил, в чем проблема. Я стоял, чувствуя, как пылают мои уши. Вмешался помощник весовщика, и они начали спорить, что со мной делать.

Весовщик позвонил кому-то и наконец сказал:

– Лимит веса соблюден, так что если ему хочется считать свой маскарадный костюм частью собственной кожи – пусть. Следующий!

Я двинулся дальше, чувствуя себя полным идиотом. Мы вошли внутрь и шагнули на механическую дорожку. К счастью, там было прохладно. Несколько минут спустя мы оказались на погрузочной площадке под ракетным кораблем. Лифт остановился возле пассажирского люка, и я понял, что корабль – действительно «Биврёст».

Внутри все было организовано заранее. Наш багаж забрали еще на погрузочной площадке, и каждому пассажиру было назначено место в соответствии с его весом. В итоге мы снова разделились: я оказался на палубе непосредственно под рубкой управления. Найдя свое место – койку 14-D, – я направился к иллюминатору, откуда были видны «Дедал» и «Икар».

Проворная крошечная стюардесса, ростом по колено кузнечнику, сверила мое имя со списком и предложила укол от тошноты. Я отказался – нет, спасибо.

– Бывал раньше в космосе? – спросила она.

Я признался, что нет.

– Тогда лучше будет сделать тебе укол.

Я ответил, что у меня лицензия воздушного пилота и вряд ли меня будет тошнить, но не стал говорить, что моя лицензия позволяет летать только на вертолетах. Она пожала плечами и отошла.

– «Дедал» – старт разрешен, – послышалось в громкоговорителе.

Я подошел ближе, чтобы получше видеть. «Дедал» стоял примерно в четверти мили и был выше нашего корабля. Его изящный силуэт сверкал в лучах утреннего солнца, производя незабываемое впечатление. Позади него и чуть правее, над бункером службы управления движением, горел зеленый свет.

Корабль слегка наклонился к югу, всего на несколько градусов.

Из его основания вырвалось пламя – сперва оранжевое, а затем ослепительно-белое. Огненный столб ударил в землю, и корабль поднялся в воздух.

Несколько мгновений он, казалось, висел неподвижно, и было видно, как сквозь его выхлоп мерцают очертания холмов. А потом он исчез.

Просто – исчез. Корабль взмыл в воздух, словно испуганная птица, превратившись в столбик белого пламени в небе, и пропал из виду, хотя внутри отсека все еще слышался и ощущался грохот его двигателей.

Сквозь звон в ушах я услышал за спиной чей-то голос:

– Но я же еще не завтракала. Неужели капитан не может подождать? Скажи ему, Джозеф.

Это была та самая женщина, которая не знала, что «Мэйфлауэр» построен в космосе. Муж попытался ее утихомирить, но тщетно. Она позвала стюардессу, и я услышал, как та ответила:

– Но, мэм, с капитаном сейчас никак нельзя поговорить. Он готовится к старту.

Похоже, никакого действия ее слова не возымели. Стюардесса в конце концов сумела успокоить женщину, пообещав, что та сможет позавтракать после старта. Я принял информацию к сведению, решив, что тоже обращусь с просьбой о завтраке.

Через двадцать минут взмыл «Икар», а потом в громкоговорителе раздалось:

– Всему экипажу занять свои места и приготовиться к старту.

Я вернулся на свою койку. Стюардесса убедилась, что все мы пристегнуты, предупредила, чтобы мы не отстегивали ремни, пока она не разрешит, и спустилась на нижнюю палубу.

У меня щелкнуло в ушах, и по всему кораблю пронесся легкий вздох. Я несколько раз сглотнул, зная, что сейчас происходит: обычный воздух сменялся стандартной гелиево-кислородной смесью под давлением вполосину атмосферного на уровне моря. Но той женщине это не понравилось, и она заявила:

– Джозеф, у меня болит голова. Джозеф, я задыхаюсь. Сделай что-нибудь!

Она села, цепляясь за ремни. Ее муж тоже сел и заставил ее снова лечь.

«Биврёст» слегка наклонился, и в громкоговорителе послышалось:

– Три минуты до старта!

После долгой паузы раздалось:

– Две минуты!

Затем:

– Одна минута!

И другой голос начал отсчет:

– Пятьдесят девять! Пятьдесят восемь! Пятьдесят семь!

Сердце мое забилося с такой силой, что я почти ничего не слышал. Но голос продолжал:

– Тридцать пять! Тридцать четыре! Тридцать три! Тридцать два! Тридцать один! Полминуты! Двадцать девять! Двадцать восемь!

И в конце концов:

– Десять!

– Девять!

– Восемь!

– Семь!

– Шесть!

– Пять!

– Четыре!

– Три!

– Два...

Я так и не услышал «один», или «пуск», или что-нибудь еще. На меня рухнуло что-то тяжелое, и я подумал, что мне конец. Однажды, когда мы с ребятами исследовали пещеры, я угодил под обвал, и меня пришлось откапывать. Примерно так же было и сейчас – вот только откапывать меня никто не собирался.

Грудь моя разрывалась от боли. Казалось, будто сейчас треснут ребра. Я не мог пошевелить даже пальцем. Сглотнув, я понял, что не могу вдохнуть.

Я не слишком испугался, поскольку знал, что мы будем стартовать с большим ускорением, но чувствовал себя крайне неудобно. Сумев слегка повернуть голову, я увидел, что небо приобрело пурпурный оттенок. На моих глазах оно почернело – и появились звезды, миллионы звезд. И тем не менее в иллюминатор продолжал литься солнечный свет.

Рев двигателей оглушал, но шум почти сразу начал утихать, и вскоре его стало совсем не слышно. Говорят, будто старые корабли продолжали шуметь даже после преодоления скорости звука, но к «Биврёсту» это не относилось. Внутри него было тихо, словно в набитом пером мешке.

Мне ничего не оставалось, кроме как лежать, глядя в черное небо, пытаюсь вдохнуть и стараясь не думать о навалившемся на меня весе.

А потом, столь внезапно, что у меня едва не вывернулся наизнанку желудок, я вообще перестал что-либо весить.

4. Капитан Делонгпре

Должен заметить, что, когда впервые оказываешься в свободном падении, в этом нет ничего забавного. Конечно, потом привыкаешь – иначе умрешь с голоду. Бывалым космопроходцам подобное даже нравится – в смысле, невесомость. По их словам, два часа сна в невесомости равны целой ночи на Земле. В конце концов я привык к отсутствию веса, но полюбить невесомость так и не смог.

«Биврёст» ускорился меньше трех минут, показавшихся намного дольше из-за высокой перегрузки – почти шесть «же». Потом корабль больше трех часов находился на орбите, и все это время мы падали, пока капитан не начал маневрировать, чтобы выйти на одну орбиту с «Мэйфлауэром».

Иными словами, мы падали прямо вверх на протяжении двадцати с лишним тысяч миль. Возможно, это звучит глупо – все знают, что предметы не падают вверх. Они падают вниз. Впрочем, все когда-то знали, что Земля плоская.

Мы падали вверх.

Как и все, я изучал основы космической баллистики в школьном курсе физики и читал множество историй о том, как плаваешь в воздухе внутри космического корабля на орбите. Но можно не сомневаться – в подобное не поверишь, пока не испытаешь сам.

Взять, к примеру, миссис Тарбаттон – ту самую женщину, что хотела позавтракать. Полагаю, она, как и все остальные, училась в школе, но продолжала настаивать, чтобы капитан хоть что-нибудь сделал. Я понятия не имел, что он мог бы сделать, – разве что найти для нее какой-нибудь маленький астероид.

Не то чтобы я не сочувствовал ей – или даже себе самому. Доводилось оказаться в эпицентре землетрясения, когда все, от чего ты когда-либо зависел, внезапно обрушивается на тебя и твердая почва под ногами перестает быть таковой? Вот примерно так же и тут, только намного хуже. Здесь не место повторять школьный курс физики, но, когда космический корабль движется по траектории свободного падения, прямо вверх или в любом ином направлении, все внутри него движется вместе с ним и ты бесконечно падаешь – что неизбежно отражается на твоём желудке.

Именно это я заметил первым. Пристегнутый к койке, я не мог никуда уплыть, но чувствовал слабость, дрожь и головокружение, словно мне дали хорошего пинка в живот. Потом мой рот наполнился слюной, я сглотнул и тут же очень пожалел, что съел ту конфету.

Но наружу она все-таки не вышла.

Единственное, что меня спасло, – отсутствие завтрака. Некоторым не так повезло, и я старался не смотреть в их сторону. Я намеревался отстегнуться сразу же после выхода на орбиту и взглянуть в иллюминатор на Землю, но полностью утратил к этому интерес. Пристегнутый к койке, я сосредоточился на своем бедственном положении.

Из люка с соседней палубы выплыла стюардесса, оттолкнулась носком ноги, удержалась рукой за центральную опору и повисла в воздухе в позе ласточки, глядя на нас сверху. Смотрелась она весьма симпатично – если бы я был в состоянии это оценить.

– Как самочувствие? – весело спросила она.

Дурацкое замечание, но, полагаю, обычное для медсестер. Кто-то застонал, а в другом конце отсека заплакал младенец.

Стюардесса подплыла к миссис Тарбаттон и спросила:

– Теперь можете позавтракать. Чего бы вы хотели? Яичницу?

Я стиснул зубы и отвернулся, желая ей заткнуться. Снова повернув голову, я увидел, что она поплатилась за свой идиотский вопрос и вынуждена теперь заниматься уборкой.

– Гм... мисс... – сказал я, когда она закончила с миссис Тарбаттон.

– Эндрюс.

– Мисс Эндрюс, кажется, я передумал насчет того укола от тошноты.

– Без проблем, дружок, – улыбнулась она и, достав из маленькой сумки на поясе инъектор, сделала мне укол.

Кожу обожгло, и на мгновение мне показалось, что со съеденной конфетой я все-таки расстанусь. Но потом все улеглось, и я почувствовал себя почти счастливым – насколько это было возможно в данной ситуации.

Покинув меня, стюардесса сделала уколы еще нескольким, которые до этого храбрились так же, как и я. Миссис Тарбаттон получила другой укол, полностью лишивший ее чувств. Один или двое смельчаков отстегнулись и поплыли к иллюминаторам. Я решил, что чувствую себя достаточно хорошо, чтобы попробовать тоже.

Плывать в невесомости оказалось не столь легко, как можно было бы подумать. Отстегнув ремни, я сел – больше в мои планы ничего не входило. Внезапно я обнаружил, что неуправляемо барахтаюсь в воздухе, отчаянно пытаюсь за что-либо ухватиться.

Перекувырнувшись, я врезался затылком в нижнюю сторону палубы рубки управления и увидел звезды – не те, что в иллюминаторах, а у себя в голове. Затем палуба с койками на ней начала медленно приближаться ко мне.

Я сумел схватиться за какой-то ремень и затормозить. Койку, к которой он относился, занимал некий маленький толстячок.

– Извините, – сказал я.

– Ничего страшного, – ответил он и отвернулся, словно мое присутствие крайне ему не понравилось.

Остаться там я не мог, но не мог и вернуться к собственной койке, не хватаясь за ремни других занятых. Снова оттолкнувшись, на этот раз очень мягко, я сумел за что-то удержаться, ударившись о противоположную палубу.

Вся она была усеяна скобами и тросами. Не отпуская рук, я подтянулся по-обезьяньи к одному из иллюминаторов.

И впервые увидел Землю из космоса.

Не знаю, чего я ожидал, но явно не этого. Земля выглядела в точности так же, как в учебнике географии или, может быть, даже скорее, как в заставках телевизионной станции Супра-Нью-Йорк. И все же она отличалась. Пожалуй, разница была примерно такая, как между описанием хорошего пинка под зад и настоящим пинком.

Не на словах, а вживую.

Прежде всего, она не располагалась в точности по центру, как на телевизионном экране, но касалась края иллюминатора, а корма корабля вырезала из нее большой кусок Тихого океана. И она двигалась, уменьшаясь в размерах. Пока я висел у иллюминатора, она уменьшилась примерно вдвое, становясь все более круглой. Колумб был прав.

Земля медленно поворачивалась – передо мной слева направо проплыла оконечность Сибири, затем Северная Америка и наконец северная половина Южной. Канаду и восточную часть Северной Америки закрывали ослепительно-белые облака – белее даже полярной шапки. Прямо напротив нас в океане отражалось солнце, от которого болели глаза. Остальная часть океана, не затянутая облаками, имела почти пурпурный цвет.

Зрелище было столь прекрасным, что у меня перехватило дыхание. Мне хотелось протянуть руку и дотронуться до Земли.

А позади нее сияли звезды, более яркие, крупные и многочисленные, чем можно увидеть с антарктической базы Литтл Америка.

Вскоре вокруг столпилось больше народу, желавшего взглянуть на Землю. Матери пытались успокоить отчаянно толкающихся детей и сами делали глупые замечания. В конце концов я вернулся на койку, пристегнулся одним ремнем, чтобы не уплыть, и погрузился в размышле-

ния. Стоило гордиться тем, что ты родом со столь большой и прекрасной планеты. Внезапно я сообразил, что так и не видел ее всю вблизи, несмотря на все путешествия, которые мы совершали на уроках географии, поездку на скаутский слет в Швейцарию и отдых в Таиланде вместе с Джорджем и Энн.

И теперь я знал, что никогда больше не увижу Землю, отчего мне стало весьма грустно.

Подняв взгляд, я обнаружил стоящего передо мной парня.

– Что с тобой, дорогой мой Вильям? – спросил он. – Тошнит?

Это оказался тот самый балбес Джонс. Меня словно обухом по голове ударило. Если бы я знал, что он собирается эмигрировать, я бы дважды подумал, прежде чем решаться на такой шаг.

Я спросил его, откуда он взялся.

– Естественно, оттуда же, откуда и ты, – ответил он. – Я задал тебе вопрос.

Я сообщил ему, что меня вовсе не тошнит, и поинтересовался, с чего у него вообще возникла столь дурацкая мысль. Схватив меня за руку, он повернул ее так, что стала видна красная точка от укола, и рассмеялся. Я отдернулся.

Снова рассмеявшись, он показал свою руку, на которой тоже была красная точка.

– С каждым случается, – сказал он. – Не тушуйся.

Помолчав, он добавил:

– Идем поглядим, что тут и как, пока нас снова не заставили пристегнуться.

Я последовал за ним. Он был не из тех, кого я выбрал бы себе в друзья, но, по крайней мере, хоть какое-то знакомое лицо. Мы добрались до люка, ведущего на следующую палубу, и я уже собирался в него вплыть, но Джонс меня остановил.

– Пойдем в рубку управления, – предложил он.

– Что? Да нас же туда не пустят!

– Попытка не пытка. Идем.

Мы вернулись назад и преодолели короткий коридор, заканчивавшийся дверью с надписью: «РУБКА УПРАВЛЕНИЯ – ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН!» Кто-то написал ниже: «Это к тебе относится!!!», а кто-то еще добавил: «К кому? Ко мне?»

Джонс попробовал открыть дверь, но та оказалась заперта. Рядом была кнопка, и он на нее нажал.

Дверь открылась, и мы оказались лицом к лицу с человеком с двумя полосками на воротнике. Позади него сидел мужчина постарше и с четырьмя полосками.

– Кто там, Сэм? – крикнул он. – Скажи им, что мы не на рынке.

– Чего вам надо, ребята? – спросил первый.

– Сэр, – ответил Джонс, – мы интересуемся астронавигацией. Разрешите нам побывать в рубке управления?

Поняв, что он сейчас все испортит, я уже повернулся, собираясь уйти, но пожилой бросил:

– Пустяки, Сэм, пускай заходят!

– Как скажешь, шкипер, – пожал плечами молодой.

Мы вошли, и капитан сказал:

– Держитесь за что-нибудь, чтобы не парить вокруг. И ничего не трогайте, или я вам уши оборву. Так кто вы такие?

Мы ответили.

– Рад познакомиться, Хэнк. И с тобой тоже, Билл. Добро пожаловать на борт, – поприветствовал он нас и дотронулся до вновь вылезшего рукава моей формы. – Сынок, у тебя исподнее наружу торчит.

Покраснев, я объяснил, как на мне оказалась эта форма. Он рассмеялся.

– Так ты смошенничал, чтобы ее протащить? Забавно – да, Сэм? Хотите кофе?

Они ели сэндвичи и пили кофе – естественно, не из чашек, а из маленьких пластиковых мешочков вроде тех, из которых поят младенцев. На мешочках даже имелись соски. Я ответил – нет, спасибо. Хотя после укола мисс Эндрюс я и почувствовал себя лучше, но все же не настолько. Хэнк Джонс тоже отказался.

В рубке управления не было никаких иллюминаторов, только большой телевизионный экран на переборке со стороны носа, но он был выключен. Интересно, что бы подумала миссис Тарбаттон, если бы знала, что капитан не видит, куда мы летим, и его это, похоже, нисколько не волнует?

Я спросил его про иллюминаторы. Он ответил, что это чисто для туристов.

– Что бы ты стал делать с иллюминатором, даже если бы он у тебя был? – спросил он. – Высунул бы голову в окно и смотрел на дорожные указатели? Мы и так можем видеть все, что требуется. Сэм, включи видео и покажи ребятам.

– Есть, шкипер.

Молодой подплыл к койке и начал щелкать переключателями, оставив свой сэндвич висеть в воздухе.

Я огляделся. Рубка имела круглую форму, и тот ее конец, с которого мы вошли, был больше другого – она находилась практически в носу корабля, и борта сходились вместе. В рубке стояли две койки, одна для пилота, а другая для второго пилота, у самой стены, отделявшей рубку от пассажирских отсеков. Большую часть пространства между койками занимал компьютер.

Койки были куда удобнее, чем пассажирские, – они имели форму тела и позволяли приподнимать колени, голову и спину подобно больничной кровати, а также были снабжены подлокотниками, поддерживавшими руки над приборами. Посередине над каждой койкой изгибалась дугой приборная панель. Лежащий на койке мог наблюдать за циферблатами и прочим, даже когда перегрузка вдавливала его голову в подушки.

Засветился телевизионный экран, и мы увидели заполнявшую большую его часть Землю.

– Это вид с кормы, – сказал второй пилот, – с телекамеры в хвосте. Мы направляем их во все стороны. Теперь попробуем вид спереди.

Он что-то нажал, но ничего не появилось, кроме нескольких крошечных точек – вероятно, звезд. Хэнк сказал, что в иллюминатор их видно намного больше.

– Никто не смотрит на звезды на экране, – ответил второй пилот. – Когда нужно увидеть звезды, мы используем целостат. Вот так...

Он лег на койку и, протянув руку за голову, придвинул к лицу какое-то устройство с окуляром, резиновый кожух которого полностью закрывал один глаз. «Целостат» – всего лишь научное название телескопа с встроенным в него перископом. Пилот не стал предлагать нам в него посмотреть, и я взглянул на приборную панель. На ней виднелось несколько радаров, какие можно найти на любом атмосферном летательном аппарате, даже на вертолете, и множество других приборов. О большинстве из них я не имел ни малейшего понятия, хотя некоторые выглядели достаточно очевидно, вроде датчика скорости приближения, температуры сопла, коэффициента массы, скорости истечения и прочего.

– Смотрите, – сказал второй пилот.

Он что-то сделал на своем пульте, и одна из маленьких точек на телеэкране ярко вспыхнула, несколько раз моргнула и погасла.

– Это Супра-Нью-Йорк – я заставил сработать ее радарный маяк. Вы видите его вовсе не по телевидению – это сигнал радара, вызванный на тот же самый экран...

Он снова повозился с кнопками, и мигнул еще один огонек – две продолжительные вспышки и одна короткая.

– ...а вон там строят «Звездный скиталец».

– А где «Мэйфлауэр»? – спросил Хэнк.

– Хочешь увидеть, куда летишь?

Пилот снова коснулся кнопок, и в стороне от нас появился еще один огонек, вспыхивавший группами по три.

Я сказал, что не очень похоже, будто мы летим именно туда. На этот раз ответил капитан:

– Мы летим стороной, мимо всего этого увеселительного парка. Хватит, Сэм. Заблокируй свою панель.

Мы вернулись туда, где капитан продолжал есть свой сэндвич.

– Ты скаут-орел?² – спросил он меня.

Я ответил утвердительно, и Хэнк тоже.

– Сколько вам было лет, когда вы получили это звание? – поинтересовался капитан.

Я сказал, что мне было тринадцать, а Хэнк – что двенадцать. Капитан заявил, что сам получил звание скаута-орла в одиннадцать лет. Что касается меня, то я не поверил ни тому ни другому.

Капитан сказал, что завидует нам обоим, поскольку мы летим на Ганимед. Второй пилот поинтересовался, чему тут, собственно, завидовать.

– Сэм, – заметил капитан, – ты не романтик в душе. Ты до самой смерти будешь гонять челнок туда-обратно.

– Может, и так, – возразил второй пилот, – зато у меня есть возможность часто ночевать дома.

– Пилотам не следует жениться, – сказал капитан. – Взять, к примеру, меня. Мне всегда хотелось стать покорителем глубокого космоса. И я уже был к этому полностью готов, когда меня захватили в плен пираты, и я упустил свой шанс. А к тому времени, когда шанс появился снова, я уже был женат.

– Ты все уши прожужжал своими пиратами, – усмехнулся второй пилот.

На моем лице не дрогнул ни один мускул. Взрослые почему-то считают, будто любой, кто моложе их, проглотит любую чушь, и я стараюсь их не разочаровывать.

– Что ж, все это хорошо, – сказал капитан, – но, пожалуй, на этом мы с вами распрощаемся, юные джентльмены. Нам с мистером Мэйсом нужно проделать кое-какие расчеты – иначе мы можем посадить эту колымагу в Южном Бруклине.

Мы поблагодарили их и ушли.

Я нашел отца, Молли и малявку на палубе дальше к корме.

– Где ты был, Билл? – спросил отец. – Я тебя по всему кораблю ищу.

– В рубке с капитаном, – ответил я.

Отец удивленно взглянул на меня, а малявка скорчила рожу и заявила:

– Тоже мне выдумщик. Туда никого не пускают.

На мой взгляд, девчонок следует растить на дне глубокого темного мешка, пока они не станут старше и не поумнеют. А потом можно либо их выпустить, либо завязать мешок и зашвырнуть подальше – не знаю, что лучше.

– Тихо, Пегги, – сказала Молли.

– Можете спросить Хэнка, – ответил я. – Он был со мной. Мы...

Я огляделся, но Хэнк исчез. Так что я сам рассказал им обо всем, кроме истории с пиратами.

– Я тоже хочу в рубку, – заявила малявка, когда я закончил.

Отец возразил, что вряд ли это удастся устроить.

– Почему? – возмутилась она. – Билл же там был.

Молли вновь велела ей замолчать.

² Скаут-орел – высшее скаутское звание, которое имеют лишь четыре процента американских бойскаутов. Для получения требуется сдать порядка двадцати зачетов в разных областях.

– Билл – мальчик, и он старше тебя.

Малышка ответила, что это нечестно. Возможно, она была и права – но такова жизнь.

– Ты должен быть польщен, Билл, – продолжал отец, – что удостоился встречи со знаменитым капитаном Делонгпре.

– Ха!

– Возможно, ты слишком юн, чтобы помнить. Он дал себя запереть в автоматическом грузовике, доставлявшем ториевую руду с лунных рудников, и разоблачил банду похитителей, которую журналисты называли «Рудными пиратами».

Я промолчал.

Мне хотелось увидеть «Мэйфлауэр» из космоса, но нас заставили пристегнуться еще до того, как я сумел его отыскать. Однако мне удалось как следует разглядеть станцию Супра-Нью-Йорк, а «Мэйфлауэр» находился на той же двадцатичетырехчасовой орбите, что и она. Мы приближались почти прямо к ней, когда поступила команда пристегнуться.

Капитан Делонгпре оказался классным пилотом. Он не стал осторожничать, прокладывая для корабля новую борозду, – лишь один раз включил двигатель, выбросив в нужное время нужное количество реактивной массы в нужном направлении. Как говорится в учебнике физики, «любая проблема корректировки орбиты в одной плоскости, если она вообще имеет решение, может быть решена однократным приложением ускорения» – при условии, что пилот достаточно опытен.

И он оказался достаточно опытен. Когда снова наступила невесомость, я взглянул через плечо в иллюминатор и увидел «Мэйфлауэр», сверкавший в лучах солнца. Он был невероятно огромен, и до него было совсем недалеко. Последовал мягкий толчок, и громкоговоритель пропел:

– Контакт завершен. Можете отстегнуть ремни.

Отстегнувшись, я подплыл к иллюминатору, в котором виднелся «Мэйфлауэр». Легко было понять, почему он никогда не сможет приземлиться. У него отсутствовали крылья и даже стабилизаторы и форма была совершенно неподходящей – почти шарообразная, не считая сходящегося с одной стороны конуса.

Корабль казался чересчур маленьким, пока я не сообразил, что крошечная выпуклость, торчавшая за его краем, – на самом деле нос «Икара», разгружавшегося с дальней стороны. Внезапно корабль обрел гигантские размеры, а маленькие мошки на его поверхности превратились в людей в скафандрах.

Один из них чем-то в нас выстрелил, и к нам, извиваясь, устремился трос. Когда шишка на его конце оказалась рядом с нами, из нее вырвался яркий пурпурный разряд, и волосы у меня встали дыбом, а по коже побежали мурашки. Несколько женщин в нашем отсеке взвизгнули, и я услышал, как мисс Эндрюс успокаивает их, говоря, что это всего лишь корректировка разницы потенциалов между двумя кораблями. Если бы она сказала, что это была молния, она оказалась бы столь же права, но вряд ли это бы их успокоило.

Я несколько не испугался – подобного мог ожидать любой мальчишка, когда-либо возившийся с радио или любой другой электроникой.

Шишка на тросе с лязгом ударилась о борт корабля, и вскоре за тонким тросом последовал трос потолще, а затем корабли начали медленно сближаться, пока «Мэйфлауэр» не заполнил целиком иллюминатор.

Вскоре в ушах у меня щелкнуло и громкоговоритель произнес:

– Экипажу приготовиться к высадке.

Мисс Эндрюс велела нам ждать. Наконец подошла наша очередь, и мы двинулись в сторону палубы, через которую до этого сюда вошли. Миссис Тарбаттон задержалась – они с мужем о чем-то спорили с мисс Эндрюс.

Покинув корабль, мы прошли через суставчатый стальной барабан длиной футов в десять и ступили на борт «Мэйфлауэра».

5. Капитан Харкнесс

Знаете, что самое худшее в космических кораблях? От них воняет.

Воняло даже на «Мэйфлауэре», хотя он был новеньким, с иголки. От него пахло маслом, сваркой, растворителями и потом рабочих, которые долго жили внутри него. Потом явились мы с трех кораблей, и от большинства несло той вонью, которая обычно исходит от людей, когда они напуганы или чересчур нервничают. Мой желудок все еще протестовал, и ему почти удалось одержать надо мной победу.

Хуже всего, что на корабле не может быть приличных душевых, так что ванна становится роскошью. После того как всех распределили по своим местам, нам выдали билеты на две помывки в неделю, но много ли это значит, особенно если помывка означает два галлона воды, чтобы обтереться губкой?

Тот, кто испытывал неодолимую потребность помыться, мог поспрашивать других и, возможно, купить билет у кого-нибудь, кто был готов пропустить очередное купание. В моем кубрике был один парень, который продавал все свои билеты в течение четырех недель, пока всех нас не начало тошнить и мы не устроили ему незапланированную баню, обработав его очень жесткой щеткой. Но я забегаю вперед.

Сжечь грязную одежду тоже было нельзя – ее приходилось стирать.

Когда мы впервые оказались на «Мэйфлауэре», потребовалось около получаса, чтобы рассортировать всех нас по противоперегрузочным койкам. Предполагалось, что людей с «Дедала» и «Икара» разместят раньше, но сделать этого не успели, и в коридорах возникли пробки. А когда все парят в воздухе и ты не знаешь, где какая сторона, пробка становится в восемь раз хуже обычной.

Никаких стюардесс, которые могли бы нас направлять, тоже не было – их роль играли эмигранты со значками с надписью «корабельный помощник» на груди. Многие из них, однако, сами нуждались в помощи, пребывая в не меньшей растерянности, чем остальные. Все это напоминало любительский театр, в котором служители не знают, как найти зарезервированные места.

К тому времени, когда я оказался в назначенном мне кубрике и пристегнулся, по всему кораблю уже звенели звонки и орали громкоговорители:

– Приготовиться к ускорению! Десять минут!

Мы стали ждать.

Казалось, будто прошло больше получаса. Наконец начался обратный отсчет.

«Вильям, – сказал я себе, – если уж старт с Земли столь тяжел, то тут тебе точно все зубы вышибет».

Я знал, что нам предстоит разогнаться до девяноста трех с лишним миль в секунду – трети миллиона миль в час! Если честно, мне было страшновато.

Шли секунды; затем последовал мягкий толчок, вдавивший меня в подушки, – и все. Я просто лежал, глядя в потолок, который опять стал потолком. Пол снова находился подо мной, но никакой чрезмерной тяжести я не ощущал. Я прекрасно себя чувствовал.

Я решил, что это только первый этап, а потом начнется настоящий ужас.

Экран под потолком кубрика засветился, и я увидел лицо мужчины с четырьмя полосками на воротнике; он был моложе капитана Делонгпре.

– Приветствую вас, друзья, – улыбнувшись, сказал он. – Говорит капитан Харкнесс. Корабль продолжит движение с ускорением в один «же» в течение четырех с небольшим часов. Пожалуй, пора подавать обед?

Он снова улыбнулся, и я понял, что желудок нисколько меня не беспокоит, если не считать чувства зверского голода. Видимо, он знал, что все мы, сухопутные крысы, страшно проголодаемся в ту же минуту, как только к нам вернется нормальный вес.

– Постараемся обслужить вас как можно быстрее, – продолжал капитан. – Можете отстегнуть ремни, сесть и расслабиться, но вынужден вас попросить соблюдать осторожность в одном: корабль правильно сбалансирован, так что тяга двигателя проходит в точности через наш центр масс. Иначе мы начали бы вращаться, вместо того чтобы двигаться по прямой, и могли бы закончить свой путь в ядре Солнца, а не на Ганимеде. Вряд ли кому-то хочется превратиться в импровизированное жаркое, так что прошу каждого из вас не покидать без необходимости окрестностей своей койки. Корабль снабжен автоматическим компенсатором импульса, но его не следует перегружать. Прежде чем отдалиться более чем на шесть дюймов от вашего нынешнего местонахождения, получите разрешение у своего корабельного помощника. – Он снова улыбнулся, и улыбка его вдруг стала крайне неприятной. – Любой нарушивший данное правило будет пристегнут силой, а когда мы перейдем в свободный полет, капитан назначит подобающее его проступку наказание.

В нашем отсеке никаких корабельных помощников не было, и нам ничего не оставалось, как только ждать. Я познакомился с другими мальчишками в кубрике – кто-то был старше меня, кто-то младше. Одному из них, рослому рыжеватому парню лет семнадцати по фамилии Эдвардс, которого тут же прозвали Горлопаном Эдвардсом, ждать быстро надоело.

Вряд ли стоило его винить, – казалось, будто прошли часы, но поесть нам так и не дали. Мне показалось, будто о нас забыли.

Эдвардс маячил возле двери, выглядывая наружу.

– Смешно! – наконец бросил он. – Не можем же мы тут торчать весь день. Я намерен выяснить, в чем дело. Кто со мной?

– Капитан велел сидеть на месте, – возразил кто-то из ребят.

– И что с того? Что он может нам сделать? Мы не члены команды.

Я заметил, что капитан обладает властью на всем корабле, но Эдвардс лишь отмахнулся:

– Ерунда! У нас есть право знать, что происходит, и право получить еду. Кто пойдет со мной?

– Нарываешься на неприятности, Горлопан, – сказал другой мальчик.

Эдвардс остановился. Думаю, замечание его обеспокоило, но пойти на попятный он уже не мог.

– Слушайте, – наконец заявил он, – нам полагается корабельный помощник, а нам его не выделили. Вы выбираете меня корабельным помощником, парни, и я приношу вам пожрать. Как насчет такого?

Возражать вслух никто не стал.

– Ладно, я погнал, – сказал Горлопан.

Не прошло и нескольких секунд после его ухода, как появился корабельный помощник с большой коробкой упакованных пайков. Он раздал их все, и остался один лишний. Затем он пересчитал койки.

– Разве тут не двадцать мальчиков? – спросил он.

Мы переглянулись, но все промолчали. Достав список, он начал вызывать каждого по имени. Эдвардс, естественно, не ответил, и помощник вышел, забрав с собой его пак.

Потом появился Горлопан и, увидев нас за едой, поинтересовался, где его обед. Мы объяснили, и он сказал:

– Черт побери, что же вы мне не оставили? Хорошая же вы компания.

Он снова вышел, но вскоре вернулся вне себя от злости. За ним вошел корабельный помощник, который пристегнул его к койке.

Мы как раз доедали свои пайки, когда снова засветился экран на потолке и на нем появилась Луна. Казалось, будто мы летим прямо к ней, причем на большой скорости. У меня начали возникать подозрения, что капитан Харкнесс где-то пропустил десятичную точку.

Лежа на койке, я смотрел, как растет лунный диск. Когда он заполнил собой весь экран и уже казалось, что мы обязательно в него врежемся, я заметил, что лунные горы смещаются по экрану справа налево. Я облегченно вздохнул, – возможно, капитан все-таки знал, что делает.

– В данный момент мы пролетаем мимо Луны и в связи с этим слегка меняем курс, – послышалось в громкоговорителе. – Наша относительная скорость в точке максимального сближения составляет свыше пятидесяти миль в секунду, что приводит к достаточно впечатляющему эффекту.

Впечатляющему – не то слово! Мы пронеслись вдоль лунного диска примерно за полминуты, после чего он скрылся позади. Вероятно, на него просто была постоянно направлена телекамера, но ощущение возникло такое, будто мы спикировали, резко свернули и помчались прочь. Вот только на таких скоростях круто не свернешь.

Часа через два двигатель отключился. К тому времени я успел заснуть, и мне снилось, будто я прыгаю с парашютом и он не раскрылся. Вскрикнув, я проснулся, ощутив невесомость и подкативший к горлу комок. Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы сообразить, где я.

– Разгон завершен, – сообщил громкоговоритель. – Сейчас корабль будет приведен во вращение.

Но это произошло не сразу, а очень медленно. Мы подплыли к одной из переборок и соскользнули вдоль нее к внешней стене корабля. Внешняя стена превратилась в пол, на котором мы стояли; бывший пол с койками на нем стал стеной, а бывший потолок с телеэкраном на нем – другой, противоположной. Мы почувствовали, как постепенно становимся все тяжелее.

Горлопан оставался пристегнутым к койке: корабельный помощник передвинул замки так, чтобы он не мог сам до них добраться, и теперь болтался на ремнях, словно младенец за спиной индианки. Он начал орать, чтобы мы помогли ему спуститься.

Никакая опасность ему не угрожала, и вряд ли он испытывал особые неудобства – восстановившаяся сила тяжести была намного меньше земной. Позже выяснилось, что капитан раскрутил корабль до одной трети «же» и так и оставил, поскольку именно такова была сила тяжести на Ганимеде. Так что срочная необходимость освободить Горлопана отсутствовала.

Никто, впрочем, особо с этим не торопился. Мы все еще обсуждали случившееся, а некоторые ребята отпускали шуточки, которые Горлопану явно не нравились, когда вошел все тот же корабельный помощник, отстегнул Горлопана и велел нам всем идти за ним.

Вот так мне довелось присутствовать на капитанской аудиенции.

Чем-то это похоже на древние времена, когда местный повелитель сидел на троне и по справедливости судил своих подданных. Мы направились следом за помощником, которого звали доктор Арчибальд, к каюте капитана Харкнесса. В коридоре возле каюты уже собралось немало народа. Наконец вышел капитан Харкнесс, и дело Горлопана стало первым.

Свидетелями были мы все, но капитан допросил лишь нескольких – я в их число не вошел. Доктор Арчибальд рассказал, что обнаружил Горлопана бродящим по кораблю во время разгона, и капитан спросил Горлопана, слышал ли тот приказ оставаться в своей койке.

Горлопан пытался увиливать и возлагать вину на всех нас, но, когда капитан припер его к стене, он вынужден был признаться, что слышал приказ.

– Сынок, – сказал капитан Харкнесс, – ты недисциплинированный болван. Не знаю, на какие неприятности ты нарвешься, будучи колонистом, но на моем корабле ты уже ими обзавелся.

Немного подумав, он добавил:

– Говоришь, все из-за того, что ты проголодался?

Горлопан ответил, что да, он ничего не ел после завтрака и до сих пор так и не пообедал.
– Десять дней на хлебе и воде, – сказал капитан. – Следующее дело.

Следующее дело касалось такого же проступка, но совершенного женщиной – одной из тех крупных впечатляющих дам, которые считают, будто могут всеми командовать. Она поскандалила со своим корабельным помощником и отправилась к капитану, чтобы пожаловаться ему лично – во время разгона.

– Мадам, – ледяным тоном проговорил капитан Харкнесс, – из-за вашей непробиваемой глупости подверглись опасности мы все. Есть что сказать в свое оправдание?

Она разразилась тирадой о том, насколько груб был с ней помощник и что ей никогда в жизни не доводилось слышать о столь абсурдных судилищах, и так далее, и тому подобное. Наконец ее прервал капитан.

– Вам когда-нибудь приходилось мыть посуду? – спросил он.

– Нет, конечно!

– Так вот, теперь придется – на протяжении последующих четырехсот миллионов миль.

6. $E = MC^2$

Когда нас отпустили, я отправился на поиски отца. Казалось, будто я ищу иголку в стоге сена, но, расспросив окружающих, я все-таки его нашел. У них с Молли была своя каюта. С ними находилась и Пегги, и я подумал, что она тоже занимает эту каюту, что вызвало у меня легкую досаду. Но потом я увидел, что коек всего две, и понял, что у Пегги место в общем кубрике. Как оказалось, в кубриках разместили всех детей старше восьми лет.

Отец был занят тем, что снимал койки со стены и перемещал их на нынешний пол. Когда я вошел, он прервал свое занятие, после чего мы сели и поговорили.

Я рассказал ему про капитанскую аудиенцию, и он кивнул:

– Мы видели на экране. Хотя твою сияющую физиономию я не заметил.

– Почему? – тут же поинтересовалась Пегги.

– Откуда я знаю? – Немного подумав, я добавил: – Слушай, Джордж, шкипер на космическом корабле примерно равен абсолютному монарху?

– Гм... – после некоторого размышления ответил отец. – Нет, он скорее конституционный монарх. Но он в самом деле монарх.

– Хочешь сказать, мы должны перед ним кланяться и называть его «ваше величество»? – поинтересовалась Пегги.

– Вряд ли это было бы разумно, Пег, – ответила Молли.

– Почему? Было бы даже весело.

– Что ж, – улыбнулась Молли, – потом расскажешь, как у тебя это получится. Подозреваю, он просто перекинет тебя через колено и отшлепает.

– Не посмеет! Я кричать буду!

Я вовсе не был в том уверен. Помня про четыреста миллионов миль грязной посуды, я решил, что, если капитан прикажет мне изображать лягушку, я радостно начну перед ним скакать.

Если капитан Харкнесс и был монархом, он не слишком держался за собственную власть. Первым делом он приказал нам провести выборы и организовать совет корабля, после чего мы его почти не видели.

Голосовать могли все старше восемнадцати. Но голосовать пришлось и остальным – нам велели создать младший совет, хотя непонятно, какой с него был толк.

Но кораблем с тех пор правил совет взрослых – настоящий совет. Он даже выступал в роли суда, и капитан больше не выносил наказаний. Отец рассказал, что капитан визирует все

решения совета – ему приходилось это делать, чтобы они имели законную силу, – но я ни разу не слышал, чтобы он отклонил хотя бы одно.

И знаете, что первым делом постановил тот совет – после того как расписал часы приема пищи и прочее? Они решили, что мы должны учиться!

Срочно собравшийся младший совет принял резолюцию против подобного решения, но она ничего не значила. Учебы нам было не избежать.

В состав младшего совета входила и Пегги. Я спросил ее, почему она не отказалась, если не собирается ничем заниматься. На самом деле я просто ее поддразнивал, – собственно, она устроила за нас приличную битву.

Впрочем, учеба оказалась не столь уж плоха. В космосе почти нечего делать, и если ты видел одну звезду, можешь считать, что видел их все. А первым, с чего началась наша учеба, стала экскурсия по кораблю, против чего никто не возражал.

Мы разбились на группы по двадцать человек, и экскурсия заняла целый день – в смысле, «день» по времени корабля. «Мэйфлауэр» имел форму шара с конусом сбоку – вроде юлы. В вершине конуса находился выхлоп двигателя – хотя главный инженер Ортега, водивший нас по кораблю, называл его «соплом».

Если считать сопло кормой, то в круглом конце, на носу, находилась рубка управления, а в ее окрестностях – каюты капитана и офицеров. Сопло и все пространство, занимаемое реактором, отделял от остальной части корабля радиационный щит, проходивший прямо через корабль. От щита до самой рубки управления простирался большой трюм – цилиндр диаметром в сто с лишним футов, разделенный на отсеки. Мы везли с собой в колонию множество груза – землеройную технику, концентрированные удобрения, приборы и не знаю что еще.

Центральный цилиндр окружали жилые палубы – палуба А под самой обшивкой корабля, под ней палуба В, дальше палуба С, а потолок палубы D одновременно являлся внешней стеной трюма. На палубе D располагались столовые, камбуз, комнаты отдыха, изолятор и тому подобное, а три внешние палубы занимали кубрики и каюты. На палубе А через каждые десять или пятнадцать футов шли ступеньки, поскольку она была вписана во внешний контур корабля, и потолки на ней имели разную высоту. В самой дальней к корме части палубы А расстояние от пола до потолка составляло всего около шести футов, и там жили дети помладше, в то время как в самой широкой части корабля потолки на палубе А находились на высоте двенадцати или тринадцати футов.

Изнутри корабля трудно было понять его устройство – он не только был разделен переборками, но и вызванная вращением искусственная гравитация сбивала с толку. В любом месте палубы, где бы ты ни стоял, она казалась ровной, но резко уходила вверх впереди и позади. Однако до искривленной части дойти было невозможно – если ты продолжал идти вперед, палуба все так же выглядела ровной. Пройдя достаточно далеко, можно было описать круг и вернуться в начальную точку, совершив путешествие по всему кораблю.

Я никогда бы сам этого не сообразил, если бы мистер Ортега не набросал для нас схематический рисунок.

Мистер Ортега рассказал нам, что корабль совершает три и шесть десятых оборота в минуту, или двести шестнадцать полных оборотов в час, чего вполне достаточно, чтобы центробежная сила на палубе В составила одну треть «же». Палуба В находилась в семидесяти пяти футах от оси «Мэйфлауэра»; палуба А, где жил я, располагалась дальше, и сила тяжести там составляла где-то на десятую долю больше, а на палубе С, соответственно, на столько же меньше. На палубе D она была намного ниже, и если внезапно встать из-за стола в столовой, могла закружиться голова.

Рубка управления находилась на самой оси, и там можно было парить в невесомости, даже когда корабль вращался. По крайней мере, так мне говорили – внутрь меня ни разу не пустили.

Вращение корабля создавало еще один странный эффект: все окружающее располагалось «внизу» в том смысле, что единственным местом, где можно было разместить иллюминаторы, являлся пол палубы А, и именно там они и находились – четыре больших иллюминатора, каждый в своем отдельном отсеке.

Мистер Ортега показал нам одну из этих смотровых галерей. Иллюминатор представлял собой большую круглую кварцевую плиту в полу, с ограждением вокруг.

Первые вошедшие направились прямо к ограждению, но тут же попятнулись. Две девочки взвизгнули. Протолкавшись вперед, я взглянул вниз... и обнаружил, что смотрю прямо во все-ленскую бездну, простиравшуюся на миллионы миль.

Я не попятился, – как говорит Джордж, я скорее акробат, чем акрофоб³, – но все же вцепился в ограждение. Вряд ли кому-то хотелось бы свалиться с такой высоты. Обработанный кварц не давал отражения, и казалось, будто между тобой и потусторонним миром ничего нет.

Из-за вращения корабля звезды плыли перед иллюминатором, отчего становилось только хуже. Слева вынырнул ковш Большой Медведицы, проследовал почти подо мной и ускользнул вправо, чтобы несколько секунд спустя появиться снова.

– Пожалуй, с меня хватит, – сказал я и уступил место другому желающему, но, похоже, никто особо больше не рвался.

Потом мы прошли через гидропонную ферму, но там не было ничего интересного – просто растения, производившие кислород для нашего дыхания. В основном это были водоросли, но имелись также и грядки с овощами. Я поинтересовался, как существовали растения до того, как на борту появились пассажиры, и мистер Ортега показал на кран для подачи углекислого газа на стене.

– Естественно, приходилось их снабжать.

Мне следовало догадаться и самому – простая арифметика.

Главный инженер повел нас обратно в одну из столовых. Мы сели, и он рассказал о реакторе.

Мистер Ортега поведал нам, что эволюция космических кораблей проходила в три этапа. Первыми стали ракеты на химическом топливе, не слишком отличавшиеся от больших немецких военных ракет времен Второй мировой войны, только многоступенчатые.

– Вы, ребята, молоды и не видели подобных ракет, – сказал он, – но они были самыми большими из когда-либо построенных космических кораблей – из-за своей крайней неэффективности. Как вам всем известно, первая ракета, достигшая Луны, была четырехступенчатой. Длина ее последней ступени почти равнялась длине «Мэйфлауэра», но ее полезная нагрузка составляла меньше тонны.

Эволюция космических кораблей характеризуется тем, что корабли уменьшались в размерах, вместо того чтобы увеличиваться. Следующей стадией развития стала ракета на атомной энергии. Это был немалый шаг вперед – отпала нужда в ступенях, и корабль типа «Дедала» мог стартовать с Земли даже без катапульты, а тем более дополнительных ступеней и долететь до Луны или даже до Марса. Но подобные корабли по-прежнему обладали недостатками ракет – они зависели от атомного реактора, который разогревал реактивную массу и выбрасывал ее через сопло, так же как их предшественники зависели от химического топлива, использовавшегося для той же цели.

Последним этапом эволюции стали корабли на преобразователях массы, такие как «Мэйфлауэр», и, вероятно, на этом она заканчивается – корабль на преобразователях массы теоретически способен достичь скорости света. Взять, к примеру, наш полет – мы разогнались с ускорением в один «же» примерно четыре часа двадцать минут, набрав скорость свыше девя-

³ Акрофобия – страх высоты.

носта миль в секунду. Если бы мы двигались с таким же ускорением чуть меньше года, то приблизились бы к скорости света.

Кораблю на преобразователях массы вполне хватит для этого энергии. При стопроцентной эффективности потребуется около одного процента его массы в качестве энергии и еще один процент в качестве реактивной массы. Именно так станет летать «Звездный скиталец», когда он будет достроен.

Кто-то из детей помладше поднял руку:

– Мистер главный инженер?

– Да, сынок?

– А что, если он пролетит так еще несколько недель и преодолеет скорость света?

– Не получится, – покачал головой мистер Ортега.

– Почему, сэр?

– Насколько ты силен в математике, сынок?

– Не больше, чем учат в школе, – ответил мальчик.

– Боюсь, в таком случае что-либо объяснять не имеет смысла. Просто поверь мне на слово: ученые уверены, что это невозможно.

Меня не раз беспокоил именно этот вопрос. Почему нельзя лететь быстрее света? Конечно, я знал про все те научные разговоры, будто уравнения Эйнштейна доказывают, что скорость быстрее света – бессмысленная величина вроде веса песни или цвета звука, поскольку она включает в себя квадратный корень из минус единицы. Но все это лишь теория, а если то, что мы изучали по истории науки, хоть что-то значит, ученые меняют свои теории столь же часто, как змея кожу. Я поднял руку.

– Ладно, – сказал главный инженер. – Говори, вихрастый.

– Мистер Ортега, если невозможно преодолеть скорость света, то что случилось бы, если «Звездный скиталец» приблизился бы к ней, а потом капитан вдруг разогнал бы двигатель до шести «же» и так бы и оставил?

– Ну, тогда... нет, скажем так... – Он замолчал и по-мальчишески улыбнулся. – Лучше не задавай мне таких вопросов, парень. Я инженер с волосатыми ушами, а не спец по математической физике.

Он задумчиво посмотрел на меня и добавил:

– Если честно – не знаю, что случилось бы, но многое бы отдал за то, чтобы это выяснить. Возможно, мы узнали бы, как выглядит корень квадратный из минус единицы изнутри. Но вернемся к «Мэйфлауэру», – поспешно продолжил он. – Вероятно, вам известно, что, когда первый «Звездный скиталец» не вернулся назад, «Мэйфлауэр» предназначался на роль «Звездного скитальца-2», но конструкция его успела устареть еще до начала строительства, так что имя отдали новому межзвездному кораблю, «Звездному скитальцу-3», переименовали этот в «Мэйфлауэр» и стали использовать его для обслуживания колоний. Вы, ребята, даже не знаете, как вам повезло. До сегодняшнего дня эмигрантам на Ганимед приходилось проводить в космосе два года и девять месяцев, просто чтобы туда добраться. А вы проделаете тот же путь за два месяца.

– А быстрее лететь мы не можем? – поинтересовался кто-то.

– Можем, – кивнул он. – Но нам это ни к чему, к тому же возникнут сложности с астронавигацией и управлением. В этих новых кораблях реактор намного опережает возможности приборов. Ничего, потерпите – ваши внуки будут преодолевать тот же путь за неделю с постоянным ускорением в один «же». Кораблей будет столько, что придется заводить космических регулировщиков и, возможно, мы сумеем отправлять за пределы планеты столько же людей, сколько ежегодно рождается лишних ртов. Но хватит об этом. Кто может сказать, что означает «Е равно Эм-Це в квадрате»?

Я мог бы ответить, но уже однажды выступил, а заслужить репутацию подлизы мне вовсе не хотелось.

– Это означает, что массу можно преобразовать в энергию, – наконец сказал кто-то из ребят постарше.

– Верно, – согласился мистер Ортега. – И впервые это было продемонстрировано при испытаниях атомной бомбы в тысяча девятьсот сорок пятом году в Аламогордо, штат Нью-Мексико. То был особый случай – тогда еще не знали, как управлять процессом, и сумели лишь устроить гигантский взрыв. Потом появились урановые реакторы, но они все равно мало на что годились, поскольку в энергию превращался только микроскопический процент массы. Лишь с открытием уравнений преобразования энергии Килгора – не беспокойтесь, вы будете изучать их, когда станете постарше, если вам будет интересно, – лишь когда Килгор показал, каким образом можно это сделать, стало ясно, как реализовать на практике уравнение массы-энергии доктора Эйнштейна родом из тысяча девятьсот пятого года. И мы все еще не знали, как управлять процессом. Чтобы превратить массу в энергию, требовалась дополнительная масса для оболочки реактора – причем масса весьма особого рода, которая не превращалась бы в энергию, когда не нужно, и могла бы затормозить реакцию, когда нужно. Обычный металл для этого не годился – с тем же успехом можно было бы использовать мягкое масло. Но уравнения Килгора показали, как сделать в том числе и это, – если правильно их прочитать. Кто-нибудь представляет, сколько энергии получится при преобразовании в нее определенной массы?

Никто этого не знал.

– Все содержится в единственном уравнении, – сказал мистер Ортега. – В старом добром эйнштейновском «Е равно Эм-Це в квадрате». Получается, что один грамм массы дает девять на десять в двадцатой эргов энергии.

Он написал: $1 \text{ г} = 9 \times 10^{20} \text{ эрг}$.

– Не так уж много на первый взгляд, – продолжал он. – А теперь попробуем так.

На это раз он написал иначе: 900 000 000 000 000 000 000 эргов.

– Прочитайте. Девятьсот тысяч миллионов миллиардов эргов. Все равно мало что значит, да? Подобные цифры недоступны пониманию. Физики-ядерщики постоянно держат под рукой гору нулей, словно плотник – бочонок с гвоздями. Попробую объяснить еще раз. Фунт массы – любой старой доброй массы, скажем фунт перьев, – преобразуется в энергию, равную пятнадцати миллиардам лошадиных сил-часов. Понятно теперь, почему «Мэйфлауэр» был собран на орбите и никогда не сможет где-либо приземлиться?

– Слишком горячо, – сказал кто-то.

– Слишком горячо – это еще мягко сказано. Если бы «Мэйфлауэр» стартовал из космопорта Мохаве, весь Лос-Анджелесский район города Южная Калифорния превратился бы в лужу лавы, а люди от Сан-Франциско до Нижней Калифорнии погибли бы от радиации и жара. Теперь вам должно быть понятно, почему между нами и реактором через весь корабль проходит защитный экран, а до сопла вообще никак не добраться.

К несчастью, среди нас оказался Горлопан Эдвардс – просто потому, что он был из того же кубрика.

– А если понадобится ремонт? – спросил он.

– Отказать ничто не может, – объяснил мистер Ортега. – В реакторе нет никаких движущихся частей.

Горлопана его ответ несколько не удовлетворил.

– Но если что-то все-таки сломается, как вы станете его чинить, если туда никак не добраться?

Горлопан и впрямь мог вывести из себя кого угодно.

– Поверь мне, сынок, – слегка раздраженно ответил мистер Ортега, – даже если туда можно было бы добраться, вряд ли кому-либо этого захотелось бы. Ни в коем разе!

– Ха! – бросил Горлопан. – Я просто имел в виду: если починить все равно ничего нельзя, даже если понадобится, то какой смысл посылать на корабле инженеров?

Наступила такая тишина, что можно было услышать, как пролетит муха, – если бы такие здесь имелись.

Мистер Ортега побагровел, но лишь сказал:

– Наверное, чтобы отвечать на дурацкие вопросы молокососов вроде тебя.

Он повернулся к остальным:

– Еще вопросы есть?

Вопросов, естественно, никому больше задавать не хотелось.

– Пожалуй, на сегодня достаточно, – сказал он. – Занятия окончены.

Позже я рассказал обо всем отцу. Он помрачнел.

– Боюсь, главный инженер Ортега не сказал вам всей правды.

– То есть?

– Прежде всего – у него хватает работы по обслуживанию вспомогательной аппаратуры по эту сторону защитного экрана. Но при необходимости можно добраться и до сопла.

– Каким образом?

– В экстренной ситуации, возможно, могут потребоваться некоторые корректировки. И тогда на мистера Ортегу будет возложена почетная обязанность забраться в скафандр, вылезти наружу на корму и сделать все необходимое.

– Хочешь сказать...

– Я хочу сказать, что несколько минут спустя должность главного инженера займет его помощник. Главных инженеров весьма тщательно отбирают, Билл, и не только на основе их технических познаний.

У меня по спине пробежал неприятный холодок. Мне не хотелось об этом думать.

7. Скауты в космосе

После того как проходит первое волнение, путешествие на космическом корабле становится самым скучным времяпровождением в мире. Обстановка не меняется, делать особо нечего, да и места для этого нет. Внутри «Мэйфлауэра» теснилось почти шесть тысяч человек, и там в буквальном смысле нигде было повернуться.

Взять, к примеру, палубу В – там спали две тысячи пассажиров. Ширина ее от носа до кормы составляла сто пятьдесят футов, а окружность вдоль цилиндра – около пятисот. Получается в среднем около сорока квадратных футов на пассажира, но немало места занимают лестницы, коридоры, стены и прочее. В итоге каждому оставалось место для койки и еще примерно столько же свободного пола.

В подобном пространстве родео не устроишь – даже хоровод водить не получится.

Палуба А была больше, а палуба С меньше, поскольку находилась ближе к оси, но в среднем выходило то же самое. Совет организовал систему временных зон, чтобы оптимально использовать камбуз и столовые и чтобы мы не наступали друг другу на пятки в душевых. Палуба А жила по гринвичскому времени, палубу В оставили в зоне плюс восемь, то есть по времени Западного побережья, а палубу С перевели в зону минус восемь, по филиппинскому времени. Естественно, мы оказались бы при этом в разных днях, но сутки всегда официально отсчитывались по Гринвичу, а вся эта уловка предназначалась лишь для того, чтобы равномерно распределить использование столовых.

Собственно, больше беспокоиться было не о чем. Мы рано вставали, страдая не от усталости, но от скуки, и ждали завтрака. После завтрака главной мыслью становилось, как убить время до обеда. Вся вторая половина дня проходила в ожидании волнующего события, каким являлся ужин.

Должен признать, что идея заставить нас учиться оказалась не столь уж плохой, поскольку позволяла с пользой потратить по два с половиной часа утром и после обеда. Некоторые взрослые жаловались, что столовые и все свободное пространство постоянно забиты учениками, но чего они еще могли от нас ожидать? Что мы станем висеть на антеннах? В любом случае в классе мы занимали меньше места, чем если бы болтались под ногами.

И все же школой это можно было назвать с большой натяжкой. В трюме имелось несколько учебных автоматов, но добраться до них мы не могли, и их все равно бы не хватило на всех. Каждый класс состоял примерно из двух десятков ребят и одного из взрослых, обладавших теми или иными знаниями, – просто удивительно, сколь многие взрослые не знают вообще ничего! Взрослый рассказывал о том, что знал лучше всего, а ребята его слушали. Потом мы задавали вопросы, а он задавал вопросы нам. Никаких настоящих экзаменов, никаких экспериментов, никаких демонстраций, никаких стереофильмов.

Отец говорит, что это лучшая школа в мире – мол, университет, по сути, всего лишь бревно, на одном конце которого сидит преподаватель, а на другом студент. Но отец – своего рода романтик.

Скука настала такая, что не было смысла даже вести дневник – даже если бы я сумел раздобыть где-то микро пленку.

Мы с отцом иногда играли по вечерам в криббедж – ему каким-то образом удалось втиснуть доску и колоду карт в лимит багажа. Потом он с головой ушел в техническое планирование, которым занимался для совета, и у него не стало времени. Молли предложила мне научить ее играть, и я согласился.

Потом я научил и Пегги, она оказалась довольно-таки способным игроком для девчонки. Меня слегка тревожило, что я предаю Энн, заведя дружбу с Пег и ее матерью, но все же решил, что Энн сама бы хотела, чтобы я так поступил. Энн всегда со всеми дружила.

Однако у меня все равно оставалось время. При силе тяжести в одну треть от земной и без физических упражнений я не мог спать больше шести часов за ночь. Свет выключался на восемь часов, но после возникших в первую же неделю проблем в постель нас больше не гнали. После отключения света я обычно болтался по коридорам вместе с Хэнком Джонсом, пока у нас обоих не начинали слипаться глаза. Мы о многом с ним говорили, и оказалось, что Хэнк не такой уж плохой парень, если держать его в рамках.

Моя скаутская форма все так же лежала свернутая под матрасом. Как-то утром, когда я застилал койку, Хэнк заметил ее и спросил:

- Слушай, Вильям, чего ты так за нее держишься? Не пора ли распрощаться с прошлым?
- Не знаю, – признался я. – Может, на Ганимеде будут скауты?
- Никогда об этом не слышал.
- Почему бы и нет? На Луне же есть.
- Это ничего не доказывает, – ответил он.

Но разговор все же завязался, и у Хэнка возникла гениальная идея – почему бы не организовать скаутское движение прямо здесь, на «Мэйфлауэре»?

Мы созвали сбор. Пегги распространила информацию через младший совет, и мы назначили время на пятнадцать тридцать того же дня, сразу после учебы, то есть пятнадцать тридцать по Гринвичу, или времени палубы А. Соответственно, для ребят с палубы В это было семь тридцать утра, а для палубы С – полчаса до полуночи. Лучше мы придумать не могли. Палуба В могла поспешить с завтраком и успеть при желании на сбор, и мы решили, что те с палубы С, кому действительно интересно, могут лечь спать позже.

Пока все подтягивались, я играл на аккордеоне, поскольку, как сказал отец Хэнка, для разогрева собрания, прежде чем оно приступит к работе, требуется музыка. В объявлении говорилось «все скауты и бывшие скауты», и к пятнадцати тридцати народ уже толпился в коридорах, хотя мы воспользовались самой большой столовой. Хэнк призвал всех к порядку, а я

отложил аккордеон и приступил к исполнению обязанностей временного секретаря, одолжив для этой цели диктофон у связиста.

Хэнк выступил с небольшой речью. Пожалуй, в будущем ему светила прямая дорога в политику. Он сказал, что все мы помним настоящую дружбу и благородные традиции скаутов Земли и нам крайне жаль их терять. Еще он добавил, что в основе скаутских традиций лежат традиции исследователей и первопроходцев и сейчас, при освоении новой планеты, самое подходящее время и место для того, чтобы воплотить их в жизнь. Собственно, продолжать дело скаутов от нас требовал дух Даниэля Буна⁴.

Я даже не знал, что Хэнк столь хорошо умеет говорить. Получилось и впрямь неплохо.

Закончив, он подмигнул мне. Я встал и сказал, что хотел бы предложить проект резолюции, а потом зачитал его – изначально он был намного длиннее, но мы его сократили. Там говорилось: «Постановляем! Мы, нижеподписавшиеся, скауты и бывшие скауты из многих организаций, а теперь пассажиры корабля „Мэйфлауэр“, ставим своей целью сохранить скаутские традиции и проложить скаутскую тропу к звездам, создав организацию бойскаутов Ганимеда в соответствии с принципами и целями скаутского движения и вновь подтвердив тем самым Закон Скаутов».

Возможно, это выглядело довольно цветисто, но звучало впечатляюще, – по крайней мере, никто не засмеялся.

– Вы слышали резолюцию, – сказал Хэнк. – Каково ваше мнение? Все поддерживают?

Услышав со всех сторон голоса в поддержку, он предложил перейти к обсуждению.

Кто-то возразил, что мы не можем называться бойскаутами Ганимеда, поскольку мы пока не на Ганимеде, но встретил холодный прием и смолк. Потом кто-то еще заметил, что Ганимед не звезда, так что фраза насчет «скаутской тропы к звездам» звучит глупо.

Хэнк ответил, что это поэтическая вольность и в любом случае освоение Ганимеда – шаг в правильном направлении, за которым должны последовать новые шаги; что насчет «Звездного скитальца-3»? Второй возражавший тоже замолчал.

Самое худшее возражение последовало от Мюнца по прозвищу Миллиметр, занудного мелкого выскочки, не влезавшего в собственные штаны.

– Уважаемый председатель, собрание не имеет законной силы, – заявил он. – У вас нет никаких полномочий создавать новую скаутскую организацию. Как действующий член Девяносто шестого отряда из Нью-Джерси, я протестую против процедуры в целом.

Хэнк поинтересовался, какими, по его мнению, полномочиями обладает Девяносто шестой отряд из Нью-Джерси на орбите Марса.

– Вышвырнуть его! – крикнул кто-то.

Хэнк стукнул кулаком по столу:

– Вышвыривать его вовсе незачем – но, поскольку братец Миллиметр считает наш сбор недействительным, он не имеет права в нем участвовать. Ему предлагается покинуть помещение. Голосуем?

Все проголосовали единогласно, а затем Хэнка выбрали председателем. Он назначил несколько комитетов: по организации, планированию, программам, полномочиям, зачетам, связям и тому подобное. Задача последнего состояла в том, чтобы найти на корабле людей, которые раньше были скаут-мастерами, комиссарами и прочее, и организовать Суд чести. На сборе присутствовали около десятка взрослых пассажиров, и один из них, помощник с палубы А доктор Арчибальд, подал голос:

– Уважаемый председатель, я был скаут-мастером в Небраске и хотел бы добровольно предложить свои услуги новой организации.

⁴ Даниэль Бун (1734–1820) – американский первопоселенец и охотник, чьи приключения сделали его одним из первых народных героев США.

Хэнк посмотрел ему прямо в глаза:

– Спасибо, сэр. Ваша кандидатура будет рассмотрена.

Ответ явно застиг доктора Арчибальда врасплох, но Хэнк как ни в чем не бывало продолжал:

– Мы ценим помощь всех старших скаутов и нуждаемся в ней. Комитету по связям поручено переписать имена всех, кто готов ее оказать.

Мы решили, что у нас будет три отряда, по одному на палубу, поскольку пытаться собрать всех в одно время было не слишком удобно. Хэнк попросил встать всех скаутов-разведчиков, но их оказалось слишком много, и он скомандовал остаться стоять только тем, кто носил звание скаута-орла. Таких набралось около десятка.

Хэнк разделил орлов по палубам и велел нам заняться организацией отрядов, начав с выбора старшего командира патруля. На палубе А орлов было только трое – я, Хэнк и парень из другого кубрика, которого я раньше не встречал, Дуглас Макартур Окадзима. Дуг с Хэнком объединили свои голоса, и в итоге эту работу поручили мне.

Мы с Хэнком планировали завершить сбор физическими упражнениями, но для них попросту не было места, так что я снова взял аккордеон, и мы спели «Тропу скаутов», а после «Зеленые холмы Земли». Затем мы все вместе снова принесли клятву: «Даю слово чести, что всеми силами буду исполнять свой долг перед Богом и моей планетой, храня физическую форму, ясность ума и моральные принципы». На этом сбор закончился.

Какое-то время мы собирались ежедневно, устраивая сборы отрядов, заседания комитетов, встречи командиров патрулей и тому подобное, так что скучать нам было практически некогда. Поначалу отряды назывались просто «отряд А», «отряд В» и «отряд С», по названиям соответствующих палуб, но нам хотелось дать им не столь обезличенные имена. В любом случае мне требовалось имя для моего отряда – мы собирались начать прием новых членов, и хотелось чего-нибудь более завлекательного, чем просто «отряд палубы А».

Кто-то выдвинул название «Космические крысы», но голосование не прошло. Кто-то еще предложил назвать отряд «Майскими цветами» по имени нашего корабля, но этот вариант даже не стали ставить на голосование – автора предложения попросту осмеяли.

Затем мы отклонили варианты: «Пилигримы», «Отряд космопроходцев», «Звездные скитальцы» и «Поднебесные». Наконец встал парень по имени Джон Эдвард Форбс-Смит.

– Слушайте, – заявил он, – мы ведь делимся на три отряда на основе используемых нами временных зон? Палуба В живет по времени Калифорнии, палуба С – по времени Филиппин, а мы живем по Гринвичу, или времени Англии. Почему бы не выбрать соответствующие названия? Мы, к примеру, могли бы назваться отрядом Святого Георгия.

Бад Келли сказал, что мысль, в общем-то, неплохая, но пусть лучше вместо святого Георгия будет святой Патрик, – в конце концов, Дублин тоже живет по гринвичскому времени, а Патрик – куда более важный святой.

– С каких это пор? – спросил Форбс-Смит.

– С начала времен, жалкий англичашка, – ответил Бад, и нам пришлось утихомиривать их обоих, после чего было решено имена святых не использовать.

Но мысль Джонни Смита пришлась нам по вкусу, и мы остановились на отряде бойскаутов Ганимеда имени Баден-Пауэрла⁵, что, с одной стороны, ассоциировалось с английской временной зоной, а с другой никого не могло обидеть.

Идея всем понравилась. Палуба С взяла себе имя Агинальдо⁶, а палуба В назвалась отрядом имени Хуниперо Серры⁷. Услышав последнее, я слегка пожалел, что наша палуба не живет

⁵ Лорд Роберт Стефенсон Смит Баден-Пауэрл (1857–1941) – британский военачальник, основатель скаутского движения. Менее известен как писатель и художник.

⁶ Эмилио Агинальдо-и-Фами (1869–1964) – филиппинский политический деятель. Первый президент Филиппин в 1899–1901 годах.

по калифорнийскому времени, но особо переживать не стал – именем Баден-Пауэлла можно гордиться не меньше.

Все трое носивших эти имена были разведчиками, первопроходцами и просто отважными людьми. Двоим из них так и не довелось стать скаутами в узком смысле этого слова, но все они являлись таковыми в широком смысле – подобно Даниэлю Буну.

Как говорит отец, имя многое значит.

Едва услышав о нашей затее, девочки тоже организовали движение герлскаутов, и Пегги стала членом отряда имени Флоренс Найтингейл⁸. Вряд ли это могло кому-то повредить, но почему девчонки всегда подражают мальчишкам? Впрочем, мы были чересчур заняты, чтобы обращать на них внимание, – перед нами стояла задача приспособить скаутскую деятельность к новым условиям.

Мы решили сохранить все звания и нашивки, имевшиеся у ребят в прежней организации, – именно постоянные звания, но не должности. То, что кто-то был командиром патруля или секретарем, ничего не значило; но если кто-то являлся скаутом-орлом на Земле, он оставался им и в БСГ, как сокращенно называлась организация бойскаутов Ганимеда. Если кто-то был скаутом-волчонком⁹, он так им и оставался. Если кто-то из мальчиков не имел документальных подтверждений – что относилось почти к половине из них, – мы принимали его скаутскую клятву в качестве официальной.

Это все было просто, но с зачетами и нашивками оказалось сложнее. Вряд ли можно ожидать, что кто-то сумеет сдать зачет по пчеловодству там, где пчел нет вообще. (Потом выяснилось, что в трюме на самом деле имелось несколько погруженных в анабиоз пчелиных роев, но мы их не использовали.)

Зато мы могли ввести нашивки за заслуги в области гидропоники и принять соответствующие зачеты прямо на корабле. Мистер Ортега организовал для нас зачеты по устройству космических кораблей, а капитан Харкнесс – по баллистике и астронавигации. К концу полета у нас хватало разных зачетов, чтобы любой мальчишка мог претендовать на звание скаута-орла, как только у нас появился Суд чести.

Но это случилось в последнюю очередь. Я никак не мог понять, почему Хэнк постоянно тянет с окончательным отчетом комитета по связям, задача которого заключалась в том, чтобы набрать скаут-мастеров, комиссаров и так далее. Когда я его об этом спросил, он лишь загадочно на меня посмотрел и ответил – мол, сам увидишь.

И в итоге я действительно увидел. Наконец состоялось общее собрание всех трех отрядов, на котором утвердили скаут-мастеров, объявили о создании Суда чести и так далее. С тех пор всем заведовали взрослые, а мы снова стали в лучшем случае командирами патрулей. Что ж, все хорошее когда-нибудь кончается.

8. Авария

На пятьдесят третий день полета, когда до Ганимеда оставалось около недели, капитан Харкнесс с помощью маховика развернул корабль, чтобы мы могли увидеть, куда летим, – в смысле, чтобы могли увидеть пассажиры; для его астронавигации это никакого значения не имело.

⁷ *Хуниперо Серра* (1713–1784) – монах-францисканец, основатель католических миссий на территории современной Калифорнии, в том числе Сан-Франциско, Лос-Анджелеса, Сакраменто и Сан-Диего. Своей деятельностью миссионера и исследователя заслужил прозвища Апостол и Отец Калифорнии.

⁸ *Флоренс Найтингейл* (1820–1910) – сестра милосердия и общественная деятельница Великобритании.

⁹ *Скауты-волчата* – младшая ветвь скаутского движения (7–11 лет).

Все дело в том, что ось «Мэйфлауэра» была направлена почти прямо на Юпитер, а сопло – назад в сторону Солнца. Поскольку иллюминаторы располагались через каждые девяносто градусов вдоль бортов, мы, хотя и могли видеть большую часть неба, не имели возможности взглянуть вперед на Юпитер или назад на Солнце. Теперь же капитан наклонил корабль на девяносто градусов, так что мы, если можно так выразиться, катились вдоль нашей траектории. Таким образом можно было увидеть как Юпитер, так и Солнце из любого иллюминатора, хотя и не одновременно.

Юпитер уже напоминал крошечный красно-оранжевый диск. Некоторые из ребят заявляли, будто могут разглядеть его спутники. Честно говоря, сам я их различить не мог, по крайней мере в первые три дня после того, как капитан развернул корабль. Но по-настоящему здорово было уже то, что я мог увидеть Юпитер.

Марс за время полета мы так и не увидели – он оказался по другую сторону Солнца, в трех миллионах миль от нас. Единственное, что мы могли наблюдать, – все те же старые добрые звезды, которые можно видеть с Земли. Даже астероиды нам не встретились.

И тому имелась причина. Когда мы стартовали с орбиты Супры-Нью-Йорк, капитан Харкнесс направил «Мэйфлауэр» не прямо туда, где должен был находиться Юпитер, но увел корабль к северу от эклиптики, обходя стороной пояс астероидов. Всем теперь известно, что метеориты в космосе не представляют реальной опасности. Если только пилот преднамеренно не совершает глупости – скажем, направляет корабль в голову кометы, – столкнуться с метеоритом практически невозможно. Слишком редко они попадают.

С другой стороны, в поясе астероидов космического мусора куда больше. Старые корабли на ядерных реакторах обычно летали прямо через пояс, идя на риск, и ни один из них всерьез не пострадал. Но капитан Харкнесс, обладавший в буквальном смысле всей властью во вселенной, предпочел не рисковать и облететь его вокруг. Шансы, что в «Мэйфлауэр» попадет метеорит, равнялись нулю.

Вернее, должны были равняться. Ибо в нас он все-таки угодил.

Это случилось почти сразу после побудки по времени палубы А. Я застилал койку, держа в руках свою скаутскую форму и уже собираясь сложить ее, чтобы убрать под подушку. Форму я так ни разу и не надевал – ни у кого другого не было формы, в которой он мог бы прийти на скаутский сбор, так что не носил ее и я, но все равно держал свернутой под подушкой.

Внезапно раздался звук, жутче которого я не слышал за всю жизнь. Он был похож на выстрел из ружья прямо над моим ухом, грохот захлопывающейся стальной двери, треск разрываемых неким великаном ярдов материи – и все это одновременно.

Потом я не слышал уже ничего, кроме звона в ушах. Ошеломленно потрянув головой, я посмотрел вниз и увидел почти у себя под ногами дыру размером с мой кулак. Дыру окружала обгоревшая изоляция, а сквозь нее зияла чернота. Увидев промелькнувшую звезду, я понял, что смотрю прямо в космос.

Послышалось шипение.

Не помню, думал ли я тогда о чем-нибудь. Я просто скомкал свою форму, присел и запищал ее в дыру. На мгновение мне показалось, будто ее высосет наружу, но потом она застряла, перестав двигаться дальше. Воздух, однако, продолжал уходить. Кажется, именно тогда я впервые понял, что мы теряем воздух и можем задохнуться в вакууме.

За моей спиной кто-то вопил во все горло, что сейчас умрет. Со всех сторон были тревожные сирены, не давая услышать даже собственные мысли. Герметичная переборка нашего кубрика автоматически скользнула в уплотнители, запорев нас.

Я перепугался до смерти.

Мне было известно, что так положено и лучше загерметизировать один отсек, убив находящихся там людей, чем погубить весь корабль, но все дело в том, что в этом отсеке находился я сам. И вряд ли я из тех, кого можно назвать героем.

Я чувствовал, как давление высасывает затычку, сделанную из моей формы.

Отчего-то я вдруг вспомнил, что в ее рекламе упоминалась «тропическая самовентилирующаяся ткань», и пожалел, что вместо нее под рукой не оказался надежный пластиковый дождевик. Я боялся запихивать ее дальше, опасаясь, что она провалится, отдав нас на милость вакуума, и готов был отказаться от десерта на ближайшие десять лет ради всего лишь одной резиновой заплатки величиной с мою ладонь.

Вопли прекратились, затем возобновились опять. Это оказался Горлопан Эдвардс, который колотил по герметичной переборке и орал:

– Выпустите меня! Заберите меня отсюда!

Его заглушил усиленный мегафоном голос капитана Харкнесса:

– Эйч-двенадцать! Доложите обстановку! Эйч-двенадцать, вы меня слышите?

В свою очередь его заглушили множество других голосов.

– Тихо! – крикнул я что было силы, и на секунду наступила тишина.

Передо мной стоял с широко раскрытыми глазами Малыш Бранн, один из моих «волчат».

– Что случилось, Билли? – спросил он.

– Принеси мне подушку с койки. Бегом! – ответил я.

Сглотнув, он послушался.

– Сними наволочку, быстро!

Он стащил наволочку, умудрившись изрядно помять подушку, и подал ее мне, но руки мои были заняты.

– Положи сверху мне на руки, – сказал я.

Это была обычная подушка из мягкой пенорезины. Я выдернул одну руку, за ней другую, а потом придавил подушку коленями и ладонями. Подушка слегка вмялась посередине, и я испугался, что ее сейчас разорвет, но она выдержала. Горлопан опять начал орать, а капитан Харкнесс продолжал просить хоть кого-то в отсеке Н-12 сообщить ему, что происходит.

– Тихо! – снова крикнул я. – Кто-нибудь стукните Горлопана по башке, чтобы заткнулся!

Мысль эта пришлась по вкусу многим, и трое ребят тут же начали претворять ее в жизнь. Горлопану дали по шее, потом кто-то врезал ему в живот, и все навалились на него.

– Теперь всем замолчать, – сказал я. – Если Горлопан попытается пискнуть, стукните его еще раз. – Я попытался набрать в грудь воздуха. – Эйч-двенадцать слушает!

– Доложите обстановку, – ответил голос капитана.

– В корабле дыра, капитан, но мы ее заткнули.

– Каким образом? И насколько она большая?

Я рассказал ему, и, собственно, на этом все и закончилось. Чтобы до нас добраться, потребовалось некоторое время, поскольку, как я позднее узнал, в первую очередь изолировали герметичными переборками наш участок коридора, а это означало, что требовалось вывести всех из помещений по обе стороны от нас и напротив. Но в конце концов двое в скафандрах открыли переборку и выгнали всех, кроме меня. Потом они вернулись, и одним из них оказался мистер Ортега.

– Можешь встать, парень.

Голос его казался странно далеким из-за шлема.

Другой присел, продолжая удерживать подушку вместо меня.

Мистер Ортега держал под мышкой большую металлическую заплатку с липкой прокладкой с одной стороны. Мне хотелось остаться и посмотреть, как он будет ее ставить, но он выгнал меня и закрыл дверь. Коридор снаружи был пуст, но я заколотил по герметичной переборке, и

меня пропустили туда, где ждали остальные. Всем хотелось знать, что происходит, но никаких новостей для них у меня не было, поскольку меня прогнали.

Вскоре мы ощутили странную легкость, и капитан Харкнесс объявил, что вращение корабля будет ненадолго отключено. Вернулись мистер Ортега и его напарник и направились в рубку управления. Вскоре вращение отключилось полностью, и меня страшно затошнило. Все разговоры капитана Харкнесса с теми, кто вышел наружу, чтобы заделать дыру, передавались по внутренней связи, но я их не слушал. Когда тебя тошнит, вряд ли тебя будет хоть что-то интересовать.

Потом вращение восстановилось, аварию устранили и нам позволили вернуться в наш кубрик. Он выглядел точно так же, не считая пластины, приваренной в том месте, куда попал метеорит.

Завтрак запоздал на два часа, и занятия этим утром отменили.

Вот так случилось, что я во второй раз попал на капитанскую аудиенцию. Там присутствовали Джордж, Молли и Пегги, а также скаут-мастер нашей палубы доктор Арчибальд, все ребята из моего кубрика и все офицеры корабля. Остальные наблюдали за происходящим по видео. Я хотел надеть форму, но она превратилась в покрытые клейкой дрянью лохмотья. В конце концов я срезал с нее нашивки и бросил ее в мусоросжигатель.

– Капитанская аудиенция – наказания и поощрения! – крикнул первый помощник.

Все вытянулись в струнку. Вышел капитан Харкнесс, и отец подтолкнул меня вперед.

Капитан посмотрел на меня.

– Вильям Лермер? – спросил он.

– Так точно, сэр, – ответил я.

– Зачитываю вчерашнюю запись из боржурнала, – сказал он. – «Двадцать первого августа в ноль семь ноль четыре стандартного времени, во время свободного полета в соответствии с планом, корабль подвергся удару мелкого метеорита. Сработала система безопасности, и получившее пробойну пространство, отсек Эйч-двенадцать, было изолировано без серьезной потери давления в остальной части корабля. Отсек Эйч-двенадцать – кубрик, в котором в момент аварии находилось двадцать пассажиров. Один из пассажиров Вильям Джей Лермер соорудил импровизированную заплатку из подручных материалов и сумел удержать достаточное для дыхания давление до прибытия ремонтной команды. Благодаря его сообразительности и незамедлительным действиям были спасены жизни всех находившихся в отсеке Эйч-двенадцать».

Капитан поднял взгляд от боржурнала и продолжил:

– Заверенная копия данной записи вместе со свидетельскими показаниями будет направлена в Межпланетный Красный Крест с соответствующими рекомендациями. Другая копия будет выдана тебе. У меня нет иной возможности тебя вознаградить, кроме как выразить тебе свою благодарность от всего сердца. Я знаю, что говорю не только от имени офицеров, но и от имени всех пассажиров, а в особенности родителей твоих товарищей по кубрику.

Помедлив, он поманил меня пальцем, давая знак подойти ближе, и понизил голос:

– Ты в самом деле отлично справился. Решимости тебе не занимать. Ты вправе собой гордиться.

Я ответил, что, наверное, мне просто повезло.

– Возможно, – кивнул он. – Но подобное везение обычно случается с теми, кто к этому готов.

Немного помолчав, он добавил:

– Лермер, ты никогда не думал поступить в космическое училище?

Я сказал, что, может, и думал, но вряд ли всерьез.

– Что ж, Лермер, – сказал капитан, – если когда-нибудь решишь, дай знать. Можешь связаться со мной через Ассоциацию пилотов в Луна-сити.

На этом аудиенция закончилась, и мы ушли. Я шагнул рядом с Джорджем, а чуть поодаль – Молли и Пегги.

– Это мой брат, – услышал я слова Пегги.

– Тихо, Пегги, – сказала Молли. – И не показывай пальцем.

– Почему? – возразила Пегги. – Он же мой брат.

– Да, брат, – ответила Молли, – но разве это повод его смущать?

Но я нисколько не смутился.

Позже меня нашел мистер Ортега и протянул мне маленький искореженный кусочек черного металла размером с пуговицу.

– Все, что от него осталось, – сказал он. – Но, думаю, тебе бы хотелось его иметь, если можно так выразиться, в качестве платы за испорченную скаутскую форму.

Поблагодарив его, я ответил, что не особо переживаю из-за потери формы, – в конце концов, она в числе прочего спасла мою собственную шкуру.

– Мистер Ортега, – спросил я, взглянув на метеорит, – можно как-то узнать, откуда он взялся?

– Вряд ли, – ответил он, – хотя можно попросить ученых разрезать его на кусочки и высказать свое мнение. Если, конечно, ты не против, что от него ничего не останется.

Я сказал, что предпочту оставить метеорит себе, что и сделал, – он до сих пор лежит у меня в кармане.

– Это либо фрагмент кометы, – продолжал мистер Ортега, – или кусочек Разрушенной планеты. Мы не знаем, что именно, поскольку там, где мы находимся, не должно быть ни того ни другого.

– Но было, – сказал я.

– Значит, было.

– Гм... мистер Ортега, почему бы не покрыть корабль достаточно толстой броней, чтобы помешать подобным штучкам?

Я вспомнил, как выглядела оболочка корабля в месте пробоины: она казалась чудовищно тонкой.

– Ну... во-первых, этот метеорит был настоящим гигантом среди себе подобных. Во-вторых, Билл, ты что-нибудь знаешь про космические лучи?

– Боюсь, не так уж много.

– Тебе наверняка известно, что человеческое тело пронцаемо для первичного космического излучения, которое для него безвредно. Именно с ним мы сталкиваемся здесь, в космосе. Но металл для него не полностью пронцаем, и когда оно проходит сквозь металл, возникают всевозможные эффекты в виде вторичного, третичного и четвертичного космического излучения. Они накапливаются и приносят немалый вред, вызывая мутации и неприятные последствия не только для тебя самого, но и для твоих потомков. И из этого следует, что человек безопаснее всего чувствует себя в космосе, когда окружающей его оболочки корабля хватает лишь для того, чтобы удерживать внутри воздух и не пропускать внутрь ультрафиолет.

В последующие несколько дней Горлопана было почти не слышно, и я решил, что, возможно, он усвоил полученный урок, но ошибался. Наткнувшись на него в одном из нижних коридоров, где никого больше не было, я намеревался с ним разминуться, но он преградил мне дорогу.

– Хочу с тобой потолковать, – сказал он.

– Ладно, – ответил я. – О чем?

– Считаешь, будто ты самый умный?

Мне не понравились ни его слова, ни тон, которым они были произнесены.

– Я вовсе не считаю, будто я умный, – сказал я. – Я в самом деле умный.

Он уже успел меня утомить.

– Дерзить вздумал? Думаешь, я должен тебе руку целовать и благодарить за спасение жизни?

– Что, правда? – усмехнулся я. – Если ты об этом, то можешь не беспокоиться – я поступил так вовсе не ради тебя.

– Знаю, – ответил он. – И учти – я вовсе тебе не благодарен.

– Ну и ладно, – пожал я плечами. – В благодарности таких, как ты, я нисколько не нуждаюсь.

– До чего же ты меня достал, – тяжело дыша, медленно проговорил он.

В следующее мгновение меня свалил удар костяшками пальцев в зубы.

Я осторожно поднялся, пытаюсь застичь его врасплох, но тщетно – он снова сбил меня с ног. Я попробовал пнуть его лежа, но он увернулся.

После третьего удара я остался лежать. Когда звезды перед моими глазами рассеялись, он уже исчез – а я не сумел даже дотронуться до него пальцем. Хорошим бойцом я никогда не был – увы, продолжал действовать языком, когда следовало прибегнуть к кулакам.

Подойдя к бачку с водой, я сполоснул лицо. Пробежавший мимо Хэнк спросил, что, во имя всего святого, со мной стряслось, и я ответил, что налетел на дверь. То же самое я сказал и отцу.

Горлопан больше меня не беспокоил, и мы с тех пор не разговаривали. В ту ночь я долго лежал, не в силах заснуть, и пытался разобраться в случившемся, но так и не сумел. Тот, кто придумал дурацкую фразу: «Я силой десяти богат, поскольку чист душой»¹⁰, наверняка никогда не встречался с Горлопаном Эдвардсом. На мой взгляд, от Горлопана не было никакой пользы, и я с удовольствием заткнул бы его физиономией проделанную метеоритом дыру. Я пробовал придумать разные способы, как с ним разделаться, но ни один из них не выглядел реалистичным. Как говорит отец, бывают ситуации, которые никак не исправить.

9. Спутники Юпитера

Ничего особенного больше не происходило, пока не пришла пора подлетать к Юпитеру, – не считая пропавшего четырехлетнего малыша. Его родители обыскали все вокруг, но ребенка так и не нашли, несмотря на последовавшую из рубки управления просьбу ко всем дать знать, если кто-то хоть что-нибудь заметит.

Так у нас появился шанс испытать на деле умение скаутов действовать в чрезвычайной ситуации. Экипаж корабля не мог участвовать в поисках, поскольку он состоял лишь из капитана, двоих вахтенных офицеров, мистера Ортеги и его помощника. Капитан Харкнесс снабдил каждого скаут-мастера планами, и мы обшарили весь корабль, словно мальчишка собственные карманы в поисках монетки в полкредита. Малыша мы обнаружили минут через двадцать, – похоже, чертенок пробрался на гидропонную ферму во время ее обслуживания и оказался там заперт.

Пока он там сидел, ему захотелось пить, и он пытался утолить жажду растворами для полива растений. Результат оказался вполне ожидаемым. Ничего серьезного с малышом не случилось, но уборка потребовалась изрядная.

В тот вечер мы с отцом обсуждали эту историю за игрой. Пегги была на сборе герлскаутов, а Молли куда-то ушла, и мы на какое-то время остались одни.

¹⁰ Строка из стихотворения «Сэр Галлахад» Альфреда Теннисона.

Мать ребенка устроила скандал, как будто с ним произошло нечто ужасное. Собственно, что может случиться на космическом корабле? За борт малыш свалиться никак не мог.

Отец заметил, что ее реакция вполне естественна.

– Слушай, Джордж, – спросил я, – тебе не кажется, что некоторые из эмигрантов не годятся на роль колонистов?

– Ну... возможно.

Я думал про Горлопана, но упомянул миссис Тарбаттон, которая в конце концов сдалась и даже не полетела с нами, и ту тетку по имени миссис Григсби, которая сама создала себе кучу проблем и вынуждена была стать посудомойкой, а также еще одного типа по имени Сондерс, который постоянно нарывался на неприятности с советом, пытаясь жить собственной жизнью и не считаясь с мнением остальных.

– Джордж, как им подобные вообще прошли психологические тесты?

– Билл, – спросил отец, – ты когда-нибудь слышал о политическом влиянии?

– А? – только и смог ответить я.

– Знаю, подобная мысль может шокировать, но ты достаточно взрослый, чтобы принять мир таким, какой он есть, а не каким он должен быть. Рассмотрим гипотетический случай: вряд ли племянница государственного советника провалит психологические тесты. Да, первые тесты она может провалить, но комиссия может счесть иначе – если советник всерьез хочет, чтобы она прошла.

Какое-то время я переваривал услышанное. На Джорджа это было не похоже – особым цинизмом он никогда не отличался. Да, лично я циник, но Джордж обычно крайне наивен.

– В таком случае, Джордж, вообще нет никакого смысла проводить психологические тесты, если подобные люди всегда могут проскользнуть и так.

– Напротив – тесты обычно честные. Что касается тех, кому удастся проскользнуть, это не столь уж и важно. Старушка мать-природа рано или поздно о них позаботится. Выживают те, кто способен выжить.

Он закончил раздачу и сказал:

– Ну все, с таким раскладом у тебя никаких шансов.

Он всегда так говорит.

– Любой, кто таким образом использует свою должность, должен быть ее лишен! – заявил я.

– Угу, – кивнул Джордж. – Однако поумерь свой пыл, сынок, – нам приходится иметь дело с людьми, а не с ангелами.

Двадцать четвертого августа капитан Харкнесс развернул корабль и начал сближение с целью. Около четырех часов мы замедлялись, а потом примерно в шестистах тысячах миль от Юпитера перешли в свободный полет, оказавшись по другую его сторону, где в тот момент находился Ганимед. Невесомость все так же не доставляла ни малейшего удовольствия, но на этот раз мы были к ней готовы, и все желающие получили уколы – в том числе и я.

Теоретически «Мэйфлауэр» мог совершить единственный сложный маневр, выйдя после окончания замедления на низкую круговую орбиту вокруг Ганимеда. Практически же намного лучше было спокойно приблизиться к цели, избежав новых проблем с метеоритами, точнее, с «ложными кольцами».

Естественно, у Юпитера нет колец, как у Сатурна, но в той же плоскости, что и его спутники, крутится изрядное количество космического мусора. Будь его достаточно много, он был бы виден подобно кольцам Сатурна. Но даже при всем при этом его вполне достаточно, чтобы пилоту приходилось соблюдать осторожность. Неспешно приближаясь к Юпитеру, мы чувствовали себя словно зрители в первом ряду на экскурсии по окрестностям планеты и ее спутников.

Большая часть обломков, столкновения с которыми мы старались избежать, находится в плоскости экватора Юпитера, так же как и кольца Сатурна, так что капитан Харкнесс провел корабль прямо над северным полюсом планеты. Соответственно, мы благополучно миновали опасную зону, пока не обогнули Юпитер, приближаясь к Ганимеду, но к тому времени мы уже летели на небольшой скорости.

Чего, впрочем, нельзя было сказать о нашем полете над северным полюсом Юпитера – мы преодолевали тридцать с лишним миль в секунду, и расстояние до планеты составляло около тридцати тысяч миль. Зрелище, скажу я вам, было еще то – диаметр Юпитера составляет девяносто тысяч миль, так что на высоте в тридцать тысяч чувствуешь себя не слишком уютно.

Минуты две я смотрел на Юпитер в иллюминатор, затем мне пришлось уступить место другому, до кого еще не дошла очередь, и вернуться в кубрик, где можно было наблюдать открывавшуюся перед нами картину на телеэкране. Зрелище выглядело довольно странным – Юпитер обычно представляют в виде диска с идущими параллельно его экватору полосами, но сейчас мы смотрели на него с полюса, и полосы превратились в круги. Планета напоминала гигантскую мишень, выкрашенную в оранжевый, кирпично-красный и коричневый цвета, если не считать того, что половина ее отсутствовала, погруженная в тень.

Прямо на полюсе виднелось темное пятно. Нам объяснили, что в этой зоне постоянно царит ясная спокойная погода и что в этом месте можно увидеть поверхность планеты. Но как я ни вглядывался, ничего не увидел, кроме темноты.

Когда мы пролетели над полюсом, из тени внезапно показалась Ио – первый спутник Юпитера. Величиной Ио почти такая же, как и Луна, и мы видели ее примерно с того же расстояния, как и Луну с Земли, так что и по размеру она выглядела так же. На фоне черного неба, словно по мановению волшебной палочки, возник темный кроваво-красный диск, который меньше чем через пять минут стал ярко-оранжевым, почти цвета самого Юпитера.

Я попытался отыскать спутник Барнарда, но не нашел. Этот малыш находится на расстоянии меньше одного диаметра от поверхности Юпитера и совершает оборот вокруг планеты за двенадцать часов. Мне было интересно, поскольку я знал, что на нем располагается юпитерианская обсерватория, а также база проекта «Юпитер».

Вряд ли я что-то пропустил – диаметр спутника Барнарда составляет всего около ста пятидесяти миль. Говорят, что с него практически можно спрыгнуть. Я спросил об этом Джорджа, и он ответил, что ничего не выйдет, поскольку орбитальная скорость спутника – порядка пятисот футов в секунду, и вообще, кто наговорил мне такую чушь?

Позже я проверил и убедился, что он был прав. Отец – настоящий кладезь бесполезной информации. Как он говорит, факты стоит любить уже за то, что они существуют.

Каллисто находилась позади нас, и мы пролетели довольно далеко от нее. Европа располагалась справа по курсу почти на девяносто градусов, и одну ее половину закрывала тень. Нас отделяло от нее четыреста с лишним тысяч миль, и выглядела она не столь впечатляюще, как Луна с Земли.

Ганимед прямо перед нами становился все больше, и мне показался странным его цвет. Каллисто была серебристой, словно Луна, хотя и не столь яркой; Ио и Европа сияли оранжевым, как и сам Юпитер. Но Ганимед был полностью тусклым!

Я спросил Джорджа, и он, как обычно, не стал медлить с ответом:

– Ганимед когда-то был столь же ярким, как Ио и Европа. Это парниковый эффект – тепловая ловушка. Иначе мы не смогли бы там жить.

Об этом я, естественно, знал – парниковый эффект является самой важной частью проекта по созданию атмосферы. Когда на Ганимеди высадилась экспедиция тысяча девятьсот

восемьдесят пятого года, температура на его поверхности составляла пару сотен градусов ниже нуля – вполне достаточно, чтобы заморозить молоко сердечных чувств!¹¹

– Но послушай, Джордж, – возразил я, – мне, конечно, известно про тепловую ловушку, но почему там так темно? Как будто в мешке.

– Свет есть тепло, тепло есть свет, – ответил он. – Какая разница? На поверхности вовсе не темно – свет и тепло попадают туда, но не уходят обратно, что, в общем, не так уж и плохо.

Я заткнулся. Для меня это было нечто новое и непонятное, так что я решил подождать и не задавать лишних вопросов.

Когда мы приблизились к Ганимеду, капитан Харкнесс снова сбросил скорость, и, пока корабль замедлялся, нас как следует накормили. Есть в невесомости я так и не научился, даже с уколами. Капитан вывел корабль на низкую круговую орбиту на высоте около тысячи миль над Ганимедом. Мы прибыли в пункт назначения, и теперь оставалось ждать, когда нас кто-то заберет.

Именно во время путешествия к поверхности Ганимеда я начал подозревать, что жизнь колониста вовсе не так чудесна и романтична, как казалось на Земле. Вместо трех кораблей, которые могли бы забрать всех сразу, прибыл только один, «Паникер», вполне способный поместиться в один из отсеков «Биврёста». Он мог перевезти за один раз только девяносто человек, что означало множество рейсов.

Мне повезло – мне пришлось прождать в невесомости всего три дня. Но я успел потерять десять фунтов.

Пока я ждал, я трудился, помогая разместить в трюме груз, который каждый раз доставлял «Паникер». Наконец подошла наша очередь, и мы набились в него.

Внутри корабль был ужасен: его палубы напоминали скорее полки, расстояние между которыми не составляло и четырех футов. Воздух был спертым, а уборку после прошлого рейса, похоже, вообще не делали. Индивидуальные противоперегрузочные койки отсутствовали – их роль играли устилавшие палубу матрасы, на которых мы теснились плечом к плечу, рискуя попасть друг другу ногой в глаз.

Шкипером была громкоголосая дама, которую все звали капитан Хэтти. Она постоянно орала на нас, требуя поторопиться, и даже не стала проверять, все ли мы пристегнуты.

К счастью, полет оказался недолгим. Корабль стартовал столь резко, что я впервые после тестов потерял сознание, а потом мы минут двадцать пребывали в свободном падении. Затем вновь последовала перегрузка, и мы глухо ударились о поверхность Ганимеда.

– А ну выходите, сухопутные крысы! – рявкнула капитан Хэтти. – Все, приехали!

Атмосфера на борту «Паникера» состояла из чистого кислорода, в отличие от гелиево-кислородной смеси на «Мэйфлауэре». Мы селились под давлением в десять фунтов на квадратный дюйм, после чего капитан Хэтти сбросила давление, уравнивая его с нормальными для Ганимеда тремя фунтами. Что ж, трех фунтов кислорода вполне достаточно, чтобы выжить, – собственно, на Земле его столько же, а остальные двенадцать фунтов составляет азот. Но из-за внезапного падения давления я все равно почувствовал, что задыхаюсь, хотя на самом деле это было не так.

Когда мы вышли из корабля, вид у нас был весьма жалкий, а у Пегги текла из носа кровь. Лифтов не было – нам пришлось спускаться по веревочной лестнице. И к тому же нас встретил жуткий холод.

Палал снег; вокруг завывал ветер, сотрясая лестницу. Самых маленьких детей пришлось спускать с помощью троса. Землю устилал слой снега толщиной дюймов в восемь, за исклю-

¹¹ «Молоко сердечных чувств» – фраза из «Макбета» Шекспира.

чением того места, где его расплавил выхлоп двигателя «Паникера». Ветер швырял снег мне в лицо, и я почти ничего не видел, но кто-то схватил меня за плечо, развернул кругом и крикнул:

– Не останавливайся! Иди в ту сторону!

Я двинулся в указанном направлении. На краю проталины стоял еще один человек, певший ту же самую песню, а в снегу виднелась протоптанная тропинка. Разглядев других, скрывшихся в снежной пелене, я рысцой последовал за ними, пытаюсь согреться.

До укрытия было около полумили, но я успел продрогнуть – наша одежда явно не предназначалась для подобных условий. К тому времени, когда мы оказались внутри, я стучал зубами от холода, а обувь моя промокла насквозь.

Укрытие представляло собой похожее на ангар здание, в котором было немногим теплее из-за открытой двери, но оно, по крайней мере, защищало от непогоды. Туда набилась куча народа, некоторые в корабельных комбинезонах, а другие – местные жители. Колонистов невозможно было ни с кем спутать из-за бород, а у кого-то и длинных волос. Я решил, что ни за что не стану на них походить и всегда буду чисто выбрит, как и Джордж.

Я отправился на разведку, пытаюсь отыскать Джорджа и компанию, что мне в конце концов удалось. Он нашел какой-то тюк, на котором теперь сидела Молли, держа на коленях Пегги. Я с радостью отметил, что у Пег перестал кровоточить нос, но лицо ее было покрыто засохшими слезами, кровью и грязью. То еще зрелище.

Вид у Джорджа был мрачный – словно в первые несколько дней после того, как он лишился своей трубки.

– Привет! – сказал я, подходя ближе.

Джордж огляделся вокруг и улыбнулся:

– Рад тебя видеть, Билл! Как дела?

– Если хочешь узнать мое мнение, – ответил я, – то тут сплошная разруха.

Он снова помрачнел и сказал:

– Надеюсь, рано или поздно они наведут порядок.

Шансов обсудить данный вопрос нам не представилось. Рядом с нами остановился колонист с припорошенными снегом сапогами, волосами и лицом. Поднеся к губам два пальца, он громко свистнул.

– А ну, потише! – крикнул он. – Мне нужны двенадцать крепких мужчин и парней для разгрузки багажа.

Он огляделся и начал показывать пальцем:

– Ты... ты... и ты...

Джордж оказался девятым, я – десятым.

Молли начала протестовать. Возможно, иначе Джордж бы и заупрямился, но он лишь сказал:

– Нет, Молли, дело есть дело. Идем, Билл.

Мы снова вышли на холод.

Снаружи стоял тягач, на который мы погрузились и с громоханием поехали назад к кораблю. Отец позаботился о том, чтобы меня послали внутрь «Паникера», желая защитить меня от непогоды, и я получил очередную дозу острых высказываний капитана Хэтти, – с ее точки зрения, мы работали недостаточно быстро. Но в конце концов мы спустили вниз весь багаж, и, когда я покинул корабль, вещи были уже погружены в тягач. Обратного мы ехали по такому же холоду.

Молли и Пегги на месте не оказалось. Большой зал был почти пуст, и нам велели перейти в соседнее здание. Я видел, что Джордж явно расстроен отсутствием Молли.

В соседнем здании на стенах висели большие таблички со стрелками: «Мужчины и мальчики – направо» и «Женщины и девочки – налево». Джордж поспешно свернул налево, но не успел пройти и десяти ярдов, как его остановила суровая женщина в комбинезоне колониста.

- Вам в другую сторону, – решительно заявила она. – Здесь женская спальня.
- Знаю, – согласился отец, – но я хотел бы найти свою жену.
- Можете поискать ее за ужином.
- Я хочу видеть ее сейчас.
- В данный момент я не располагаю возможностями для поисков кого бы то ни было.

Придется подождать.

- Но...

Мимо нас прошли несколько женщин, и отец заметил одну с нашей палубы на «Мэй-флауэре» и крикнул:

- Миссис Арчибальд!

Она обернулась:

- Мистер Лермер? Как дела?

– Миссис Арчибальд, – напряженно проговорил отец, – вы не могли бы найти Молли и сказать ей, что я жду здесь?

- Попробую, мистер Лермер.

- Спасибо, миссис Арчибальд! Огромное вам спасибо!

- Не за что.

Она ушла, и мы стали ждать, не обращая внимания на суровую охранницу. Наконец появилась Молли, без Пегги. Можно было подумать, что они с отцом не виделись целый месяц.

– Я не знала, что делать, дорогой, – сказала она. – Нам велели пройти в спальное помещение, и мне показалось, что для Пегги так будет лучше. Я не сомневалась, что ты нас найдешь.

- Где сейчас Пегги?

- Я уложила ее в постель.

Мы вернулись в главный зал. Там стоял стол, за которым сидел мужчина с табличкой над головой: «Иммиграционная служба – информация». К столу выстроилась длинная очередь, и мы заняли в ней место.

- Как Пегги? – спросил отец.

- Боюсь, она простудилась.

- Надеюсь... – проговорил отец. – Э... надеюсь... апчхи!

- Ну вот, и ты тоже, – укоризненно заметила Молли.

- Я вовсе не простудился, – возразил отец, утирая глаза. – Просто рефлекс.

- Да?.. – сказала Молли.

Очередь проходила под низким балконом, с которого смотрели двое парней моего возраста или чуть постарше, облокотившись на ограждение. Оба были колонистами, и один из них пытался отращивать бороду, но выглядело это крайне убого.

– Рэйф, – сказал один из них, поворачиваясь к другому, – только посмотри, кого нам теперь присылают.

- Печальное зрелище, – кивнул второй.

Первый ткнул в мою сторону пальцем:

- Взять, к примеру, этого – явно артистичная натура.

Второй задумчиво уставился на меня и спросил:

- Он, вообще, живой?

- Какая разница? – ответил первый.

Я повернулся к обоим спиной, не обращая внимания на их смех. Терпеть не могу любителей позубоскалить.

10. Земля обетованная

Перед нами в очереди стоял мистер Сондерс. Он возмущался из-за плохой погоды и заявлял, что подвергать людей таким мучениям – настоящий произвол. До этого он работал вместе с нами на погрузке багажа, но особо не перетруждался.

Сидевший за столом пожал плечами:

– Комитет по делам колоний назначил дату вашего прибытия, и мы ничего не можем с этим поделать. Вряд ли вы могли рассчитывать, что мы отложим ради вашего удобства наступление зимы.

– Я буду жаловаться!

– Как пожелаете. – Человек за столом протянул ему бланк. – Следующий!

Он посмотрел на отца:

– Чем могу помочь, гражданин?

Джордж спокойно объяснил, что хотел бы, чтобы с ним была его семья.

– Извините, – покачал головой мужчина. – Следующий.

Отец не собирался сдаваться.

– Вы не имеете права разлучать мужа и жену. Мы не рабы, не преступники и не животные. Наверняка у иммиграционной службы есть перед нами какие-то обязательства.

Мужчина устало взглянул на него:

– Ваша партия – самая большая из всех, с какими нам приходилось работать. Мы сделали все, что могли. Здесь город первопроходцев, а не отель «Астор».

– Все, о чем я прошу, – минимальное личное пространство для семьи, о котором говорится в изданиях Комитета о Ганимеди.

– Гражданин, все те издания писались на Земле. Потерпите, и ваш вопрос решится.

– Завтра?

– Нет, не завтра. Через несколько дней – или несколько недель.

– Недель? – взорвался отец. – Проклятие, да я скорее построю себе иглу в чистом поле, чем с этим соглашусь!

– Ваше право. – Клерк протянул отцу лист бумаги. – Если хотите подать жалобу, изложите ее здесь.

Отец взял бумагу, и я взглянул на нее. Это был напечатанный бланк, адресованный Комитету по делам колоний – на Земле!

– Когда напишете, отдайте бланк мне, и его переснимут на микрофильм, чтобы отправить с почтой на «Мэйфлауэре».

Посмотрев на бланк, отец фыркнул, смял его и направился прочь. Молли последовала за ним.

– Джордж, Джордж! – позвала она. – Не расстраивайся так. Как-нибудь переживем.

– Конечно, милая, – застенчиво улыбнулся отец. – Но до чего же красивая у них тут система – пересылать все жалобы в головную контору, за полмиллиарда миль!

На следующий день из-за рефлексов Джорджа у него потекло из носа. Пегги стало хуже, Молли за нее тревожилась, а отец вообще не находил себе места и в конце концов куда-то ушел, чтобы поднять бучу насчет здешних порядков.

Если честно, меня все более-менее устраивало. Спать в общей спальне мне не в тягость – я бы проспал и конец света. Да и насчет еды нас не обманули.

Только представьте – на завтрак нам дали кукурузные лепешки с сиропом и настоящим маслом, сосиски, настоящую ветчину, клубнику со столь густыми сливками, что я сперва даже не понял, что это такое, чай, молоко, томатный сок, дыню, яйца – и всего этого сколько хочешь.

На столе стояла открытая сахарница, но на солонке имелась маленькая надпись: «Экономь соль». Не оказалось и кофе, чего бы я не заметил, если бы Джордж его не попросил. Отсутствовало и кое-что другое, хотя тогда я просто не обратил на это внимания, – например, древесные плоды типа яблок, груш или апельсинов. Но какая, собственно, разница, когда есть клубника, арбузы, ананасы и тому подобное? Не было и росших на деревьях орехов, зато имелся арахис.

Все сделанное из пшеничной муки считалось роскошью, но на первых порах можно было обойтись и без этого.

На обед нам предложили кукурузную похлебку или студень из мясного бульона, сырное суфле, жареного цыпленка, отварную говядину с капустой, кукурузную кашу с сиропом, запеченные баклажаны, жемчужный лук с огурцом, фаршированные помидоры, сладкую картофельную запеканку, жареный ирландский картофель по-немецки, салат из свежей капусты со сметаной, ананасы и творог с салатными листьями. За ними последовали мятное мороженое, вишневый пирог, замороженный гоголь-моголь, малиновый лед и три разновидности пудинга – но на десерты меня уже не хватило. Я пытался попробовать всего понемногу, и, когда дошло дело до десерта, во мне уже не оставалось места. Пожалуй, я чересчур много съел.

Блюда не отличались особым изяществом, примерно как в скаутском лагере, но еда была так хороша на вкус, что я просто не мог позволить ей пропасть впустую. Обслуживание тоже напоминало лагерь – очередь к раздаче, никаких скатертей или салфеток. И посуду требовалось мыть, а не просто выбрасывать или сжигать – ее доставляли с Земли, и она стоила примерно как аналогичное по весу количество урана.

В первый день первых пятьдесят ребят из очереди и пятьдесят последних увели из столовой, заставив мыть посуду. На следующий день потребности поменялись, и на мытье посуды забрали пятьдесят человек из середины. Оба раза я оказался в дураках.

Первый ужин состоял из грибного супа, запеченного окорока, жареной индейки, горячего кукурузного хлеба с маслом, холодного мясного заливного, крема из спаржи, картофельного пюре с морковью и трех видов салата. На десерт были пудинг из заварного крема с изюмом и сладким соусом, испанский виноград и клубника с сахарной пудрой.

Помимо всего прочего, в любое время можно было заскочить на кухню и перекусить.

Первые три дня я практически не выходил наружу. Шел снег, и, хотя мы находились в солнечной фазе, во мгле не было видно ни Солнца, ни тем более Юпитера. К тому же часть времени мы пребывали в зоне затмения. Холод стоял ужасающий, а теплой одежды у нас пока не было.

Однажды меня послали вместе с продуктовым тягачом в город за припасами. Не то чтобы я многое там увидел – вряд ли человек, живший в районе Сан-Диего, вообще мог бы назвать Леду городом, – но мне все же удалось взглянуть на гидропонные фермы. Их было три – большие ангары, названные в соответствии с тем, что в них выращивалось, «Оаху»¹², «Долина Империял»¹³ и «Айова». Ничего особенного, просто обычное беспочвенное растениеводство. Особо долго я там не задержался, поскольку от мерцающего света, с помощью которого ускоряют рост растений, у меня болели глаза.

Меня, однако, заинтересовали тропические растения, которые выращивали в «Оаху», – многие из них я прежде никогда не видел. Я заметил, что большинство растений помечены «Г. М.», а некоторые – «Н. З.». На мой вопрос один из садовников ответил, что «Г. М.» означает «ганимедская мутация», а второе – «нормальное земное».

¹² *Оаху* – третий по величине и наиболее населенный остров Гавайского архипелага.

¹³ *Империял* – долина на юго-востоке Калифорнии.

Позже я выяснил, что почти все выращиваемое на Ганимеде являлось особой мутацией, приспособленной к его условиям.

Дальше располагался еще один ангар под названием «Техас». Внутри него находились настоящие коровы, и там было крайне интересно. Известно ли вам, что коровья нижняя челюсть двигается из стороны в сторону? И – что бы вам ни доводилось слышать – у них нет отдельного соска специально для сливок.

Мне не хотелось уходить, но в ангаре «Техас» воняло почти как в космическом корабле. Совершив короткую пробежку по снегу, я оказался в помещении Биржи, где проходили все операции купли-продажи в Леде и были собраны под одной крышей большие и маленькие магазины.

Я огляделся, подумав было купить подарок для заболевшей Пегги, но, увидев цены, испытал настоящий шок. Если бы пришлось покупать на Бирже жалкие пятьдесят фунтов вещей, которые мне позволили взять с собой, они обошлись бы – истинная правда! – в несколько тысяч кредитов. Все, что доставлялось с Земли, стоило именно таких денег. Цена тюбика крема для бритья составляла двести восемьдесят кредитов.

Продавались также товары, изготовленные на Ганимеде, – в основном ручной работы и тоже дорогие, хотя и не настолько, как привезенные с Земли.

Я поспешно ретировался, поняв, что на Ганимеде стоит дешево только одно – еда.

Водитель тягача поинтересовался, где я был, вместо того чтобы заниматься погрузкой.

– Стоило бы тебя тут бросить, чтобы добирался назад пешком, – проворчал он.

Я не нашелся что ответить и промолчал.

Вскоре зиму выключили. Тепловая ловушка заработала в полную силу, небо прояснилось, и наступила хорошая погода. Впервые я увидел небо Ганимеда вскоре после рассвета во время очередной солнечной фазы. Из-за тепловой ловушки небо выглядело бледно-зеленым, но на его фоне ярко сиял Юпитер – огромный и красно-оранжевый. Он был воистину прекрасен – я никогда не уставал смотреть на Юпитер!

Полная луна кажется большой, но Юпитер с Ганимеда больше нее в шестнадцать или семнадцать раз и закрывает собой в двести пятьдесят с лишним раз большую область неба. Он просто висит в небесах, не восходя и не заходя, и остается лишь удивляться, что его там держит.

Первый раз я увидел его в половинной фазе, и мне показалось, что прекраснее он быть просто не может. Но Солнце продолжало ползти по небу, и день спустя Юпитер превратился в серп, став еще прекраснее. В середине солнечной фазы мы, естественно, вошли в область затмения, и Юпитер приобрел вид огромного красного светящегося кольца в небе, ярче всего сиявшего в том месте, где только что прошло позади него Солнце. Но лучше всего выглядит темная фаза.

Возможно, стоит объяснить подробнее про фазы. Я сам понял их суть, лишь оказавшись на Ганимеде. Ганимед настолько мал и настолько близок к своей главной планете, что, как и Луна, всегда повернут одной стороной к Юпитеру – именно потому Юпитер и выглядит неподвижным. Двигается Солнце, движутся другие юпитерианские спутники, движутся звезды – но не старина Юпитер. Он просто висит на одном месте.

Ганимед совершает оборот вокруг Юпитера за земную неделю с небольшим, так что у нас есть трое с половиной солнечных суток, а затем трое с половиной суток тьмы. По времени Ганимеда период обращения составляет в точности одну неделю; двадцать четыре часа равны его седьмой части. При этом ганимедская минута получается примерно на стандартную секунду дольше земной, но кого это волнует? Кроме, естественно, ученых, но у них есть часы, отсчитывающие оба варианта времени.

Соответственно, неделя на Ганиমেде проходит примерно так: Солнце восходит в полночь каждое воскресенье, а утром в понедельник оно чуть выше восточного горизонта, и Юпитер находится в половинной фазе. Солнце продолжает подниматься все выше, и где-то к ужину во вторник оно уходит за Юпитер, из-за чего Ганимед оказывается в зоне затмения, которое может длиться от часа с небольшим до примерно трех с половиной. Появляются звезды, и плотная атмосфера Юпитера создает вокруг него потрясающий эффект красного кольца. Когда во вторник приходит пора ложиться спать, снова становится светло.

В полдень четверга Солнце заходит, и начинается темная фаза, которая прекраснее всего. Юпитер становится виден во всех своих красках, и намного легче разглядеть другие его спутники, которые могут находиться где угодно и практически в любых сочетаниях.

Юпитер и его спутники – своего рода миниатюрная солнечная система, и на Ганимеде чувствуешь себя зрителем в первом ряду. В небе всегда найдется что-то новое. Кроме одиннадцати «исторических» спутников, величиной от Ганимеда до Джей-десять или Николсон-Альфы, которая, по сути, не более чем шар из камня и льда всего пятнадцати миль в поперечнике, есть еще с десятков диаметров лишь в несколько миль, но достаточно больших, чтобы называться спутниками, и бог знает сколько еще более мелких. Иногда мелкие спутники подлетают достаточно близко к Ганимеду, чтобы можно было увидеть их диски: в основном у них весьма вытянутые орбиты. В любой момент можно увидеть в небе несколько ярких огоньков – таких же, какими кажутся планеты с Земли.

Ио, Европа и Каллисто всегда выглядят как диски. Когда Европа проходит между Юпитером и Ганимедом, размер ее такой же, как и у Луны с Земли. Она и в самом деле такой же величины, как Луна, и в этот момент расстояние до нее составляет лишь около четверти миллиона миль.

Потом она уходит вдаль на миллион с лишним миль, становясь вчетверо меньше. Те же самые перемены претерпевает и Ио, но столь большой никогда не становится.

Когда Ио и Европа проходят между Ганимедом и Юпитером, их движение можно наблюдать невооруженным глазом, гонясь за их тенями или опережая их, в зависимости от фазы. Ио и Европа, находясь внутри орбиты Ганимеда, никогда не удаляются слишком далеко от Юпитера – Ио держится на расстоянии в пределах нескольких его диаметров, Европа может уйти от него градусов на шестьдесят. Каллисто дальше Ганимеда и путешествует по всему небу.

От подобного зрелища невозможно устать. По сравнению с ним земное небо вгоняет в тоску.

К шести утра в субботу Юпитер оказывается в полной фазе, и стоит встать пораньше, чтобы это увидеть. Зрелище не только потрясающее, но при этом всегда возникает обратное затмение и видно, как вдоль лика старины Юпитера ползет тень Ганимеда, круглое черное пятнышко. Только теперь по-настоящему осознаешь колоссальные размеры Юпитера – твоя планета отбрасывает на него тень, а для него это не более чем веснушка.

Поперечник Юпитера составляет девяносто тысяч миль по экватору и восемьдесят четыре тысячи от полюса до полюса. Ганимед же не дотягивает и до трех тысяч.

В последующие дни после полной фазы Юпитер идет на убыль и к полуночи воскресенья снова оказывается в половинной фазе. Восходит солнце, и вновь начинается светлая фаза. Я ожидал, что солнечный свет окажется достаточно тусклым, – Юпитер далеко и получает в двадцать семь раз меньше света от Солнца, чем Земля; я полагал, что мы будем постоянно наблюдать нечто вроде сумерек.

Но все было иначе – мне казалось, будто солнце светит столь же ярко, как и на Земле. Джордж говорит, что это оптическая иллюзия, связанная с тем, как работает человеческий глаз, – радужная оболочка просто не пропускает лишний свет. Яркость солнечного света в пустыне на Земле составляет около десяти тысяч фут-свечей, на Ганимеде же – лишь четыре-

ста. Но по-настоящему яркий искусственный свет отмечается при интенсивности всего в двадцать пять фут-свечей, и даже в хорошо освещенном помещении редко бывает столь светло.

Если в твоём распоряжении имеется лишь ведро в два галлона, есть ли разница, наполнишь ты его из океана или маленького пруда? Солнечного света на Ганимеди в любом случае было больше, чем способен воспринять глаз, и потому он выглядел столь же ярким, как и на Земле.

Однако я все же заметил, что получить солнечный ожог почти невозможно.

11. «Батраки»

Где-то через неделю Джордж обзавелся жильем, которое оказалось намного лучше, чем у большинства иммигрантов, но оно его не устраивало, как и Молли, да и меня на самом деле тоже.

Проблема заключалась в том, что для этого ему пришлось наняться инженером-управленцем в правительство колонии, а это означало, что он будет слишком занят и вряд ли у него найдется время на участок земли для фермы. Но к должности прилагалось семейное жилье – если можно назвать таковым две комнаты размером двенадцать на двенадцать футов.

Суть заключалась в том, что колония состояла из поселенцев и горожан. Горожане работали на правительство и жили в принадлежащих ему домах – за исключением немногих, занимавшихся частной торговлей. В число горожан входил представитель Комитета по делам колоний, пилот капитан Хэтти, инженеры-гидропоники, персонал больницы, специалисты с энергостанции и тепловой ловушки, персонал местной конторы проекта «Юпитер» и все остальные, занимавшиеся чем-либо, кроме возделывания земли. Однако большинство колонистов были поселенцами, на что рассчитывал и Джордж. Как и почти каждый, мы прилетели сюда потому, что нам пообещали бесплатную землю и возможность выращивать собственную еду.

Бесплатная земля действительно имелась – целая планета. Но совсем другое дело – построить дом и основать ферму.

Изначально предполагалось, что колонист прилетает с Земли со своей семьей и высаживается в Леде. По прибытии Комитет по делам колоний дает ему квартиру в городе, помогает выбрать земельный участок и построить на нем дом. Комитет кормит его и его семью в течение года – то есть двух ганимедских лет, – пока он возделывает свои несколько акров. Затем у него есть десять лет, чтобы выплатить долг комитету, обработав для последнего как минимум двадцать акров – при этом ему позволено обрабатывать столько же земли для себя в течение всего времени, пока он расплачивается с долгами. После он может расшириться и приобрести больше земли, заняться торговлей – что угодно. У него уже есть надежная опора, и долг полностью выплачен.

Комитет по делам колоний вложил огромные средства в проект по созданию атмосферы, сделав планету пригодной для жизни. Инвестиции возвращались в виде обрабатываемой колонистами земли, и рано или поздно должен был наступить день, когда комитет станет обладателем тысяч акров превосходных сельскохозяйственных земель, которые он затем сможет продавать на Земле последующим поселенцам. Тем, кто хотел эмигрировать с Земли, предстояло платить за это право, и немало. Такие, как мы, просто не могли бы себе этого позволить.

К тому времени, хотя Ганимед и был бы закрыт для свободной иммиграции, на Каллисто уже появилась бы атмосфера, и первопроходцы могли отправиться туда, начав все сначала. Банкиры называют подобное «самоокупаемостью», имея в виду первоначальные инвестиции с Земли.

Но на самом деле все получилось иначе. Когда мы высадились на Ганимеди, там было лишь около тридцати тысяч человек, и планировалось принимать примерно по пятьсот имми-

грантов за земной год – именно столько могли перевезти все корабли старого типа. Не стоит забывать, что кораблям на ядерном реакторе требовалось на полет туда и обратно пять с лишним лет, так что для доставки подобного количества людей за год была необходима целая флотилия.

Потом «Звездный скиталец-2» переименовали в «Мэйфлауэр» и передали его Комитету по делам колоний, после чего им на голову свалилось сразу шесть тысяч человек. Мы оказались столь же долгожданными гостями, как и внезапно явившийся ночной визитер в семью больного.

Колонисты в течение целого земного года знали о нашем прибытии, но возможности возразить у них не было. Хотя с Земли можно было отправить сообщение на Ганимед в любой момент, если только на пути не оказывалось Солнце, самое лучшее радио, которым могла похвастаться колония, требовало ретранслятора на Марсе, работавшего лишь тогда, когда Марс находился ближе всего к Юпитеру, что, увы, было отнюдь не так.

Должен признать, что для нас сделали все возможное. Еда имелась в избытке, и удалось организовать спальные места. Пункт приема иммигрантов ранее был разделен на семейные номера; пришлось снять переборки и использовать их для изготовления коек, на которых разместили нас. Перенеся в другое место городской совет, его здание превратили в столовую и кухню. Мы были укрыты от непогоды и хорошо накормлены, хотя нам и приходилось тесниться точно так же, как и на «Мэйфлауэре».

Возможно, вы спросите: почему, имея в распоряжении год, для нас не построили новые здания? Что ж, мы задали тот же вопрос, причем достаточно требовательно, – и ответ нас крайне огорчил.

Новые здания не построили потому, что просто не могли. До прибытия землян на Ганимеде не было ничего, кроме голого камня и льда. Естественно, все об этом знают – но знает ли каждый, что это означает? Я точно не знал.

Здесь не было ни древесины, ни листового металла, ни изоляции, ни проводов, ни стекла, ни труб. Поселенцы в Северной Америке строили хижины из бревен – но и бревен тут тоже не было.

Большие гидропонные ангары, пункт приема и несколько других общественных зданий возвели из материалов, доставленных с находившейся на расстоянии в полмиллиарда миль Земли. Остальную часть Леды и все дома поселенцев сооружали тяжким трудом из местного камня. Для нас сделали все, что могли, – с учетом того, что имелось в их распоряжении.

Вот только мы этого не оценили.

Естественно, жаловаться нам вряд ли стоило. Все-таки, как заметил Джордж, первым поселенцам в Калифорнии пришлось голодать, никто не знает, что случилось с колонией Роанок, а участники первых двух экспедиций на Венеру погибли все до единого. Нам же ничто не угрожало.

И даже если нам и приходилось на какое-то время смириться с казарменным образом жизни, нас ждала свободная земля.

Однако при ближайшем рассмотрении выяснилось, что ждать придется довольно долго. Именно потому Джордж в конце концов сдался и нанялся на работу инженером в управлении. Ближайшая открытая для поселения земля находилась в девяти милях от города, а чтобы она нашлась в достаточном количестве для шести тысяч человек, большинству из них пришлось отправиться за восемнадцать или двадцать миль.

Что такое двадцать миль? Несколько минут в подземке, прыжок вверх-вниз на вертолете – но, братец, приходилось ли тебе проделывать путь в двадцать миль пешком? А потом обратно?

Поселить шесть тысяч человек так далеко от города было невозможно – слишком медленным был процесс. Когда-то первопроходцы отправлялись в путь с ружьем и топором, а посе-

ленцы следовали за ними в запряженных быками фургонах с мебелью и сельскохозяйственными орудиями. Двадцать миль ничего для них не значили.

Но не на Ганимеде.

В колонии имелось два тягача, и еще один доставили на «Мэйфлауэре». Они являлись единственными транспортными средствами на всей планете, предназначавшимися для обслуживания повседневных нужд не только шести тысяч новых поселенцев, но и прибывших ранее тридцати тысяч человек.

Все это объяснили нам на большом собрании глав семей. Мне там присутствовать не полагалось, но собрание проводилось на открытом воздухе, и ничто не могло мне помешать. В числе прочих в собрании участвовали главный эколог и главный инженер планеты, а вел его председатель совета колонии. Было заявлено, что Ганимед по-настоящему нуждается не в новых фермерах, а в производстве. Нужны были изыскатели, шахты, фабрики и механические мастерские. Планета нуждалась в любых металлических изделиях, которые слишком дорого было завозить с Земли. И потому любого, согласившегося работать по этой части, готовы были кормить не только год, но и неопределенно долго.

Что касается тех, кто настаивал на фермерстве, – что ж, вот вам земля, и делайте что хотите. Техники для ее обработки не хватало, так что могло пройти два или три года, прежде чем у данного конкретного иммигранта появится шанс возделывать свой первый акр.

В первых рядах собравшихся кто-то встал и крикнул:

– Нас надули!

Председателю мистеру Толли не сразу удалось успокоить толпу. Когда ему наконец дали возможность говорить, он ответил:

– Может, вас надули, а может, и нет. Смотря как считать. Готов согласиться, что здешние условия не таковы, какими их вам изображали на Земле. Собственно...

– Спасибо за одолжение! – язвительно бросил кто-то.

– Либо вы соблюдаете порядок, либо я закрываю собрание, – раздраженно заявил мистер Толли.

Все снова замолчали, и он продолжил. Нынешние поселенцы обработали больше земли, чем могли возделывать, и нуждались в рабочих руках, чтобы увеличить объемы урожая. Работа имела для каждого – работа, которая давала бы ему какое-то занятие, обучала фермерству на Ганимеде, а заодно и кормила его жену и детей, пока он ждал бы своей очереди на поселение.

Когда до собравшихся дошел смысл слов мистера Толли, толпу словно сковало холодом, словно они почувствовали себя подобно Иакову, который после семи лет тяжелого труда узнал, что ему придется трудиться еще семь лет, чтобы получить желанную невесту. Собственно, я чувствовал себя так же, даже несмотря на то, что Джордж уже решил на работу в управлении.

– Мистер председатель! – кто-то поднялся с места.

– Да? Ваша фамилия?

– Сондерс. Не знаю, как остальные, но я фермер и всегда им был. Но – именно фермер, а не батрак. Я прилетел сюда вовсе не затем, чтобы к кому-то наниматься. Можете делать со своим предложением все, что сочтете нужным, но я настаиваю на своих правах!

Послышались разрозненные аплодисменты, толпа оживилась.

– Никто вам этого не запрещает, мистер Сондерс, – ответил мистер Толли.

– Что ж, рад, что вы так считаете, мистер председатель. Но хватит этой чуши. Я желаю знать две вещи: какой участок земли я получу и когда мне будет предоставлена техника, чтобы я смог начать приводить его в надлежащее состояние?

– По поводу своего первого вопроса можете проконсультироваться с земельной конторой, – сказал мистер Толли. – Что касается второго – вы слышали главного инженера, по оценке которого среднее время ожидания техники составит около года и девяти месяцев.

- Слишком долго.
- Ничего не поделаешь, мистер Сондерс.
- И что вы предлагаете?

Мистер Толли пожал плечами и развел руками:

– Я не волшебник. Мы передали с «Мэйфлауэром» срочное сообщение для Комитета по делам колоний, чтобы со следующим рейсом нам не присылали больше колонистов, но прислали технику. Если они согласятся, возможно, к следующей зиме ситуация облегчится. Но, как вы видели – как уже видели мы все, – Комитет по делам колоний принимает решения, не советуясь с нами. Первый рейс «Мэйфлауэра» следовало сделать полностью грузовым, а вам – подождать.

– К следующей зиме, говорите? – немного подумав, ответил Сондерс. – До нее еще пять месяцев. Думаю, я человек разумный и смогу подождать. Но никакого батрачества – это исключено!

– Я вовсе не говорил, что вы сможете поселиться на своей земле через пять месяцев, мистер Сондерс. Может пройти год и девять месяцев или даже больше.

– Ни за что не поверю!

– Как вам будет угодно. Но речь идет о фактах, а не о некой теории. Если вам все-таки придется ждать и вы не станете работать на другого фермера, как вы намерены все это время кормить себя и свою семью?

Мистер Сондерс окинул взглядом собравшихся и широко ухмыльнулся:

– Что ж, в таком случае, мистер председатель, полагаю, кормить нас придется правительству, пока оно не сможет обеспечить выполнение условий договора. Свои права я знаю.

Мистер Толли посмотрел на него так, словно только что откусил от яблока и обнаружил внутри вместо червяка самого Сондерса.

– Мы не допустим, чтобы ваши дети голодали, – медленно проговорил он, – но что касается вас – можете хоть камни грызть. Кто не работает тот не ест.

– Это вам просто так не пройдет! – едва не взорвался Сондерс. – Я подам в суд на правительство и на вас как на его ответственного представителя. Вы не можете...

– Заткнитесь! – рявкнул мистер Толли и продолжил уже спокойнее, обращаясь ко всем нам: – Будем откровенны – вас соблазнили прилететь сюда радужными обещаниями, и ваше разочарование вполне понятно. Ваш контракт, однако, подписан с Комитетом по делам колоний, находящимся на Земле, и у вас нет никакого контракта с общественным советом Ганимеда, председателем которого я являюсь. Соответственно, граждане Ганимеда ничем вам не обязаны, и мы пытаемся о вас заботиться лишь из общепринятой любезности. Если вам не нравится то, что мы вам предлагаем, – не набрасывайтесь на меня, от меня все равно ничего не зависит. Обсуждайте все вопросы с представителем иммиграционной службы – для этого он тут и находится. Собрание объявляю закрытым!

Но иммиграционного представителя там не оказалось – он предпочел держаться от собрания подальше.

12. Пчелы и нули

Нас в самом деле надули, и столь же ясно было, что помощи ждать неоткуда. Некоторые иммигранты действительно пообещались с представителем Комитета по делам колоний, но особого утешения это им не принесло. По его словам, он подал в отставку после того, как понял всю тщетность попыток исполнять невыполнимые распоряжения, находясь в пятистах миллионах миль от главной конторы, и собирался вернуться домой, как только прибудет сменщик.

Это стало поводом для нового возмущения – если он может отправиться домой, значит могут и другие. «Мэйфлауэр» все еще висел на орбите, принимая груз. Многие требовали, чтобы их отправили обратно на корабль.

Капитан Харкнесс заявил, что у него нет полномочий везти через полсистемы безбилетных пассажиров. Тогда они снова накинлись на представителя комитета, подняв немалый шум.

Наконец проблему сумел решить совет во главе с мистером Толли. В брызгах и слабках Ганимед не нуждался. Было заявлено, что, если комитет откажется доставить обратно тех, кто считал себя обманутым и не желал здесь оставаться, следующей партии вообще не будет разрешено высадиться на планету. Представитель сдался и выписал капитану Харкнессу ордер на их транспортировку.

Мы устроили по этому поводу семейный совет в больничной палате Пегги – она вынуждена была там оставаться, поскольку врачи держали ее в условиях нормального земного атмосферного давления.

Остаться нам или вернуться? Отец пребывал в затруднительном положении. На Земле он по крайней мере работал на себя, здесь же он был всего лишь наемным служащим. Если бы он оставил работу и решил стать поселенцем, ему пришлось бы два или три ганимедских года трудиться подручным в поле, прежде чем мы смогли бы рассчитывать на собственную ферму.

Но главная проблема заключалась в Пегги. Хотя она и прошла медицинскую комиссию на Земле, к низкому давлению на Ганимеде она приспособиться так и не смогла.

– Возможно, ничего не поделаешь, – сказал Джордж Молли. – Нужно вернуть Пег в те условия, к которым она привыкла.

Молли посмотрела на его вытянувшуюся длиннее моей руки физиономию:

– Джордж, ты же не хочешь вернуться?

– Не в том дело, Молли. На первом месте благополучие детей.

Он повернулся ко мне и добавил:

– Тебя, Билл, это ни к чему не обязывает. Ты достаточно взрослый и можешь решать сам. Если хочешь остаться – уверен, это можно устроить.

Я ответил не сразу. На семейный совет я пришел основательно не в духе – не только из-за того, что нас водили за нос, но и из-за стычки с компанией местных мальчишек-колонистов. Но больше всего меня выводило из себя давление воздуха в палате. К пониженному давлению я уже успел привыкнуть, и оно мне нравилось. В палате же Пегги, где давление равнялось земному, я с трудом мог дышать, и мне казалось, будто я плаваю в теплом супе.

– Вряд ли мне хотелось бы вернуться, – сказал я.

Пегги сидела в постели с широко раскрытыми, словно у детеныша лемура, глазами.

– Я тоже не хочу обратно! – заявила она.

Молли не ответила, лишь погладила ее по руке.

– Джордж, – сказала она, – я много над этим думала. Знаю, возвращаться ты не хочешь, и Билл тоже. Но нам вовсе не обязательно возвращаться всем вместе. Можно...

– Исключено, Молли, – решительно возразил отец. – Я не для того на тебе женился, чтобы с тобой расстаться. Если тебе придется вернуться – я вернусь с тобой.

– Я не об этом. Пегги может вернуться с О'Фаррелами. Моя сестра ее встретит и позаботится о ней. Когда сестра узнала, что я решила лететь, она хотела, чтобы я оставила Пегги с ней, так что все будет хорошо.

На Пегги она не смотрела.

– Но, Молли! – проговорил отец.

– Нет, Джордж, – ответила она, – я все продумала. Мой первый долг – перед тобой. И это вовсе не значит, будто о Пегги будут плохо заботиться, – Феба станет ей матерью, и...

К Пегги наконец вернулся дар речи.

– Не хочу жить с тетей Фебой! – завопила она и разревелась.

– Ничего не выйдет, Молли, – сказал Джордж.

– Джордж, – возразила Молли, – меньше пяти минут назад ты заявлял, что готов оставить Билла одного.

– Но Билл практически мужчина!

– Он не настолько взрослый, чтобы жить самостоятельно. И речь вовсе не о том, чтобы оставить Пегги одну, – Феба окружит ее любовью и заботой. Нет, Джордж, если бы женщины сбегали домой при первых же проблемах, никаких первопроходцев никогда бы не было. Пегги придется вернуться, но я останусь.

Пегги на время перестала плакать и заявила:

– Я не вернусь! Я тоже первопроходец – правда, Билл?

– Конечно, малышка! – ответил я и погладил ее по тыльной стороне ладони.

Она вцепилась мне в руку.

Не знаю, отчего у меня вырвались последующие слова. Воистину – от этой малявки у меня была одна лишь головная боль из-за ее бесконечных вопросов и требований разрешить ей делать все то же самое, что делал я. И тем не менее я услышал собственный голос:

– Не беспокойся, Пегги. Если ты полетишь назад, я полечу с тобой.

Отец резко взглянул на меня, затем повернулся к Пегги:

– Билл сказал не подумав, детка. Так что особо не рассчитывай.

– Но это же правда, Билл? – спросила Пегги.

Я уже успел пожалеть о сказанном, но все же ответил:

– Конечно, Пегги.

Она снова повернулась к отцу:

– Вот видишь? Но это неважно – мы все равно не вернемся, никто из нас. Ну пожалуйста, папочка, – я обещаю, что выздоровею. Мне с каждым днем все лучше.

Конечно, ей было лучше – в палате под давлением. Я сидел весь в поту, жалея, что не сумел удержать язык за зубами.

– Не знаю, что и делать, Джордж, – сказала Молли. – Что думаешь?

– Гм...

– Так что?

– Ну... думаю, мы можем поднять давление в одной комнате в нашей квартире. Могу соорудить в мастерской какой-нибудь насос.

Слезы Пегги внезапно высохли.

– То есть я смогу выйти из больницы?

– Да, милая, если у папы все получится.

Молли с сомнением посмотрела на отца.

– Но, Джордж, это не решает наших проблем.

– Может, и нет. – Он встал и расправил плечи. – Но ясно одно – либо мы все улетаем, либо все остаемся. Лермеры будут держаться вместе. Отныне и навсегда.

Ошибались мы не только насчет наших возможностей как поселенцев. Как выяснилось, на Ганимеде уже были скауты, хотя известие об этом до Земли пока не добралось. После высадки отряды с «Мэйфлауэра» не проводили сборов – все были попросту слишком заняты. Скаутом быть, конечно, весело, но порой на это просто нет времени.

Не проводил сборов и местный отряд Леды. Раньше они собирались в здании городского совета, но теперь оно стало нашей столовой, и они остались без помещения, что вряд ли прибавило с их стороны дружеских чувств к нам.

На того парня я наткнулся на Бирже – он просто проходил мимо, и я заметил на его груди маленькую нашивку – явно самодельную и не слишком качественную, но она все же привлекла мое внимание.

– Хей! – крикнул я.

Он остановился:

– И тебе «хей»? Это ты мне кричал?

– Ну... да. Ты ведь скаут?

– Само собой.

– Я тоже. Меня зовут Билл Лермер, – я протянул ему левую руку, как принято у скаутов.

Он ответил тем же:

– Сергей Росков, – и окинул меня взглядом. – Ты из новеньких?

– Да, прилетел на «Мэйфлауэре».

– Понятно. Без обид – я тоже родился на Земле. Значит, был там скаутом? Отлично.

Приходи на сбор, и мы снова тебя запишем в наши ряды.

– Я и сейчас скаут, – возразил я.

– Ага, понял – «бывших скаутов не бывает». Ладно, приходи, и сделаем все официально.

Мне самое время было заткнуться, но такая уж моя черта, – наверное, даже когда вос-
трубил бы ангел Страшного суда, я все равно говорил бы, а не слушал.

– Все и так официально, – сказал я. – Я старший командир патруля, отряд имени Баден-
Пауэлла.

– Не далековато ли ты оказался от своего отряда?

И я все ему рассказал. Он выслушал меня до конца, а затем спокойно ответил:

– И вам еще хватило наглости назваться бойскаутами Ганимеда? Больше ничего не хотите себе присвоить? Наш зал собраний вы уже заполучили, может, теперь и в наших постелях спать пожелаете?

– Ты о чем?

– Ни о чем. – Он немного подумал. – Всего лишь дружеское предупреждение, Билл...

– Гм?

– Здесь есть только один старший командир патруля – и он прямо перед тобой. Так что не перепутай. Но на сбор все равно приходи, – добавил он. – Мы всегда рады новому салаге.

Вернувшись на приемный пункт, я нашел Хэнка Джонса и все ему рассказал. Он восхи-
щенно уставился на меня.

– Вильям, старина, – заявил он, – следует отдать тебе должное – у тебя истинный талант испортить что угодно. Это и впрямь нелегко.

– Думаешь, я настолько напортачил?

– Надеюсь, что нет. Что ж, найдем доктора Арчибалда и посмотрим, что можно сделать.

Скаут-мастер нашего отряда заведовал клиникой, и нам пришлось подождать, пока он закончит прием пациентов.

– Вы что, заболели или просто хотите сжульничать? – спросил он.

– Док, – сказал я, – мы ошибались. На Ганимеде уже есть скауты.

– Знаю, – ответил он.

– Как? – удивился я.

– Мы с мистером Гинзбергом и мистером Бруном вели переговоры со здешним скаут-
ским руководством, чтобы решить, каким образом наши отряды могут войти в вышестоящую
организацию. Несколько осложняет ситуацию тот факт, что скаутов с «Мэйфлауэра» на самом
деле больше, чем в местном отряде. Но все полномочия, естественно, у них.

– Ясно, – пробормотал я.

– Через несколько дней устраиваем объединенный сбор – после того, как договоримся
о правилах.

Немного подумав, я решил, что все же стоит рассказать ему о случившемся. Он молча меня выслушал, и я наконец сказал:

– Хэнк считает, что я все испортил. Что думаете, док?

– Гм... – проговорил он. – Надеюсь, он ошибается. Но, полагаю, лучше точно не стало.

Я не знал, что ответить.

– Не стоит устраивать трагедию, – посоветовал он. – Все будет хорошо. А теперь беги и обо всем забудь. Возможно, ничего не изменится.

Но изменения все-таки случились. Док и остальные добивались того, чтобы наши отряды признали законными с сохранением всех званий. Но после того, как Сергей рассказал всем о нашем разговоре, настоящие скауты Ганимеда завопили, будто мы всего лишь компания салаг, и неважно, кем мы были раньше на Земле. Нам предстояло начать все с нуля, а если от нас был хоть какой-то толк, мы могли это доказать, сдав все положенные зачеты.

В итоге был найден компромисс – как говорит Джордж, подобные ситуации всегда заканчиваются компромиссом. Звания подтверждались условно, с требованием в течение года сдать все зачеты, отличавшиеся от наших. Наши отряды сохранялись в прежнем составе, но с одной существенной разницей: все командиры патрулей должны были быть из числа изначальных скаутов Ганимеда – их перевели к нам из отряда Леды. Должен признать, отчасти это было справедливо – как я мог быть командиром патруля на Ганимеде, будучи настолько зеленым новичком, что не отличал здешний север от запада? Но другим бывшим командирам патрулей не слишком понравилось, когда они узнали, что виновником всех проблем оказался я.

На этот счет у нас состоялся разговор с Хэнком.

– Билли, мальчик мой, – сказал он мне, – надеюсь, ты понимаешь, что твоя популярность теперь не больше, чем у муравьев на пикнике?

– Кому какое дело? – возразил я.

– Тебе есть дело. Самое время совершить аутодафе.

– И что означает это самое аутодафе, черт бы его побрал?

– В данном случае это означает, что тебе следует перейти в отряд Леды.

– С ума сошел? Сам знаешь, что эти ребята о нас думают, особенно обо мне. Мне еще повезет, если вообще жив останусь.

– Что лишь показывает, насколько плохо ты знаешь человеческую природу. Конечно, придется на первых порах потерпеть, но это самый быстрый способ вернуть себе кое-какое уважение.

– Хэнк, ты и впрямь дурак? В том отряде я действительно стал бы салагой – да еще каким!

– О том и речь, – спокойно ответил Хэнк. – Мы все салаги – только в нашем собственном отряде этого не видно. И если мы останемся здесь, мы еще долго будем салагами. Но если мы перейдем к ним, мы окажемся среди тех, кто знает здешнюю жизнь не понаслышке, и кое-что из их познаний перепадет и нам.

– Ты сказал «мы»?

– Я сказал «мы».

– Понял. Ты сам хочешь перейти в тот отряд и придумал трюк насчет того, чтобы так же поступил и я. Тебе просто нужна компания. Хорош друг, нечего сказать!

Он лишь усмехнулся, несколько не смутившись:

– Эх ты, старина Билл! Тебя что, по башке надо стукнуть раз восемь-девять, чтобы ты вник в суть? Все не так уж плохо. Ровно через четыре месяца и девять дней мы больше не будем салагами и станем старожилками.

– Откуда такая точная дата?

– Оттуда, что именно тогда «Мэйфлауэр» вернется из очередного рейса, и как только прибывшие на нем ступят на Ганимед, новичками окажутся уже они.

– Вот оно что!

Так или иначе, мы перешли в отряд Леды, и на первых порах нам пришлось нелегко, особенно мне... как, например, в ту ночь, когда меня заставили рассказать, каково это – быть героем, и какой-то балбес прицепился к моей истории про метеорит. Но я с честью выдерживал все испытания, и Сергей вмешивался каждый раз, когда видел, что надо мной пытаются насмеяться. В конце концов им просто надоело.

Сергей настолько старался изобразить из себя благородного рыцаря, что мне хотелось дать ему хорошего пинка.

Чтобы вернуть себе прежнее звание скаута-орла, мне требовалось получить лишь две нашивки, сдав зачеты по агрономии и планетарной экологии в условиях Ганимеда. Обе темы были непростыми, но стоили того, чтобы их изучить, – в конце концов, без подобных знаний на Ганимеде резко снижались шансы выжить. И я начал грызть гранит науки.

Экология оказалась одним из самых сложных предметов, с которыми мне когда-либо приходилось иметь дело. Когда я сказал об этом Джорджу, он ответил, что, возможно, политика еще хуже, а если подумать, то, может быть, политика является всего лишь одним из аспектов экологии. В словаре говорится, что экология – «наука о взаимоотношениях живых организмов и окружающей среды». Это мало что значит. Примерно как называть ураган движением воздуха.

Проблема с экологией заключается в том, что непонятно, с чего начать, – любое явление влияет на все остальное. Не соответствующие сезону заморозки в Техасе могут повлиять на цену завтрака на Аляске, а она, в свою очередь, на улов лосося, и так далее. Или, скажем, пример из истории: английским колониям требовались молодые холостяки из Англии, и потому дома оставались старые девы; старые девы держат кошек, кошки ловят полевых мышей, полевые мыши разоряют гнезда шмелей, шмели опыляют клевер, клевер едят коровы, а коровы снабжают мясом английских солдат, которые защищают колонии, куда эмигрировали холостяки, вследствие чего появились старые девы.

Не слишком научно, да? Чересчур много переменных, и вместо них не подставить цифры. Джордж говорит, что, если ты не можешь что-то измерить и записать в виде цифр, ты слишком мало знаешь о предмете, чтобы называть это наукой, и что касается его самого – спасибо, но он лучше займется инженерным делом.

Впрочем, некоторые стороны прикладной экологии на Ганимеде вполне поддавались изучению. Взять, к примеру, насекомых – на Ганимеде ты ни при каких обстоятельствах не имел права раздавить их. Когда люди впервые высадились на планету, насекомых здесь не было вообще. И теперь любые букашки существуют на Ганимеде лишь потому, что таков был план совета по экологии и главный эколог одобрил их внедрение в окружающую среду. Ему нужно, чтобы насекомые жили и процветали, выполняя свои естественные функции, и плодили множество новых маленьких насекомых.

Естественно, скауту даже в голову не придет раздавить насекомое, разве что ядовитого паука, но все равно постоянно приходится помнить, что, стоит тебе наступить на таракашку, последует суровый штраф – если попадешься, – а также назидательная лекция о том, что колония вполне может обойтись и без тебя, зато насекомые для нее жизненно необходимы.

Или, например, дождевые черви. Я знаю, что они стоят столько же, сколько такое же количество урана, поскольку мне приходилось их покупать. Фермеру без дождевых червей не обойтись.

Внедрение насекомых в экологию планеты – не столь простое дело, как может показаться. У Ноя было куда меньше проблем с его животными, каждой твари по паре, поскольку, когда ушли воды потопа, в его распоряжении оставалась приспособленная к нуждам его «пассажиров» планета. Ганимед – не Земля. Взять, например, пчел – мы привезли их на «Мэйфлауэре», но не выпустили на свободу. Все они находились в ангаре под названием «Оаху», и оставаться им там предстояло достаточно долго. Пчелам нужен клевер или его близкое подобие. Клевер

мог расти на Ганимеде, но реальное предназначение его заключалось в том, чтобы вносить в почву азот и таким образом освежать истощившиеся поля. Но клевер мы пока не сажали, поскольку азота в воздухе было слишком мало.

Но я забегаю вперед, касаясь инженерной стороны экологии. До нашего появления Ганимед состоял из голого камня и льда, на нем царил жуткий холод и практически отсутствовала атмосфера – лишь следы аммиака и метана. Так что первым делом требовалось снабдить его атмосферой, пригодной для дыхания человека.

Материал имелся под рукой – лед. Приложив достаточное количество энергии, можно разбить молекулу воды на водород и кислород. Водород естественным образом поднимается вверх, а кислород остается на поверхности, где им можно дышать. Процесс продолжался пятьдесят с лишним лет.

Кто-нибудь может представить, сколько энергии нужно, чтобы снабдить планету размеров Ганимеда по всей ее поверхности кислородом под давлением в три фунта на квадратный дюйм?

Три фунта на квадратный дюйм означают девять фунтов массы, поскольку сила тяжести на Ганимеде составляет лишь треть от земной. Это значит, что на каждый квадратный фунт поверхности Ганимеда нужно израсходовать как минимум девять фунтов льда – и лед этот крайне холоден, двести с лишним градусов ниже нуля по Фаренгейту.

Сначала его нужно нагреть до точки плавления, после чего растопить, а затем разложить молекулу воды на кислород и водород – не с помощью обычного лабораторного электролиза, но нагревая до сверхвысокой температуры в преобразователе массы. В результате получается три фунта кислородно-водородной смеси на квадратный дюйм. Смесь эта не взрывоопасна, поскольку легкий водород остается наверху и пограничный слой слишком близок к вакууму, чтобы поддерживать горение.

Но чтобы этого добиться, требуется энергия, и немало – шестьдесят пять тысяч британских тепловых единиц¹⁴ на каждый квадратный дюйм поверхности, или на каждые девять фунтов льда, если кому-то так нравится больше. Ганимед, может, и небольшая планета, но ее поверхность составляет 135 000 000 000 000 000 квадратных дюймов поверхности. Умножим это на 65 000 БТЕ на каждый квадратный дюйм, затем переведем их в эрги и получим:

92 500 000 000 000 000 000 000 000 000 эргов.

Девяносто два с половиной миллиона миллиардов квадриллионов эргов! Число это показалось мне столь красивым, что я записал его в своем дневнике и показал Джорджу.

Его это особо не впечатлило. Джордж сказал, что все числа одинаковы и ни на кого, кроме тупиц, не производят впечатления цепочки нулей. Он заставил меня рассчитать, что означает данное число в понятиях массы-энергии, через добрую старую формулу $E = MC^2$, поскольку для снабжения Ганимеда атмосферой использовались преобразователи массы в энергию.

По закону Эйнштейна один грамм массы равен 9×10^{29} эргов, так что то причудливое длинное число превращается в $1,03 \times 10^{11}$ граммов энергии, или 113 200 тонн. В основном в энергию превращался лед, хотя, вероятно, и часть местного камня тоже. Преобразователь массы мог сожрать что угодно.

Предположим, что речь идет только о льде, тогда в итоге получается ледяной куб со стороной в сто шестьдесят футов. По крайней мере, это число было доступно моему пониманию.

Я показал ответ Джорджу, но тот все равно его не впечатлил. Он сказал, что я должен понимать суть обоих чисел одинаково легко и мне следует осознать, что оба они означают одно и то же и имеют одну и ту же величину.

¹⁴ Британская тепловая единица – количество тепла, необходимое для того, чтобы поднять температуру одного фунта воды на один градус Фаренгейта (примерно 252 калории).

Не стоит думать, будто атмосфера Ганимеда была создана из ледяного куба со стороны в сто шестьдесят футов, — это всего лишь масса, которую пришлось преобразовать в энергию, чтобы проделать данный трюк. Масса льда, превращенного в кислород и водород, покрыла бы всю планету слоем толщиной в двадцать с лишним футов — подобно полярной шапке, когда-то покрывавшей Гренландию.

Как говорит Джордж, все это доказывает, что изначально Ганимед был целиком скован льдом и, не будь у нас преобразователей массы, мы никогда не сумели бы его колонизировать. Порой мне кажется, что инженеры настолько лишены фантазии, что слишком многие радости жизни проходят мимо них.

После того как на Ганимеде установилось давление в три фунта на квадратный дюйм, заработала тепловая ловушка и планета достаточно нагрелась для того, чтобы кровь не замерзала в жилах. На нее смогли прилететь колонисты, которым не требовалось ходить в скафандрах и жить в герметичных помещениях. Однако проект по созданию атмосферы на этом не закончился. Во-первых, поскольку первая космическая скорость на Ганимеде была слишком низкой, всего одна и восемь десятых мили в секунду по сравнению с семью милями в секунду на Земле, новая атмосфера постепенно улетучивалась в космос, особенно водород, и примерно за миллион лет исчезла бы полностью. Во-вторых, нужен был азот.

Азот не требуется нам для дыхания, и обычно мы особо о нем не задумываемся. Но азот необходим для производства белка — мышечной ткани. Большинство растений получают его из земли; некоторые, наподобие клевера, люцерны и бобовых, получают азот также из воздуха и возвращают его в землю. Почва Ганимеда богата азотом — изначальная скудная атмосфера состояла отчасти из аммиака. Но рано или поздно настало бы время, когда нам пришлось бы возвращать азот обратно туда, откуда мы его брали. Так что атмосферный проект был теперь нацелен на производство азота.

Данный процесс был не столь прост, как разложение воды, — он требовал превращения стабильного изотопа кислорода-16 в стабильный изотоп азот-14. Реакция эта потребляла столько энергии, что вряд ли была бы возможна в природе — по крайней мере, так говорилось в книге, — и в течение долгого времени считалась невозможной даже теоретически. Ядерную физику я знал лишь в объеме средней школы, так что все уравнения я пропустил. Суть заключалась в том, что подобная возможность все же была при наличии нужного типа преобразователя массы, и Ганимед мог получить азот в атмосфере к тому времени, когда его поля истощатся и их потребуется вновь обогащать.

С углекислым газом проблем не было — на Ганимеде имелась не только замерзшая вода, но и сухой лед, который испарился в атмосферу задолго до того, как первый поселенец заявил о своих правах.

Но это вовсе не означало, что можно начать заниматься сельским хозяйством, если у тебя в распоряжении кислород, углекислый газ и участок земли. Эта земля была столь же мертва, как Христофор Колумб. Голый стерильный камень, лишенный какой-либо жизни — которой здесь никогда не существовало. Требуется немало труда, чтобы превратить мертвый камень в плодородный теплый чернозем, кишящий бактериями и земляными червями, — то есть в ту почву, с которой можно получить урожай.

Именно создание почвы и стало задачей первых поселенцев.

Чувствуете, насколько все сложно? Клевер, пчелы, азот, первая космическая скорость, баланс растений и животных, газовые законы, законы сложных процентов, метеорология, математика — экологу приходится думать обо всем, причем наперед. Экология подобна взрывчатому веществу — то, что может показаться мелочью и безобидным вмешательством, способно изменить всеобщее равновесие. Все слышали про английских воробьев, про австралийских кроликов, едва не сожравших весь континент до последнего дома, про карибских мангустов,

уничтоживших кур, которых они должны были защищать, и про африканскую улитку, практически погубившую Западное побережье, прежде чем удалось найти убивающего ее паразита.

Стоит привезти на Ганимед безобидное полезное насекомое, растение или животное, позабыв взять заодно его естественных врагов, и через пару сезонов начнешь жалеть, что не завез вместо них бубонную чуму.

Но все это было заботой главного эколога; в задачи же фермера входила прикладная агрономия – создание почвы, а затем выращивание на ней растений.

Это означало, что все попадавшееся по пути – вытаявшие из льда гранитные валуны, потоки застывшей лавы, пемзу, песок, древнюю твердую породу – приходилось взрывать на мелкие кусочки, дробить их верхний слой в песок, измельчать верхние несколько дюймов в пыль и наконец вносить в почву частицу самой матери Земли. А потом за ней требовалось ухаживать, поддерживая в ней жизнь и помогая ей распространяться. Нелегкая работа.

Но все это было крайне интересно. Я полностью позабыл о своем первоначальном намерении изучить тему лишь ради того, чтобы сдать зачет на нашивку. Поспрашивав других, я выяснил, где можно увидеть разные стадии этого процесса, и взглянул на них сам, потратив на это большую часть светлой фазы.

Вернувшись в город, я узнал, что меня искал Джордж.

– Где ты был, черт побери? – требовательно спросил он.

– Да просто болтался в округе, – ответил я. – Смотрел, как работают поселенцы.

Он поинтересовался, где я спал и как мне удавалось раздобыть еду.

– Билл, то, что ты учишься ради своих нашивок, – все это очень хорошо, но и в бродягу превращаться тоже ни к чему, – возразил он. – Возможно, в последнее время я мало уделял тебе внимания – извини...

Он ненадолго задумался.

– ...Пожалуй, тебе стоило бы пойти в здешнюю школу. Вряд ли они многое смогут тебе дать, но все лучше, чем болтаться без дела.

– Джордж?

– Да, наверное, так будет лучше...

– Ты что, полностью отказался от мысли стать поселенцем?

Во взгляде отца промелькнуло беспокойство.

– Сложный вопрос, Билл. Я до сих пор хочу, но поскольку Пегги больна – трудно сказать. Но наша фамилия до сих пор в списках. Я должен принять решение до жеребьевки.

– Пап, я все сделаю.

– То есть?

– Оставайся на своей работе и позаботься о Пегги и Молли. А обустройством фермы займусь я.

13. Джонни Яблочное Семечко¹⁵

Жеребьевка земельных участков состоялась три недели спустя, и на следующий день мы с Джорджем отправились взглянуть, что же нам досталось. Участок находился к западу от города, за грядой Кнейпера, в незнакомой мне местности – в основном я бродил восточнее, ближе к энергостанции, где располагалась большая часть обработанной земли.

Некоторые из попадавшихся нам по пути ферм выглядели не так уж плохо – несколько возделанных акров, покрытых пышной зеленью, и намного больше уже разровненной и очи-

¹⁵ *Джонни Яблочное Семечко* – прозвище Джонатана Чепмена (1774–1845), первым начавшего сажать яблони на Среднем Западе Америки. Впоследствии стал фольклорным персонажем.

щенной от камней территории. Мне это напомнило Иллинойс, но чего-то не хватало. Наконец я понял, чего именно, – деревьев.

Но даже без деревьев пейзаж был прекрасен. Справа, к северу от нас, простирались подножия Больших Сахарных гор, в двадцати или тридцати милях за которыми высились покрытые снегом вершины. Слева, изгибаясь с юга в сторону Леды, тянулась лагуна Серенидад. Мы находились на высоте в пару сотен футов над озером. День был ясный, и я попытался разглядеть дальний берег, но не уверен, что мне это удалось.

У отца тоже поднялось настроение, и он немелодично насвистывал на ходу старый госпел «Земля обетованная». Что касается меня, то я унаследовал свои музыкальные способности от Энн.

– Билл, я тебе завидую, – прервавшись, сказал отец.

– Мы все равно будем вместе, Джордж, – ответил я. – Я всего лишь иду в авангарде.

Немного подумав, я добавил:

– Джордж, знаешь, что я первым делом стану выращивать, после того как посажу съедобные растения?

– Что?

– Закажу с Земли семена и выращу тебе немного табака.

– Только не это, сынок!

– Почему? – Я понял, что мои слова его тронули – иначе он не назвал бы меня «сынок». – Вполне реально.

– Весьма благородно с твоей стороны, но нужно думать о главном. К тому времени, когда мы сможем себе позволить подобное, я уже позабуду, как разжигать трубку. Если честно, я не особо по ней скучаю.

Какое-то время мы шли молча, радуясь вновь возникшему чувству близости. Наконец дорога закончилась. Остановившись, отец достал из сумки нарисованную от руки карту:

– Должно быть, где-то здесь.

На карте было показано, где заканчивается дорога, а дальше шла пунктирная линия, отмечавшая, где та пройдет впоследствии. Виднелись также очертания нашей фермы, ближайший угол находился примерно в полумиле дальше по несуществующей дороге. Судя по карте, граница наших владений – или наших возможных владений, если мы сумеем привести их в пригодный для жизни вид, – проходила вдоль северной стороны дороги на протяжении около четверти мили, а оттуда сворачивала в сторону предгорий. Поверх надписи «Участок 117-Н-2» стояла печать главного инженера.

Отец смотрел туда, где завершалась дорога. Прямо поперек ее пересекал поток застывшей лавы высотой с меня, неприступный и суровый, словно зима в штате Мэн.

– Билл, – спросил отец, – насколько ты хороший индеец?

– Пожалуй, неплохой.

– Надо попробовать измерить участок шагами, идя прямо на запад.

Но это оказалось почти невозможно. Постоянно приходилось двигаться в обход, оскальзываясь на лаве, которая только внешне кажется мягкой. Отец ободрал ногу, а я обнаружил, что потерял счет пройденным шагам. Наконец, перебравшись через лаву, мы вышли на поле каменных глыб размером от кулака до целого дома, которые оставил после себя растаявший ледник – на его месте теперь располагалась лагуна Серенидад.

Как говорит Джордж, у Ганимеда наверняка была бурная молодость среди горячего пара и вулканических извержений.

Преодолеть поле валунов было несколько проще, зато выдерживать прямое направление – намного сложнее. Вскоре отец остановился.

– Билл, – сказал он, – ты знаешь, где мы?

– Нет, – признался я, – но мы вовсе не заблудились. Если двинемся на восток, рано или поздно выйдем к обработанной земле.

– Пожалуй, стоит так и сделать.

– Погоди.

Впереди виднелся особенно крупный валун. Огибая камни, я подошел к нему и сумел вскарабкаться на его вершину, отделавшись лишь царапиной на руке.

– Вижу дорогу, – сообщил я отцу. – Мы к северу от того места, где нам следует быть. Похоже, мы слишком далеко зашли.

Запомнив ориентир, я слез с камня. Пройдя, как мне показалось, нужное расстояние на юг, мы снова свернули на восток.

– Похоже, мы промахнулись, Джордж, – вскоре сказал я. – Не такой уж я хороший индеец.

– Правда? – спросил он. – А это что?

Отец чуть опередил меня и теперь стоял возле каменной пирамиды с плоской плитой наверху, на которой было написано краской: «117-Н-2, Юго-Вост. угол».

Последние полчаса мы находились на территории нашей фермы – к ней относился и громадный валун, на который я взбирался. Присев на относительно ровный камень, мы огляделись вокруг. Какое-то время мы оба молчали, думая об одном и том же: если это ферма, то я прихожусь сам себе двоюродным дедушкой.

Отец что-то пробормотал.

– Что? – переспросил я.

– Голгофа, – громче проговорил он. – Голгофа, обитель черепов.

Проследив за его взглядом, я увидел большой камень, лежавший поверх другого. В лучах солнца он действительно напоминал скалящийся череп.

Тишина стояла такая, что слышно было, как звенит в ушах. Окружающая обстановка вгоняла в тоску. Я отдал бы что угодно, лишь бы услышать какой-то звук или увидеть какое-то движение. Даже выскочившую из-за камня ящерицу я готов был расцеловать от счастья.

Но ящериц здесь никогда не существовало.

– Билл, – наконец спросил отец, – уверен, что справишься?

– Конечно уверен.

– Знаешь, тебе это вовсе не обязательно. Если хочешь вернуться на Землю и поступить в Массачусетский технологический – могу устроить к следующему рейсу.

Возможно, он считал, что, если я вернусь, я смогу забрать с собой Пегги и она захочет лететь со мной. Может, мне и стоило что-то заметить по этому поводу, но я лишь спросил:

– А ты собираешься вернуться?

– Нет.

– Вот и я тоже.

Тогда я сказал так скорее из упрямства – следовало признать, что наша «ферма» вовсе не похожа на молочные реки в кисельных берегах и на самом деле выглядит весьма мрачно. Вряд ли кто-то, кроме некоего сумасшедшего отшельника, захотел бы здесь поселиться.

– Подумай хорошенько, Билл.

– Я уже обо всем подумал.

Мы еще немного посидели молча, погруженные в размышления. Внезапно мы едва не подпрыгнули, услышав чье-то пение. Мгновение назад я желал услышать хоть какой-то звук, но, когда он действительно раздался, ощущение было такое, будто меня схватила во тьме чья-то липкая рука.

– Что за... – проговорил отец.

Оглянувшись, я увидел идущего в нашу сторону рослого мужчину. Несмотря на свои размеры, он скользил между камней, словно горный козел, почти паря в воздухе при пониженной

силе тяжести. Когда он подошел ближе, я понял, что уже видел его раньше – он присутствовал на Суде чести, его звали мистер Шульц.

Отец помахал ему, и вскоре он остановился рядом с нами. Ростом он был на голову выше отца и обладал столь крупной фигурой, что его хватило бы на нас двоих, – особенно выделялись бочкообразная грудь и толстый живот. Голову его покрывали густые рыжие волосы, а на грудь падала похожая на путаницу медных пружин борода.

– Приветствую, граждане, – прогремел он. – Меня зовут Иоганн Шульц.

Отец представил нас друг другу. Мы обменялись рукопожатием, и моя ладонь почти утонула в руке Шульца, который пристально посмотрел на меня и сказал:

– Кажется, Билл, мы уже виделись.

Я ответил, что да, на скаутских сборах.

– Командир патруля? – кивнув, добавил он.

Я признался, что раньше действительно был таковым.

– Скоро станешь снова, – сказал Шульц, словно дело было уже решенным, и повернулся к отцу. – Кто-то из киндеров видел, как вы идете по дороге, и мама послала меня, чтобы я пригласил вас к нам на чай и кусочек ее доброго кофейного пирога.

Отец ответил, что это весьма любезно с их стороны, но мы не хотели бы навязывать им свое общество. Мистер Шульц, похоже, его не слышал. Отец объяснил, зачем мы здесь, и показал ему карту и каменную пирамиду.

– Значит, будем соседями, – несколько раз кивнув, ответил Шульц. – Неплохо, неплохо! Кстати, соседи зовут меня Джон или иногда Джонни.

Отец сказал, что его зовут Джордж, и с этого момента они стали закадычными друзьями.

Встав возле пирамиды, мистер Шульц взгляделся на запад, затем на север, в сторону гор. Потом он забрался на большой валун, чтобы лучше было видно, и посмотрел еще раз. Мы поднялись следом за ним.

– Дом ставьте там, недалеко от дороги, но не на ней самой, – сказал он, показывая в сторону возвышенности к западу от нас. – И сперва обработайте этот участок – тогда в следующем сезоне сможете продвинуться дальше к холмам. – Он посмотрел на меня. – Что, нет?

Я ответил:

– Пожалуй, да.

– Это хорошая земля, Билл, – продолжал он. – У вас будет отличная ферма.

Он нагнулся, подобрал камень и потер его в пальцах.

– Хорошая земля, – повторил он и, осторожно положив камень, выпрямился. – Мама нас ждет.

Мама Шульц действительно нас ждала, и ее «кусочек кофейного пирога» скорее напоминал встречу блудного сына. Но прежде чем войти в дом, мы невольно остановились, восхищаясь деревом.

Это было настоящее дерево – яблоня, на поросшей чудесной зеленой травой лужайке перед домом. Более того, на двух ее ветвях висели плоды. Я уставился на них, раскрыв рот.

– Красиво, да, Билл? – спросил мистер Шульц, и я с ним согласился.

– Да, – продолжал он, – это самое прекрасное дерево на Ганимеде, и знаешь почему? Потому что на Ганимеде оно единственное.

Он шумно рассмеялся и ткнул меня под ребра, словно только что сказал нечто забавное. Ребра у меня потом болели неделю.

Мистер Шульц рассказал отцу обо всем, что ему приходилось делать, чтобы заставить дерево расти, и какую глубокую яму пришлось для него вырыть, а потом провести канал, чтобы ее осушить. Отец спросил, почему оно плодоносит только с одной стороны.

– На будущий год опылим другую сторону, – ответил мистер Шульц, – и тогда у нас будут сорта «Старк Делишес» и «Римская красавица». А в этом году – «Род-Айлендские зеленые» и «Винный сок».

Он протянул руку и сорвал яблоко:

– Билл, держи «Винный сок».

Поблагодарив, я откусил от яблока. Вряд ли мне доводилось пробовать что-либо вкуснее.

Мы вошли в дом, где познакомились с мамой Шульц и еще четырьмя или пятью другими Шульцами разного возраста – от ползавшего в песке на полу младенца до девочки моего возраста и почти такого же роста. Ее звали Гретхен, и волосы у нее были рыжие, как у отца, только прямые и заплетенные в длинные косы. Мальчики были в большинстве своем блондинами, в том числе те, с которыми я познакомился позже.

Дом состоял в основном из просторной гостиной с большим столом посередине, роль которого играла каменная плита фута четыре в ширину и двенадцать-тринадцать в длину, опиравшаяся на три каменных столба. Судя по тому, как мама Шульц нагрозила стол, даже хорошо, что он был каменным.

Вдоль стола тянулись две каменные скамьи, а с каждого конца – два настоящих кресла, сделанных из бочек для нефти и кожаных подушек.

Вытерев передником лицо и руки, мама Шульц обменялась с нами рукопожатиями и настояла, чтобы отец сел в ее кресло, – как она объяснила, ей самой все равно сидеть долго не придется. Затем она вернулась к готовке, а Гретхен налила нам чаю.

Кухня располагалась в конце комнаты, и центральную ее часть занимал большой каменный камин. Он выглядел совсем как настоящий – каковым, как я позднее выяснил, и являлся, хотя, естественно, никакие дрова в нем никогда не горели и он использовался лишь в качестве вентиляционной трубы. Но папе Шульцу хотелось иметь камин, и он его получил. В стену была вделана печь мамы Шульц.

Мне показалось, будто печь облицована голландскими изразцами, хотя я не мог в это поверить. Кто бы стал везти сюда с Земли нечто столь бесполезное, как декоративная плитка?

– Что, неплохо рисует моя малышка Кэти? – сказал папа Шульц, проследив за моим взглядом.

Одна из средних девочек покраснела, приснула и выбежала из комнаты.

От моего яблока ничего не осталось, кроме крошечного огрызка, и я не знал, что с ним делать в столь безупречно чистом помещении, но тут папа Шульц протянул руку:

– Дай сюда, Билл.

Я отдал огрызок. Взяв нож, папа Шульц аккуратно отделил семечки. Кто-то из детей вышел и принес маленький бумажный конверт, в который он поместил семечки, а потом заклеил и подал мне.

– Держи, Билл, – сказал он. – У меня только одна яблоня, но у тебя их теперь восемь!

Я слегка удивился, но все же поблагодарил его.

– По эту сторону от того места, где ты будешь строить свой дом, есть овраг, – продолжал он. – Если заполнишь его слой за слоем, создавая плодородную почву, и добавишь совсем немного затравки, сможешь вырастить там целый ряд деревьев. Когда подрастут твои саженцы, мы привьем их с моего дерева.

Я осторожно убрал конверт с семенами в сумку.

Появились еще несколько мальчиков. Они вымыли руки, и вскоре мы все сидели за столом, наслаждаясь жареным цыпленком, картофельным пюре, консервированными томатами и прочим. Мама Шульц сидела рядом со мной, настаивая, чтобы я побольше ел, а то у меня душа еле в теле держится – что, естественно, было неправдой.

После, пока Джордж разговаривал с папой Шульцем, я познакомился с детьми. Четверых мальчиков я знал – они были скаутами. Пятый, Иоганн-младший – все звали его Йо, – был

старше меня, лет двадцати, и работал в городе под началом главного инженера. Остальных звали Хуго и Петер – оба скауты-волчата. Кроме них, был еще Сэм, а также Вик – скаут-разведчик, как и я. Младенец оказался девочкой, а ее старших сестер звали Кэти и Анна – они походили на близнецов, хотя ими не были, – и Гретхен. И все они говорили одновременно.

Наконец меня позвал отец:

– Билл, как ты знаешь, у нас нет шансов получить камнедробилку в ближайшие несколько месяцев.

– Да, – слегка озадаченно кивнул я.

– Каковы твои планы на это время?

– Ну... пока точно не знаю. Буду учиться тому, чем придется заниматься.

– Гм... мистер Шульц любезно предложил взять тебя к себе подручным на ферму. Что скажешь на этот счет?

14. Моя собственная земля

Папа Шульц нуждался в подручном не больше, чем я во второй паре ушей, но это не помешало мне перебраться к ним. В их семье работали все, кроме малышки, и можно было не сомневаться, что она начнет мыть посуду, едва встав на ноги. Все трудились не покладая рук, и, похоже, это им нравилось. Когда дети не работали, они делали домашние задания, и мальчиков, не справлявшихся с уроками, наказывали, оставляя их дома вместо работы в поле.

Мама Шульц слушала, как они рассказывают выученное, одновременно занимаясь готовкой. Иногда ей приходилось выслушивать то, чего она наверняка никогда сама не изучала, но знания детей проверял и папа Шульц, так что особого значения это не имело.

Что касается меня, то я многое узнал о свиньях, коровах, курах, а также о том, как разводить затравку, создавая тем самым новую. Затравкой назывались доставлявшиеся с Земли концентрированные почвенные культуры с бактериями и прочим, без которых было не обойтись для поддержания жизни в поле.

Учиться пришлось многому. Взять, к примеру, коров – половина людей не может отличить собственную левую руку от правой, так что кто бы мог подумать, будто в подобном разбирается корова? Но, как я выяснил, попытавшись доить одну из них левой рукой, вполне.

Работать приходилось не разгибаясь, в столь же примитивных условиях, как на какой-нибудь китайской ферме. Стандартным средством транспорта служила обычная тачка, но я перестал усмехаться при ее виде, узнав, сколько она стоит на Бирже.

Отсутствие техники вовсе не было связано с отсутствием энергии – ее можно было получить сколько угодно посредством антенны на крыше дома. И тем не менее вся имевшаяся в колонии техника принадлежала всей колонии, причем только та, без которой колония никак не могла обойтись, – вроде камнедробилок, а также оборудования для тепловой ловушки и самой энергостанции.

Как объяснил Джордж, любая доставка с Земли являлась компромиссом между людьми и грузом. Колонисты постоянно требовали присылать больше техники и меньше иммигрантов, но Комитет по делам колоний настаивал на как можно большем количестве людей за счет сведения к минимуму ввозимого груза.

– Комитет, естественно, прав, – продолжал он. – Если будут люди, будет и техника – мы сделаем ее сами. К тому времени, когда у тебя появится своя семья, Билл, иммигранты будут прибывать сюда с голыми руками, вообще без багажа, а мы сможем снабдить каждого всем необходимым, от пластиковых тарелок до культиваторов.

– Если ждать, пока у меня появится своя семья, – сказал я, – то это надолго. Пожалуй, холостяк куда более легок на подъем.

Отец лишь улыбнулся в ответ, словно знал нечто такое, чего не знал я, но не хотел говорить. Мы отправились вместе с ним в город поужинать в компании Молли и Пегги, которых я почти не видел с тех пор, как стал работать у папы Шульца. Молли преподавала в школе, Пегги, естественно, бывать на ферме не могла, а отец был занят на месторождении окиси алюминия в двадцати милях к востоку от города. Проект отнимал все его свободное время, и он говорил, что на будущий ганимедский год можно будет продавать листовой алюминий.

Надо сказать, фермерский труд на Ганимеде не казался столь уж тяжким. Во многом помогала низкая сила тяжести – не приходилось тратить лишние силы, таская собственную тушку. На харчах мамы Шульц я набрал сто сорок два фунта массы и, соответственно, весил меньше пятидесяти фунтов вместе с башмаками и прочим. Столь же легкой казалась и нагруженная тачка.

Но вряд ли кто-то догадался бы, что облегчало работу по-настоящему.

Здесь не было сорняков.

Они отсутствовали как таковые – мы всерьез постарались, чтобы их не завезти. После того как была подготовлена почва, оставалось лишь, по сути, бросить семена в землю и побыстрее отойти, прежде чем взошедший росток не угодил тебе в глаз.

Естественно, это вовсе не означало, что нам не приходилось работать. Работы на ферме хватало даже без сорняков, а учитывая легкий вес нагруженной тачки, мы попросту перевозили за то же время втрое больший объем. Но развлекаться нам это нисколько не мешало – я никогда еще не встречал семью, которая столько смеялась.

После ужина я играл на аккордеоне, который принес из города. Мы все хором пели, подхватывая следом за рокочущим басом папы Шульца и пытаясь попасть в мелодию. И всем нам было весело.

Когда Гретхен преодолела свою робость в общении со мной, оказалось, что она ужасно любит дразниться. Но я всегда мог ответить ей тем же, делая вид, будто ее волосы охвачены огнем, и грея над ними руки или угрожая облить ее водой, пока она не подожгла дом.

Наконец наступил день, когда подошла очередь воспользоваться камнедробилкой, о чем я почти пожалел, – настолько мне было хорошо в компании Шульцев. Но к тому времени я уже мог кастрировать петуха или высадить кукурузную грядку. Мне еще многому предстояло научиться, но и причин, по которым я не мог бы обустроить собственную ферму, тоже не находилось.

Нам с отцом пришлось подготовить нашу ферму к работе камнедробилки, взорвав динамитом самые крупные валуны, – камнедробилка подавилась бы чем-либо крупнее бочонка, но со всем остальным прекрасно справлялась. К счастью, динамит стоит дешево, и мы его не жалели. Сырьем для него является нитроглицерин, который не требовалось завозить с Земли, – глицерин получают из животных жиров, а азотная кислота представляет собой побочный продукт проекта по созданию атмосферы.

Отец провел со мной две недели, превращая крупные глыбы в камни средней величины, а потом решил, что завершение работы можно безопасно доверить мне. В дальнем конце нашего участка тек маленький ручеек талой воды, и мы взрывами проложили для него новое русло, ведущее ближе к тому месту, где должен был стоять дом. Мы временно оставили русло сухим, намереваясь взорвать естественную каменную плотину позже. Один довольно большой холм мы снесли полностью, засыпав его остатками овраг со стороны озера. Заряд потребовался немалый, и я едва не отправился на тот свет, недооценив радиус разлета осколков.

Работа шла легко и споро. Я одолжил в конторе главного инженера вибродрель, с помощью которой можно было проделать в камне скважину глубиной в двадцать футов с той же легкостью, с какой горячий нож входит в масло. Потом – засыпать порох, заполнить остальную часть дыры каменной пылью, поджечь фитиль и бежать со всех ног!

Но самую большую радость я испытал, взорвав тот камень, что был похож на оскаленный череп. Наконец-то я разделался с его ухмылкой!

Пока мы занимались взрывными работами, у нас побывал гость. Мы с отцом только что сели пообедать, когда явился Сондерс – «человек-лобби», как называл его Джордж. Мы пригласили его разделить с нами еду – сам он не принес с собой ничего, кроме собственного аппетита.

Он постоянно на что-то жаловался. Отец попытался сменить тему, спросив его, как он справляется с расчисткой своего участка. Сондерс ответил, что работа идет медленно.

– Вы ведь получаете камнедробилку после нас? – спросил отец.

Сондерс ответил утвердительно и добавил, что хотел бы одолжить немного пороха, поскольку иначе он может не успеть. Отец согласился, хотя это означало, что завтра ему пришлось бы снова отправляться сюда из города после работы.

– Знаете, мистер Лермер, – продолжал Сондерс, – я вот все думаю, и мне кажется, что мы занимаемся не своим делом.

– Правда? – не понял Джордж.

– Именно! Прежде всего взрывные работы – не для поселенцев; их должны проводить специально обученные команды, присланные правительством. В любом случае так записано в контракте – нам должны предоставить обработанную землю.

Отец спокойно ответил, что мысль, может, и хорошая, но он не знает, где взять столько обученных команд для работы на полутора тысячах новых ферм.

– Пусть их нанимает правительство! – заявил мистер Сондерс. – Пусть доставляют их с Земли. Послушайте, мистер Лермер, вы же работаете в конторе главного инженера. Почему бы вам не высказаться от имени всех остальных?

Джордж взял вибродрель и подготовил очередной заряд.

– Боюсь, вы не к тому обратились, – наконец ответил он. – Я работаю совсем в другом отделе.

Похоже, мистер Сондерс и сам понял, что ничего не добьется.

– Во-вторых, – сказал он, – я поинтересовался здешней почвой, или тем, что тут так называется. И опять все не так, как надо. – Он пнул камень. – Эта дрянь ни на что не годится. На ней ничего не вырастишь.

– Естественно, – согласился отец. – Сперва нужно подготовить почву.

– Вот и я об этом, – продолжал Сондерс. – Нужна почва – хороший плодородный чернозем. Нам говорят, чтобы мы создавали ее сами – по квадратному футу за раз. Запахивали в нее отбросы, разводили земляных червей и занимались всякими прочими глупостями.

– Знаете способ получше?

– Уж точно знаю! Собственно, к этому я и веду. Мы тут ковыряемся, следуя указаниям бюрократов, которые ни разу урожая не снимали, и все это ради нескольких дюймов второсортной почвы, в то время как нас ждут не дождутся миллионы кубических футов плодороднейшего чернозема.

Отец резко поднял взгляд:

– Где?

– В дельте Миссисипи, вот где! Там слой чернозема в сотни футов...

Мы оба странно посмотрели на него, но он, похоже, говорил вполне серьезно.

– ...Да, землю действительно нужно сперва разровнять. Но потом – засыпать камни настоящей земной почвой на глубину по крайней мере в два фута. Только тогда будет смысл заниматься фермерством. Пока же мы просто впустую теряем время.

– Вы хоть представляете, сколько это будет стоить? – помолчав, спросил отец.

– Неважно, – отмахнулся мистер Сондерс. – Важно то, что мы получим в итоге. Правительство ведь хочет, чтобы мы тут поселились? В таком случае, если мы все объединимся и настояим на своем, мы будем иметь то, чего хотим.

Он торжествующе выпятил подбородок.

Джордж хотел было возразить, но промолчал. Засыпав заряд каменной пылью, он выпрямился и утер пот со лба.

– Послушайте, гражданин, – сказал он, – вы что, не видите, что мы заняты? Я собираюсь поджечь фитиль, и вам, пожалуй, стоит отойти подальше.

– Уф? – буркнул Сондерс. – И насколько мощный этот заряд? Как далеко мне отойти?

Будь он внимательнее, сам бы мог понять, насколько мощный заряд и как далеко ему следует отойти.

– Ну, скажем, мили на полторы или даже две, – ответил отец. – Чем дальше, тем лучше.

Сондерс взглянул на него, пренебрежительно фыркнул и направился прочь. Мы отошли подальше и взорвали заряд. Пока готовили следующий, я заметил, что Джордж задумчиво шевелит губами.

– Если скромно считать, что кубический фут чернозема весит сто фунтов, – наконец сказал он, – потребуется полностью загрузить «Мэйфлауэр», чтобы один только мистер Сондерс смог получить ферму, которую, как он полагает, должны преподнести ему на блюдечке. При таких темпах потребуется ровно тысяча ганимедских лет – пятьсот земных, – чтобы «Мэйфлауэр» доставил почву для всех наших ферм.

– Ты забыл про «Крытый фургон», – добавил я.

– О да! – улыбнулся Джордж. – Когда «Крытый фургон» войдет в строй, мы сможем сократить данный срок до двухсот пятидесяти лет – при условии, что новых иммигрантов не будет и всем запретят заводить детей! – Он нахмурился. – Билл, почему некоторые вполне взрослые на вид люди не разбираются в простой арифметике?

Я не знал, что ответить, и он продолжил:

– Ладно, Билл, давай работать дальше. Боюсь, нам так и придется ковыряться, как выражается наш друг Сондерс, даже если его это не устраивает.

Утром, когда должна была прибыть камнедробилка, я ждал ее в конце трассы. Машина двигалась со скоростью двадцать миль в час, заполнив собой дорогу от края до края. У лавовой стены она остановилась. Я помахал водителю; он помахал в ответ, затем машина несколько раз взрыгнула, продвинулась вперед и отгрызла кусок лавы.

Лава представляла для нее не большую преграду, чем арахисовая скорлупа. Встроенный в ее шасси виброрезак входил в лаву, словно нож хозяйки, отделяющей бисквит от сковороды, затем большая стальная лопата впереди откалывала кусок, и конвейер отправлял его прямо в пасть машины.

Водитель мог либо сбросить раздробленный материал под катки в задней части машины, либо откинуть его в сторону. В данный момент он так и поступал, оставляя сделанный виброрезаком чистый срез, который становился дорожным полотном – немного пыльным, но несколько дождей быстро поправили бы дело.

Машина производила страшный шум, но водителя это, похоже, нисколько не волновало, а может, даже ему нравилось – довольно сильным ветром пыль уносило прочь, и поднятый на лоб респиратор не скрывал улыбку на его лице.

К полудню он добрался до нашего участка. Мы вместе поели, а потом он начал разравнивать место для моей фермы – пять акров; с остальным приходилось подождать. Мне и так повезло, что я мог получить землю для обработки на несколько месяцев раньше изначального графика. Вторым рейсом «Мэйфлауэр» доставил еще три камнедробилки и совсем немного иммигрантов – ровно столько, чтобы заменить тех, кто отказался и вернулся назад. Именно о таком компромиссе городской совет договорился с Комитетом по делам колоний.

Когда камнедробилка вместо лавы вгрызлась в твердую породу, грохот стал еще хуже, но мне он казался музыкой, и за работой машины я мог наблюдать без конца. Каждая пережеванная ею каменная глыба означала кусочек земли для меня. К ужину вместе с отцом появился водитель-сменщик. Какое-то время мы вместе смотрели, как тот работает; потом отец вернулся в город, а я остался. Около полуночи я направился к пока не обработанному участку, нашел большой камень, чтобы солнце не било в глаза, и прилег вздремнуть.

Я проснулся оттого, что меня тряс за плечо водитель:

– Вставай, парень, теперь у тебя есть ферма.

Поднявшись, я огляделся вокруг, потирая глаза. Пять акров, с дренажной канавой по контуру и небольшой возвышенностью посередине, где должен был стоять дом. У меня появилась ферма.

Следующим логичным шагом становилось возведение дома, но в соответствии с графиком на следующей неделе должен был прибыть жевун. Жевун – своего рода камнедробилка-детеныш. Вместо антенны он работает на батареях и прост в обращении, так что с ним может управиться каждый. Его задача – довершить начатое камнедробилкой, по сравнению с которой он выглядит маленьким и слабым. В колонии их имелось около сорока.

Камнедробилка оставила после себя слой каменных обломков размером с мой кулак на несколько футов в глубину. Спереди жевуна были гребни разной величины. Грубый гребень погружался в камни примерно на полтора фута, выбирая самые большие, которые отправлялись в воронку машины, где перемалывались в обломки с грецкий орех.

Пройдясь по земле грубым гребнем, его отсоединяли и меняли на средний, а также перенастраивали дробящие катки. На этот раз проход совершался на глубину всего в десять дюймов, а результатом его становился гравий. Затем то же самое проделывали со среднетонким гребнем, потом с тонким, и после обработки верхних шести дюймов почвы они превращались в каменную пыль, напоминавшую тончайший песок. Она оставалась все столь же мертвой, но была готова к зарождению в ней жизни.

Так повторялось раз за разом, каждый раз продвигаясь на дюйм. Чтобы полностью использовать выделенное время, жевун должен был оставаться в движении круглые сутки, пока его не заберут. Весь первый день я провел в его седле, пообедав на ходу. После ужина меня сменил отец, потом пришел из города Хэнк, и мы менялись всю ночь – собственно светлую фазу, поскольку это была ночь понедельника.

На следующий день папа Шульц нашел меня спящим с головой на приборной панели и отправил к себе домой, чтобы я как следует выспался. С тех пор каждый раз, когда я оставался один на четыре или пять часов, появлялся кто-то из Шульцев. Не знаю, как мы с отцом справились бы без них в темную фазу той недели.

Но мне действительно помогли, и к тому времени, когда нужно было отдавать жевун следующему пользователю, почти три с половиной акра были готовы к тому, чтобы засеять их затравкой.

Близилась зима, и мне хотелось побыстрее обзавестись домом, чтобы провести в нем зимний месяц, но для этого мне пришлось бы напрячься всерьез. Нужно было что-то посадить, чтобы весеннее таяние не смыло верхний слой почвы. Короткий ганимедский год не так уж плох, и я этому даже рад – на Земле зима тянется дольше, чем это реально необходимо. С другой стороны, отдыхать просто некогда.

Папа Шульц посоветовал посадить траву – мутировавшая трава могла расти на стерильной почве, примерно как растения в гидропонных растворах. Ковер из корешков удержал бы почву, даже если бы зима погубила траву, и через корни могла распространяться инфекция из затравки.

Затравка, по сути, представляет собой всего лишь хороший чернозем с Земли, кишачий бактериями, грибами и микроскопическими червями – всем необходимым, кроме крупных

дождевых червей, которых приходится добавлять самому. Однако просто так земную почву на Ганимед не привезешь. В каждой ее горсти содержатся сотни полезных растительных и животных организмов, но, помимо них, и сотни полностью нежелательных: микробы столбняка, болезнетворные вирусы растений, гусеницы-совки, споры, семена сорняков. Большинство из них слишком малы, чтобы их можно было увидеть невооруженным глазом, а некоторые даже невозможно отфильтровать.

Соответственно, для изготовления затравки в лабораториях на Земле требовалось создать чистые культуры всех необходимых бактерий, вырастить в лабораторных условиях маленьких червячков, грибки и все прочее, что нужно было сохранить, а потом взять саму почву и сделать ее безжизненной, словно лунный грунт, облучив, прокалив и проверив на полную стерильность. Затем в мертвую почву следовало поместить все сохраненные формы жизни, после чего получалась затравка. Доставленное на Ганимед изначальное сырье разбавлялось вшестеро, после чего ему давали разрастись и разбавляли снова. В центре затравки, который получал поселенец, мог содержаться всего фунт настоящей земной почвы.

Прилагались все возможные усилия для того, чтобы, как говорят экологи, «ограничить вторжение извне» до приемлемого уровня. Описывая наше путешествие, я, возможно, не упомянул, что наша одежда и багаж подверглись стерилизации, и, прежде чем мы снова смогли надеть свою земную одежду, нам пришлось пройти тщательную обработку специальным моющим средством. После двух месяцев пути это была единственная настоящая помывка, но после нее от меня несло больницей.

Тягачи доставили полагающуюся мне норму затравки, и я вышел в то утро пораньше из дома Шульцев, чтобы их встретить. Есть разные мнения насчет того, как использовать затравку. Некоторые поселенцы разбрасывают ее равномерно, рискуя, что она может погибнуть, некоторые засеивают небольшие гнезда через каждые шесть или восемь футов в шахматном порядке... так надежнее, но медленнее. Я раздумывал, как поступить мне, когда вдруг заметил какое-то движение на дороге.

Шесть человек толкали перед собой тачки. Когда они подошли ближе, я понял, что вижу перед собой всю мужскую часть семьи Шульцев, и вышел им навстречу.

Каждая тачка была нагружена гниющим мусором – и все это предназначалось мне! Похоже, папа Шульц специально его собирал, чтобы устроить мне сюрприз. Я не знал, что сказать.

– Ого, папа Шульц, даже не знаю, как вас отблагодарить!

Он яростно уставился на меня:

– Какая тут может быть благодарность, если у нас компоста по самые уши?

Затем он велел мальчикам вывалить содержимое тачек поверх моей затравки, взял вилы и начал все перемешивать столь же тщательно, как мама Шульц взбивала яичный белок.

Всю работу он взял на себя, так что особо беспокоиться мне не пришлось. По его мнению – которое я даже не пытался оспорить, – имевшихся у нас удобрений хватало примерно на акр, и метод Шульца заключался в том, чтобы перемешать их с почвой. Но он не стал выбирать один сплошной акр, а проложил семь полос длиной в пару сотен ярдов каждая, тянувшихся через мою переработанную и пережеванную почву на расстоянии в тридцать пять или сорок футов друг от друга. Все мы взяли по тачке – шесть их и одну мою – и разбросали удобрение вдоль каждого ряда.

Закончив и поставив каменные пирамидки, обозначающие, где проходят полосы, мы разрыхлили землю на протяжении пяти-шести футов по обеим сторонам каждого ряда. Около полудня появились мама Шульц с Гретхен, разгрузили свои тачки, и мы сделали перерыв, устроив пикник.

После обеда Йо должен был вернуться в город, но он почти доделал свою полосу. Папа Шульц закончил свою и начал помогать Хуго и Петеру, которые были слишком малы, чтобы

как следует управляться с граблями. Вскоре я разделался со своей полосой и смог довершить оставшуюся после Йо часть. В конце дня появился отец, рассчитывая, что ему придется помогать мне весь вечер, – была светлая фаза, и работать можно было до тех пор, пока не станешь валиться с ног. Но на его долю ничего не осталось, и он тоже не знал, как их всех отблагодарить.

Хотелось думать, что мы справились бы и без Шульцев – возможно, нам это даже бы удалось, – но я в этом несколько сомневаюсь. Первопроходцы нуждаются в добрых соседях.

Всю последующую неделю я вносил искусственные нитраты – отходы из реактора колонии – в промежутки между полосами. Не столь качественная подкормка, как затравка с Земли, но в любом случае не столь дорогая.

Затем я начал косить траву – вручную, совсем как в Библии, – и аккуратно сгребать ее граблями. И тут снова явился этот старый паразит Сондерс – он появлялся и до этого, но только тогда, когда рядом со мной не было отца. Вероятно, ему было попросту одиноко. Семья его оставалась в городе, а сам он построил себе хижину из камней высотой в десять футов. Фермой он практически не занимался, и я не мог понять, что он вообще собирается делать.

– Привет, – сказал я, не отрываясь от работы.

Какое-то время он мрачно наблюдал за мной, после чего наконец спросил:

– Ты что, юноша, всерьез хочешь, чтобы у тебя разорвалось сердце?

Я ответил, что никаких перебоев с сердцем пока не замечал, и в любом случае – разве он сам не обустроивает ферму?

– Нет уж! – фыркнул он.

– Тогда чем вы вообще занимаетесь?

– Билет себе покупаю, вот чем.

– Да?

– Единственное, что тут можно продать, – обработанная земля. Так что я намерен сыграть с ними в их же собственную игру. Приведу этот участок в надлежащий вид, потом сбегрю его очередному неудачнику, а сам со своими отправлюсь напрямик на старушку Землю. И если ты не полный дурак – советую тебе поступить так же. Фермером ты здесь никогда не станешь. Это невозможно.

Он уже успел меня утомить, но я не из тех, кто готов на откровенную грубость.

– Ну, не знаю, – сказал я. – Взять, к примеру, мистера Шульца – у него прекрасная ферма.

– Ты про Джонни Яблочное Семечко? – снова фыркнул Сондерс.

– Я про мистера Иоганна Шульца.

– Ну да, Джонни Яблочное Семечко. Все в городе его так называют. Он же чокнутый. Знаешь, что он сделал? Дал мне горсть яблочных семечек с таким видом, будто одарил меня богатствами царя Соломона.

Я опустил грабли:

– А что, разве нет?

Сондерс сплюнул мне под ноги:

– Да он просто клоун, только и всего.

– Мистер Сондерс, – сказал я, замахиваясь граблями, – вы стоите на моей земле, моей собственности. Даю вам две секунды, чтобы вы убрались прочь и никогда больше не возвращались.

– Эй! – Он попятился. – А ну-ка прекрати! Поосторожнее со своими граблями!

– Убирайтесь! – повторил я.

И он убрался.

Проблема с домом заключалась в том, что на Ганиমেде постоянно случаются небольшие землетрясения. Это как-то связано с изостазией, что на самом деле означает всего лишь «равенство давления», но по сути это целая наука о том, как горы уравнивают моря и почему на всей планете одинаковая сила тяжести.

Это связано еще и с приливными течениями, что несколько странно, поскольку на Ганимеде никаких приливов не бывает – Солнце слишком далеко, чтобы как-то на них влиять, и Ганимед всегда повернут одной и той же стороной к Юпитеру. Да, можно заметить маленький прилив в лагуне Серенидад, когда Европа ближе всего к Ганимеду, и даже крошечное воздействие от Каллисто и Ио, но таких приливов, как на Тихом океане, здесь не бывает никогда.

Зато есть застывшие приливные течения. Как объясняет мистер Хукер, главный метеоролог, Ганимед был ближе к Юпитеру, когда он остыл и стал вращаться медленнее, и в коре планеты образовалась своего рода ископаемая приливная выпуклость. Как известно, такая есть и на Луне.

Потом появились мы, расплавили полярную шапку и снабдили Ганимед атмосферой. Давление на планете перераспределилось, и происходит восстановление изостатического баланса, что приводит к постоянным слабым землетрясениям.

Мне, как уроженцу Калифорнии, хотелось иметь сейсмостойкий дом. Именно такой был у Шульцев, и мысль показалась мне неплохой, хотя на Ганимеде ни разу не случилось землетрясений такой силы, чтобы свалить с ног человека, не говоря уже о том, чтобы разрушить дом. С другой стороны, большинство колонистов особо этим не заморачивались – не так-то просто построить сейсмостойкий дом из камней.

Хуже того – это попросту дорого. Основной перечень оборудования, обещанного колонисту в его контракте на эмиграцию, выглядит достаточно прилично: мотыга, лопата, тачка, ручной культиватор, ведро и так далее, – но, когда всерьез берешься за дело, оказывается, что это только начало, и приходится отправляться на Биржу, чтобы купить много чего другого. Я уже задолжал почти полтора обработанных акра еще до того, как зашла речь о постройке дома.

Как обычно, мы согласились на компромисс. Одна комната должна была стать сейсмостойкой герметичной камерой, поскольку она предназначалась Пегги. Девочке становилось лучше, но она все равно не могла переносить низкое давление. Если наша семья собиралась перебраться на ферму, спальню Пегги требовалось оборудовать шлюзом и установить в нем воздушный насос. Все это стоило денег.

Прежде чем я закончил возделывать участок, мне пришлось отдать в долг еще два акра. Отец пытался за меня поручиться, но ему прямо заявили, что, не будучи поселенцем, он не обладает необходимой репутацией. На этом все и завершилось. Мы планировали построить одну комнату с усиленными стенами, надеясь позднее добавить к ней другие. Пока же дом должен был состоять из гостиной размером десять на двенадцать футов, где спал бы я, отдельной крошечной спальни для Джорджа и Молли и комнаты Пегги. И все это, кроме комнаты Пегги, – голые каменные стены с навесной крышей.

Маловато, да? Ну и что такого? Эйб Линкольн начинал с меньшего.

Я начал резать камень, едва закончив с посевами. Вибропила чем-то похожа на вибродрель, только она режет по прямой, а не сверлит дыру. При включенном питании нужно быть крайне осторожным, чтобы не лишиться пальцев или еще чего-нибудь, но камень разрезается, словно масло. В соответствии с контрактом вибропила предоставляется в пользование на двое суток бесплатно и при желании еще на двое по сниженной цене. Тщательно спланировав работу, я сумел втиснуться в два бесплатных дня. Мне не хотелось влезать в новые долги, поскольку я рассчитывал не позже чем через две весны обзавестись мерцающими прожекторами. Такие же стояли в полях у папы Шульца, что позволяло почти вдвое увеличить урожай. Земные растения непривычны к трем с половиной суткам темноты, но если воздействовать на них во время темной фазы мерцающим светом, старый добрый фотосинтез только прибавляет ходу.

Но с этим приходилось подождать.

В постройке дома принимал участие весь патруль – патруль Ауслендеров¹⁶, членом которого я являлся. Для меня это стало сюрпризом, хотя удивляться вряд ли стоило – в строительстве участвовали все, поскольку в одиночку возвести дом было просто невозможно. Я сам принимал участие в шести, – впрочем, двигало мною отнюдь не великодушие, а желание набраться опыта.

Но патруль появился еще до того, как я кому-либо рассказал о том, что готов заняться возведением дома.

Шагавший впереди Сергей остановил шумную компанию в том месте, где предполагалось поставить дом, и сурово обратился ко мне:

– Билл, не числится ли за тобой долгов как за скаутом?

– Сам знаешь, что нет, – ответил я.

– Тогда можешь помочь, но не путайся под ногами.

Внезапно он улыбнулся, и я понял, что это всего лишь шутка. Повернувшись к патрулю, он крикнул:

– Отрабатываем строительство дома! Всем разойтись и приступить к выполнению задания!

Внезапно происходящее стало напоминать телевизионную комедию, где все действие снято в ускоренном режиме. Я никогда прежде не видел, чтобы кто-то работал столь энергично, как они. Могу сказать одно: человека делает скаутом вовсе не скаутская форма. Впрочем, ни у кого из нас ее и не было – мы не могли позволить себе особую одежду специально для скаутских мероприятий.

Кроме Ауслендеров, с ними были Вик Шульц и Хэнк Джонс, оба из патруля Твердокаменных, а также Дуг Окадзима, вообще даже не из нашего отряда: он оставался в отряде имени Баден-Пауэлла. При виде ребят мне стало легко на душе. В последнее время я мало с ними общался – в светлую фазу всегда работал допоздна и не бывал на сборах, а в темную фазу у меня не возникало особого желания совершать после ужина девятимильную прогулку до города.

Почувствовав себя несколько глупо при мысли, что, хотя я, возможно, о них и забыл, они не забыли обо мне, я решил, что стану посещать сборы независимо от степени усталости, а также сдать зачеты на те две нашивки при первой же возможности.

Заодно я вспомнил о еще одном не доведенном до конца деле – Горлопане Эдвардсе. Увы, когда ты занят обустройством фермы, не возьмешь выходной лишь ради того, чтобы отыскать кое-кого и начистить ему физиономию. К тому же мне не помешало бы набрать еще с десяток фунтов – повторения прошлого раза мне вовсе не хотелось.

Почти сразу же появился отец вместе с двумя коллегами из своей конторы, и они занялись укреплением и герметизацией комнаты Пегги. Судя по всему, он был в курсе происходящего, в чем сам признался. Это была идея Сергея, и именно потому отец в свое время лишь отмахнулся от меня, когда я говорил ему, что пора позвать на помощь соседей.

– Слушай, Джордж, – сказал я, отведя отца в сторону, – чем, во имя всего святого, мы собираемся их всех кормить?

– На этот счет не беспокойся, – ответил он.

– Но как?

Всем известно, что поселенец, которому строят дом, обязан обеспечить помощников питанием, а я оказался к этому не готов.

– Я сказал: не беспокойся, – повторил он.

И тут я понял почему: появилась Молли с мамой Шульц, Гретхен, сестрой Сергея Марьюшкой и двумя подружками Пегги. Вряд ли они сумели бы унести на Земле тот груз,

¹⁶ *Ausländer* – иноземец (нем.).

который тащили сейчас. Пикник получился отменный, и Сергей с трудом заставил своих скаутов продолжить работу после обеда.

Теоретически готовкой занималась Молли у Шульцев, но я прекрасно знал маму Шульц – в любом случае следует признать, что кухарка из Молли так себе.

Молли принесла мне записку от Пегги: «Дорогой Билли, приходи сегодня вечером в город и все мне расскажи. Пожалуйста!» Я сказал Молли, что приду.

К восемнадцати часам того же дня на дом уложили крышу, и он был готов. Отсутствовала лишь дверь, остававшаяся на Бирже. Энергомодуль тоже мог появиться не раньше чем через неделю. Но у нас уже имелся дом, который мог защитить нас от дождя, а также маленький коровник, хотя никакой коровы у меня не было.

15. Зачем мы прилетели?

Судя по записям в моем дневнике, мы перебрались в дом в первый день весны.

Пришла Гретхен и помогла мне подготовиться к прибытию остальных. Я предложил позвать заодно и Марьюшку, поскольку работы хватало, но Гретхен лишь раздраженно бросила: «Как знаешь!» – и я передумал. Женщины порой бывают странными. Но, так или иначе, Гретхен и впрямь отличная работница.

Я спал в доме с момента его постройки, еще до того, как пришли техники из конторы главного инженера, чтобы установить антенну на крыше и провести свет и тепло. Но все это было еще до начала зимы, и я прожил месяц во вполне комфортных условиях, отделявая внутренность дома и собирая на лето лед, несколько тонн которого я сложил в овраге рядом с домом, где планировал в ближайшее время посадить яблони. Лед вполне мог пролежать там, пока я не сооружу настоящий холодный погреб.

Первые несколько месяцев после переезда в дом всей семьи стали самыми счастливыми в моей жизни. Мы снова были вместе, чему я был только рад. Отец все так же проводил большую часть темной фазы в городе, работая неполную неделю, но это всех устраивало, поскольку его интересовал проект по созданию местного производства, а работа помогала расплатиться с долгами. В светлую фазу мы трудились почти круглые сутки бок о бок или по крайней мере в пределах видимости.

Молли, похоже, нравилась роль домохозяйки. Я учил ее готовить, и она схватывала все на лету. Кулинария на Ганимеде – настоящее искусство. Много приходится готовить под давлением, даже выпечку, поскольку вода закипает при температуре чуть больше ста сорока градусов по Фаренгейту. Можно даже помешать кипяток пальцем, если не держать его там чересчур долго. Потом Молли начала учиться у мамы Шульц, но я не возражал – мама Шульц была настоящей мастерицей своего дела. Из Молли могла получиться отличная кухарка.

Пег, естественно, приходилось жить в своей комнате, но мы надеялись, что скоро она сможет оттуда выйти. Мы понизили давление до восьми фунтов на квадратный дюйм, смешав кислород и азот в равных пропорциях, и обычно все принимали пищу в ее комнате. Мне все так же досаждал плотный воздух, но приходилось с этим мириться ради совместных семейных обедов и ужинов. Вскоре я привык, и от смены давления у меня даже не болели уши.

Пегги могла также бывать на улице. Мы привезли ей из города надувные носилки – очередную вещь, купленную в кредит! – и отец оборудовал их газовым аппаратом от старого космического скафандра, который он позаимствовал у сотрудников проекта «Юпитер». Пегги могла забраться в носилки, закрывшись изнутри, после чего мы снижали давление в ее комнате и выносили ее наружу, где она могла насладиться лучами солнца, посмотреть на горы и озеро или понаблюдать, как мы с отцом работаем в поле. Прозрачный пластик пропускал ультрафиолет, что было ей лишь на пользу.

Носить маленькую худенькую девочку не составляло никакого труда, и в светлую фазу она проводила немало времени на воздухе.

Мы начали свое хозяйство с курицы-наседки и пятнадцати оплодотворенных яиц, а также пары кроликов. Вскоре у нас уже имелось свое мясо. Пегги мы всегда говорили, что берем жаркое на обед у Шульцев, и вряд ли она когда-либо узнает правду. Поначалу я ежедневно ходил на ферму Шульцев за свежим молоком для Пегги, но в середине лета мне подвернулся шанс обзавестись коровой-двухлеткой в кредит по разумной цене. Пегги назвала корову Мейбл и очень расстраивалась, что не может ее погладить.

У нас не оставалось практически ни минуты свободного времени. Мне так и не удалось сдать зачеты, не лучше обстояло дело и с посещением скаутских сборов. Слишком много было забот и без того. К примеру, оборудование пруда – лагуну Серенидад заселили планктоном и водорослями, но рыбу там только собирались разводить, так что вряд ли стоило в ближайшее время ждать разрешения на рыбную ловлю. В итоге я сделал пруд для рыбок, вокруг которого мы посадили сад в китайском стиле.

Постоянной заботы требовали и растения. Высаженная мной трава прижилась, и вскоре после нашего переезда земля, похоже, готова была принять дождевых червей. Отец собирался отправить ее образец в город на анализ, когда к нам зашел папа Шульц. Услышав о наших намерениях, он взял горсть обработанной земли, помял ее, понюхал, попробовал на вкус и сказал, что я могу высаживать в нее своих червяков. Я так и сделал, и с тех пор они время от времени попадались нам при работе в поле.

По тому, как росла трава, были видны очертания засеянных затравкой полос в полях. Видно было также, как распространяются микроорганизмы, хотя и не особо заметно. Мне предстояло немало тяжелого труда, прежде чем полосы встретятся друг с другом и сольются, после чего можно будет подумать о том, чтобы взять напрокат жевун и обработать еще полтора акра, используя перегонной с нашего собственного поля и нашу собственную компостную кучу. Затем можно было заняться дроблением камней на очередных акрах, но вряд ли стоило думать об этом сейчас.

Мы посадили морковь, салат-латук, свеклу, белокочанную и брюссельскую капусту, картошку и брокколи, а между рядами высадили кукурузу. Неплохо было бы отвести акр под пшеницу, но на столь маленьком участке подобное не имело смысла. Рядом с домом располагалась особая грядка, где росли томаты, тыквы, горох и фасоль. Эти растения требовали для опыления пчел, и Молли приходилось опылять их вручную, что было весьма утомительным занятием. Мы надеялись, что рано или поздно у нас будет пчелиный улей, и энтомологи из экологической группы в буквальном смысле выбивались из сил, пытаясь вывести породу пчел, способных процветать в местных условиях. Все дело в том, что в числе прочего, хотя наша сила тяжести составляло всего одну треть от земной, наше атмосферное давление почти в пять раз меньше земного, что крайне не нравилось пчелам – им тяжело было летать.

А может, пчелы просто консервативны от природы.

Пожалуй, я был счастлив – или усталость и занятость просто не давали мне почувствовать себя несчастным – вплоть до следующей зимы.

Сначала зима казалась мне хорошей возможностью отдохнуть. Делать особо было нечего, кроме как собирать лед и ухаживать за коровой, кроликами и курами. Усталости я не замечал, в отличие от Молли, которая, похоже, полностью выматывалась. Она не привыкла к сельской жизни и не умела управляться на ферме так, как мама Шульц.

Кроме того, ей не хватало водопровода в доме, но вряд ли его стоило ожидать в ближайшем будущем. Естественно, я носил для нее воду, для чего обычно приходилось взламывать лед в ручье, но для всех нужд воды не хватало. Впрочем, Молли не жаловалась.

Не жаловался и отец, но от его носа к уголкам рта пролегли глубокие морщины, которые не полностью закрывала борода. Причиной тому была в основном Пегги.

Когда девочку впервые привезли на ферму, она сразу же ожила. Мы постепенно снижали давление в ее комнате, и она настаивала, что прекрасно себя чувствует и могла бы выйти наружу без всяких надувных носилок. Мы даже попробовали однажды так и сделать по совету доктора Арчибальда, и кровь из носа у нее не пошла, но минут через десять ей захотелось обратно.

Так или иначе, приспособиться она не могла. Дело было не только в давлении, – казалось, будто она вообще неспособна здесь прижиться и вырасти. Бывало у вас когда-нибудь так, что растение отказывается расти там, где его посадили? Вот и тут примерно так же.

Ее место было на Земле.

Вряд ли дела у нас шли так уж плохо, но есть гигантская разница между богатым фермером вроде папы Шульца, когда у тебя горы коровьего навоза на скотном дворе, в погребе висят окорока и есть все современные удобства, даже водопровод в доме, и бедняками вроде нас, которым приходится выбиваться из сил, чтобы погасить долги перед комитетом. Той зимой у нас хватало времени, чтобы над этим поразмыслить.

Однажды в четверг мы все собрались после обеда в комнате Пегги. Только что началась темная фаза, и отцу нужно было возвращаться в город – мы всегда устраивали ему проводы. Молли штопала, а Пег с Джорджем играли в криббедж. Я достал аккордеон и начал наигрывать какую-то мелодию. Пожалуй, у нас в тот момент у всех было радостно на душе, и я даже сам не знаю, что на меня нашло, но вскоре я обнаружил, что играю «Зеленые холмы Земли», чего не было со мной уже давно.

Я громко исполнил фортиссимо: «Уходят ввысь сыны Земли под грохот реактивных струй...», подумав, что реактивные струи давным-давно уже не грохочут, и мысль эта не оставляла меня до последнего припева, который играет очень тихо: «Дай нам, судьба, последнюю посадку на той планете, где мы родились...»

Подняв взгляд, я увидел, что по щекам Молли текут слезы.

Желая дать самому себе хорошего пинка, я поставил пронзительно пискнувший аккордеон на пол, даже не закончив, и встал.

– Что случилось, Билл? – спросил отец.

Я что-то пробормотал насчет того, что иду посмотреть, как там Мейбл.

В гостиную я оделся потеплее и действительно вышел наружу, хотя и не в сторону сарая. Прошел снегопад, и уже почти наступила кромешная тьма, хотя солнце зашло всего пару часов назад. Снег уже перестал идти, но небо затянуло облаками, скрывавшими из виду Юпитер.

Сквозь разрыв облаков на западе просачивался сумеречный свет закатного солнца. Когда мои глаза приспособились к мраку, я смог увидеть исчезающие в облаках заснеженные горы, покрытую снегом заледеневшую гладь озера и призрачные очертания окружавших наши поля валунов. Пейзаж вполне соответствовал моему настроению – он выглядел словно место ссылки за долгую греховную жизнь.

Я попытался понять, что я, собственно, здесь делаю.

Облака на западе слегка разошлись, и я увидел одинокую ярко-зеленую звезду низко над горизонтом, над той самой точкой, где зашло солнце.

Это была Земля.

Не знаю, как долго я так простоял. Наконец мне на плечо легла чья-то рука, и я вздрогнул. Это оказался отец, тепло укутанный для девятимильного путешествия сквозь тьму и снег.

– Что с тобой, сынок? – спросил он.

Я попытался ответить, но у меня перехватило дыхание. Наконец я с трудом сумел выговорить:

– Папа, зачем мы сюда прилетели?
– Гм... ты же сам хотел. Помнишь?
– Знаю, – кивнул я.
– И все-таки настоящая причина – главная причина – в том, что мы не можем позволить, чтобы наши внуки голодали. Земля перенаселена, Билл.
Я снова посмотрел на Землю.
– Папа, – наконец сказал я, – я сделал одно открытие. Жизнь заключается не только в том, чтобы сытно питаться трижды в день. Да, мы можем выращивать здесь урожай – при должном подходе можно вырастить даже волосы на бильярдном шаре. Но вряд ли твоих внуков ждет здесь лучшая судьба. Я знаю, в чем я ошибся.
– Ты не прав, Билл. Твоим детям здесь понравится. Так же как и эскимосам нравится жить там, где они живут.
– Чертовски в этом сомневаюсь.
– Не забывай – предки эскимосов не были эскимосами, они тоже были иммигрантами. Если ты отправишь своих детей обратно на Землю, скажем, учиться, они будут тосковать по Ганимеду. Они возненавидят Землю. Они станут слишком много весить, им не будет нравиться воздух, не будет нравиться климат, не будут нравиться люди.
– Но... послушай, Джордж, а тебе самому здесь нравится? Ты рад, что мы сюда прилетели?
Отец долго молчал.
– Меня, Билл, беспокоит Пегги, – наконец ответил он.
– Угу, знаю. Но что насчет тебя – и Молли?
– За Молли я не волнуюсь. У женщин свои причуды – тебе еще предстоит это узнать. – Он передернул плечами. – Мне пора. Иди в дом и скажи Молли, пусть приготовит тебе чашку чая. А потом присмотри за кроликами, – похоже, самочка снова собирается родить, так что крольчат потерять не хотелось бы.
Сгорбившись, он зашагал в сторону дороги. Я смотрел ему вслед, пока он не скрылся из виду, а затем я вернулся в дом.

16. Парад

Потом внезапно наступила весна, и все стало хорошо.
Даже зима кажется не такой уж неприятной после того, как заканчивается. Без зимы не обойтись – земля нуждается в морозе и оттепели, не говоря уже о том, что многие растения не станут плодоносить в отсутствие холодов. В любом случае четыре недели непогоды всегда можно пережить.
Весной отец временно уволился с работы, и мы совместными усилиями засеяли наши поля. Взяв напрокат механическую тачку, я разбросал живую почву по своим полосам. Далее последовал тяжкий труд по подготовке оврага к посадке яблонь. Вскоре после того, как папа Шульц дал мне семена, я начал проращивать их в помещении – сперва у Шульцев, потом у нас. Шесть семян дали побеги, и теперь саженцы вымахали почти на два фута.
Мне хотелось попробовать посадить их снаружи, – возможно, следующей зимой пришлось бы снова забрать их в дом, но попытаться стоило.
Отца тоже заинтересовало мое предприятие – не только из-за плодовых деревьев, но и из-за древесины. Древесина выглядит здесь устаревшим материалом, но попробуй без нее обойтись.
Думаю, Джордж представлял себе Большие Сахарные горы, покрытые высокими прямыми соснами... когда-нибудь.

Мы перекопали овраг, проложили дренаж и засыпали яму, потратив немало нашего зимнего компоста и часть драгоценного верхнего слоя почвы. Когда мы закончили, места хватало для двадцати деревьев, и мы высадили шесть наших саженцев. Пришел папа Шульц и произнес над ними благословляющую молитву.

Потом он направился в дом, чтобы поздороваться с Пегги, почти целиком заполнив ее комнатку. Как говорил Джордж, стоит папе Шульцу вдохнуть, и в комнате тут же падает давление.

Чуть позже папа Шульц и отец сели о чем-то поговорить в гостиной. Когда я проходил мимо, отец меня остановил.

– Билл, – спросил он, – как ты насчет того, чтобы сделать здесь окно?

Он показал на пустую стену.

– И как же мы будем сохранять тепло? – удивился я.

– Я имею в виду – настоящее окно, со стеклом.

Я задумался. Мне никогда не доводилось жить в помещениях с окнами – мы всегда обитали в квартирах. Конечно, я видел окна в загородных домах на Земле, но на Ганимеде не было ни одного окна, и мне даже не приходило в голову, что они вообще могут тут быть.

– Папа Шульц собирается сделать окно у себя в доме. Я подумал, что не так уж плохо сидеть в тепле и смотреть на озеро вечерами в светлую фазу, – продолжал отец.

– Какой дом без окон и камина? – безмятежно проговорил папа Шульц. – Теперь, когда у нас стали делать стекло, – почему бы и нет?

Отец кивнул:

– Три сотни лет человечество имело застекленные окна в домах. А потом все заперлись в крошечных клетках с кондиционерами и уткнулись в дурацкие телеэкраны. С тем же успехом можно было бы находиться и на Луне.

Сама подобная мысль могла потрясти, но выглядела она не столь уж плохо. Я знал, что в городе делают стекло. Джордж говорит, что стекольное производство – одно из древнейших, если не самое древнее, и притом одно из самых простых. Но я воспринимал стекло как материал для бутылок и тарелок, а не для окон. На Бирже уже продавались стеклянные ведра, примерно вдесятеро дешевле тех, что привозились с Земли.

Видовые окна – отличная идея! Можно было прорубить окно в южной стене и видеть озеро, а другое – в северную, чтобы видеть горы. Да и вообще, почему бы не сделать окно в потолке, чтобы смотреть на старый добрый Юпитер, лежа в постели?

«Успокойся, Вильям, – подумал я, – а то еще немного, и ты построишь целый дом из стекла».

После того как папа Шульц ушел, я поговорил на эту тему с отцом.

– Слушай, – сказал я, – идея насчет окон, конечно, хорошая, особенно для комнаты Пегги, но вопрос в том, сможем ли мы себе это позволить?

– Думаю, сможем, – ответил он.

– Я имею в виду – без того, чтобы тебе пришлось возвращаться на работу в городе? Ты же вкалывал как лошадь, а теперь это ни к чему. Ферма сможет нас прокормить.

– Как раз хотел об этом поговорить, – кивнул отец. – Билл, я уже почти решил отказаться от работы в городе, за исключением занятий, которые веду по субботам.

– А это тебе действительно нужно?

– Так уж вышло, что мне нравится учить инженерному делу. И не беспокойся насчет стоимости стекла – мы получим его бесплатно. Твоему старику причитается кое-какая благодарность за то, что он проектировал стекольное производство. «Не заграждай рта волу, когда

он молотит»¹⁷, – процитировал он. – А теперь займемся лучше делом – на пятнадцать часов намечается дождь.

Недели через три случился парад спутников – почти невероятное событие, когда Ганимед, Каллисто, Ио и Европа выстраиваются точно в одну линию и находятся по одну сторону от Юпитера. К подобному расположению они близки каждые семьсот два дня, но обычно не в полной мере. Все дело в том, что у них разные периоды обращения по орбите – от менее двух суток у Ио до более двух недель у Каллисто, и дробные части в точности не совпадают. К тому же их орбиты имеют разный эксцентриситет, а сами орбиты не лежат в одной плоскости. В общем, вполне логично, что настоящий парад спутников случается крайне редко.

Кроме того, в этот раз они выстраивались в одну линию также и с Солнцем – событие должно было произойти во время полной фазы Юпитера. Главный метеоролог мистер Хукер объявил, что, по имеющимся расчетам, столь идеальное расположение планет больше не повторится в ближайшие двести тысяч лет. Так что вряд ли стоит удивляться, что все с нетерпением ждали, когда это произойдет. Ученые из проекта «Юпитер» не находили себе места от волнения, заранее готовясь к наблюдениям.

Пребывание Юпитера в полной фазе означало не только то, что к выстроившимся в ряд пяти небесным телам добавится шестое – Солнце, но и то, что мы сможем увидеть тени Ганимеда и Каллисто, которые окажутся в центре Юпитера, как только Ио и Европа достигнут середины пути.

Полная фаза наступает в шесть утра в субботу, и мы все встали около половины пятого, а к пяти уже были на улице. Мы с Джорджем вынесли Пегги в ее надувных носилках и успели как раз вовремя.

Была прекрасная ясная летняя ночь, освещенная сиянием похожего на объятый пламенем воздушный шар Юпитера. Ио едва коснулась его восточного края – подобное событие называют «первым контактом». Европа уже слегка наползла на восточный край, и мне пришлось взглянуть, чтобы ее увидеть. Когда спутник не в полной фазе, его можно без труда различить на фоне планеты, но в полной фазе он стремится с ней слиться. Однако как Ио, так и Европа чуть ярче Юпитера, к тому же они нарушают узор его полос, что также позволяет их разглядеть.

Примерно на полпути к центру Юпитера в его восточной половине виднелись тени Ганимеда и Каллисто. Я бы не сумел их отличить, если бы не знал, что тень Ганимеда находится дальше к востоку. Они напоминали маленькие круглые черные пятнышки – три с небольшим тысячи миль мало что значат по сравнению с восьмьюдесятью девятью тысячами миль поперечника Юпитера.

Ио выглядела чуть крупнее теней, а Европа раза в полтора больше, примерно как Луна с Земли.

Мы ощутили легкий толчок под ногами, но он никого не беспокоил – к землетрясениям мы привыкли, к тому же именно в этот момент Ио «поцеловалась» с Европой, а затем начала постепенно заходить под нее – или за нее.

Спутники довольно быстро двигались на фоне диска Юпитера, а за ними медленно ползли тени. По прошествии примерно получаса две тени соприкоснулись и начали сливаться. Ио наполовину заползла под Европу, напоминая большую опухоль на ее боку. Оба спутника преодолели около половины пути до центра, а тени были к нему еще ближе.

Около шести часов Ио полностью скрылась под Европой, и Европа «поцеловалась» с тенью, которая теперь была одна и имела круглую форму.

¹⁷ Втор. 25: 4.

Еще через четыре или пять минут тень напозла сверху на Европу, и я понял, что вижу самое выдающееся зрелище в своей жизни – Солнце, Юпитер и четыре самых больших его спутника выстроились в одну линию.

Я шумно выдохнул, только сейчас сообразив, что затаил дыхание.

– Ничего себе! – только и сумел выговорить я.

– Согласен с тобой, Билл, – кивнул отец. – Молли, может, лучше отнесем Пегги в дом? Боюсь, она может простудиться.

– Да, – согласилась Молли. – Я тоже замерзла.

– Пойду схожу к озеру, – сказал я.

Естественно, ожидался самый крупный из всех известных приливов. Хотя озеро было не слишком большим, чтобы в нем существенно поднялась вода, я сделал накануне отметку, надеясь, что сумею измерить уровень прилива.

– Не заблудись в потемках, – крикнул мне вслед отец.

Я промолчал – дурацкое замечание в ответе не нуждается.

Я прошел около четверти мили после конца дороги, когда последовал удар стихии.

Страшный толчок швырнул меня лицом вниз. Я знал, что такие сильные землетрясения в Калифорнии, но с этим они не могли сравниться ни в коей мере. Какое-то время я лежал ничком, вцепившись ногтями в камни и пытаюсь удержаться.

Тошнотворные толчки следовали один за другим, и на их фоне раздавался низкий грохот, куда более ужасающий, чем удары грома.

В бок мне ударил катящийся камень. Я поднялся на ноги, сумев устоять. Земля все еще раскачивалась, грохот не умолкал. Я бросился бежать в сторону дома, спотыкаясь словно на шатающихся льдинах и дважды упав по пути.

Фасад дома полностью обвалился, крыша накренилась под неестественным углом.

– Джордж! – заорал я. – Молли! Где вы?

Джордж услышал меня и выпрямился. Он находился по другую сторону дома, и я увидел его над обвалившейся крышей. Отец молчал. Я метнулся к нему.

– Вы целы? – спросил я.

– Помоги вытащить Молли, – выдохнул он.

Позже я узнал, что Джордж вошел в дом с Молли и Пегги, помог извлечь Пег из носилок и отвести девочку в ее комнату, а потом снова вышел на улицу, оставив Молли готовить завтрак. Землетрясение случилось в тот момент, когда отец возвращался из сарая. Но тогда у нас не было времени на разговоры – нам пришлось голыми руками растаскивать каменные блоки, для укладки которых требовались совместные усилия четверых скаутов.

– Молли! Молли! – рыдал Джордж. – Где ты?

Молли лежала на полу рядом с каменным столом, на который рухнула крыша. Мы оттащили остатки крыши, и Джордж перебрался через обломки.

– Молли! Молли, милая!

Она открыла глаза:

– Джордж!

– Ты цела?

– Что случилось?

– Землетрясение. Ты цела? Не ранена?

Молли села и, поморщившись, ответила:

– Похоже, нет... Джордж! Где Пегги? Найди Пегги!

Комната Пегги была нетронутой – укрепленные стены выдержали удар стихии. Джордж настоял на том, чтобы сперва вывести Молли на улицу, а затем мы начали оттаскивать каменные плиты, не позволявшие добраться до ведущего в комнату шлюза.

Внешнюю дверь шлюза сорвало с креплений. Внутри было темно – свет Юпитера туда не проникал. Я впотьмах толкнул внутреннюю дверь, но та не подалась.

– Никак не открыть, – сказал я отцу. – Принеси фонарь.

– Вероятно, ее удерживает давление воздуха. Крикни Пегги, чтобы забралась в носилки, и мы спустим воздух.

– Мне нужен фонарь, – повторил я.

– У меня его нет.

– Разве ты его не брал?

У меня был фонарь – мы всегда брали с собой фонари, выходя на улицу в темную фазу, но во время толчка я его где-то потерял.

Немного подумав, отец перебрался через обломки и вскоре вернулся:

– Нашел его по дороге к сараю. Вероятно, выронил.

Он посветил на внутреннюю дверь и тихо проговорил:

– Плохо дело. Взрывная декомпрессия.

Между верхом двери и рамой виднелась щель, в которую можно было просунуть пальцы. Дверь удерживало вовсе не давление – ее заклинило.

– Пегги! – крикнул отец. – Пегги, милая, ты меня слышишь?

Ответа не последовало.

– Билл, возьми фонарь и встань в стороне, – сказал он мне.

Отойдя назад, он с размаху ударил в дверь плечом. Та слегка подалась, но не открылась. Он ударил еще раз, и дверь распахнулась, бросив его на четвереньки. Отец поднялся на ноги, и я посветил фонарем в комнату.

Пегги лежала наполовину свалившись с кровати, словно пыталась встать, прежде чем потерять сознание. Голова ее свисала вниз, и изо рта на пол текла струйка крови.

Следом за нами вошла Молли, и они с отцом уложили Пегги в носилки, после чего отец поднял давление. Пегги была жива – она судорожно дышала, кашляла и забрызгала нас кровью, пока мы пытались ей помочь, а потом расплакалась. Когда ее поместили в носилки, она, похоже, успокоилась и заснула – а может, снова лишилась чувств.

Молли плакала, но вела себя удивительно сдержанно. Выпрямившись, отец утер лицо и сказал:

– Билл, берись за носилки. Нужно доставить ее в город.

– Да, – кивнул я, встав с одного конца.

Молли держала фонарь. Пробравшись через груды камней, которая еще недавно была нашим домом, мы с отцом вышли на открытое пространство и поставили носилки на землю. Я огляделся.

На фоне диска Юпитера все так же виднелись тени – Ио и Европа еще не достигли его западного края. Все произошло меньше чем за час. Но мое внимание привлекло не это – слишком странно выглядело небо. Звезды светили слишком ярко, и их было слишком много.

– Джордж, – спросил я, – что стряслось с небом?

– Сейчас не до этого... – Внезапно он замолчал и медленно проговорил: – О господи!

– Что? – забеспокоилась Молли. – Что случилось?

– Все в дом, быстро! Нужно найти всю одежду, какая только есть. И одеяла!

– Что? Зачем?

– Тепловая ловушка! Ее больше нет, – вероятно, землетрясение разрушило энергостанцию!

Мы снова начали рыться в обломках, пока не нашли все необходимое. Времени это заняло немного – мы знали, где что лежит, и требовалось лишь отвалить камни. Одеяла предназначались для носилок – отец замотал их, словно кокон, и завязал.

– Ладно, Билл, – сказал он. – А теперь – вперед!

В это мгновение послышалось мычание Мейбл. Остановившись, я посмотрел на отца. Он тоже остановился, застыв в нерешительности.

– Тысяча чертей! – бросил он, впервые на моей памяти по-настоящему выругавшись. – Мы не можем бросить ее замерзать – она член семьи. Идем, Билл.

Снова поставив носилки, мы побежали к сараю. Он превратился в грудку мусора, но по жалобам Мейбл было слышно, где она. Мы сволокли с нее упавшую крышу, и она поднялась на ноги. Похоже, корова особо не пострадала, но, видимо, ее сильно оглушило. Она негодуя смотрела на нас.

Потребовалось немало усилий, чтобы перетащить корову через обломки, – отец тянул, а я толкал. Отец отдал повод Молли.

– А что с курами? – спросил я. – И с кроликами?

Некоторых раздавило, другие бегали по двору. Я почувствовал, как какой-то кролик юркнул между моих ног.

– Нет времени! – бросил отец. – Нам их все равно не забрать; все, что мы можем для них сделать, – перерезать им горло. Идем!

Мы направились к дороге.

Молли шла впереди, таща за собой Мейбл и неся фонарь. Без света нам было не обойтись. Небо, еще несколько минут назад чересчур светлое и ясное, внезапно затянуло дымкой. Вскоре Юпитер стал вообще не виден, а потом наступила кромешная тьма.

Под ногами хлюпала влага – не от дождя, но от неожиданно выпавшей росы. Становилось все холоднее.

Потом пошел промозглый проливной дождь, сменившийся мокрым снегом. Молли замедлила шаг.

– Джордж, – спросила она, – мы еще не дошли до поворота к Шульцам?

– Нет смысла, – ответил отец. – Нужно доставить ребенка в больницу.

– Я не об этом. Не стоит ли их предупредить?

– Ничего с ними не случится. У них крепкий дом.

– Но... холод?

– Ох...

Он понял, что она имела в виду, а потом, подумав, понял и я. Без тепловой ловушки и энергостанции каждый дом в колонии превращался в морозильную камеру. Что толку от энергоприемника на крыше, когда энергии нет вообще? Будет все холоднее, холоднее, холоднее...

А потом еще холоднее. И еще...

– Идем дальше, – внезапно сказал отец. – Решим, когда доберемся до поворота.

Но мы ничего не решили, поскольку поворота так и не нашли. К тому времени мы уже пробирались сквозь хлещущую в лицо метель, – казалось, будто в кожу вонзаются маленькие раскаленные иголки.

Когда мы миновали лавовую стену, отмечавшую начало новой дороги к нашему дому и новым фермам за ним, я начал отсчитывать про себя шаги. По моим подсчетам, мы прошли около пяти миль, когда Молли остановилась.

– В чем дело? – заорал отец.

– Дорогой, – ответила она, – я не могу найти дорогу. Похоже, я заблудилась.

Я разбросал ногами снег, под которым действительно оказалась мягкая земля. Отец взял фонарь и посмотрел на часы.

– Судя по всему, мы прошли около шести миль, – объявил он.

– Пять, – поправил я. – Или пять с половиной, если с самого начала.

Я объяснил, что считал шаги. Отец задумался.

– Мы дошли примерно до того места, где дорога сливается с полем, – сказал он. – Вряд ли это дальше полумили или мили до перевала через гряду Кнейпера, а за ней мы уже не заблудимся. Билл, возьми фонарь и пройдишь направо на сотню шагов, потом налево. Если не найдешь дорогу – пойдем дальше. И, ради всего святого, возвращайся по собственным следам – иначе в такую метель ты нас просто не отыщешь.

Я взял фонарь и отправился в путь. Направо ничего не обнаружилось, хотя я прошел сто пятьдесят шагов вместо ста. Вернувшись, я доложил обстановку и двинулся налево. Отец, возившийся с носилками, лишь что-то проворчал.

Пройдя двадцать три шага налево, я нашел дорогу, провалившись почти на фут, упав ничком и едва не потеряв фонарь. Поднявшись, я вернулся назад.

– Отлично! – сказал отец. – Накинь это себе на шею.

«Это» оказалось подобием хомута, который он соорудил, заново обвязав носилки одеялами и освободив часть веревки. Просунув в петлю шею, я мог нести основной вес на плечах, лишь поддерживая свой край носилок руками. Не то чтобы было очень тяжело, но руки начали коченеть от стужи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.